

АКАДЕМИЯ НАУК ССР

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Янишин (председатель),
М. Г. Ярошевский.*

Г. К. Цвєрава

**Дмитрий Алексеевич
ГОЛИЦЫН**

1734 - 1803

Ответственный редактор
доктор хим. наук Ю. И. СОЛОВЬЕВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Дмитрий Алексеевич Голицын. Цв е р а в а Г. К. — Л., Наука, 1985. 184 с.

Книга посвящена жизни и в основном научной деятельности замечательного представителя науки и культуры XVIII в. Дмитрия Алексеевича Голицына. Дипломат по профессии (русский посланник в Париже и Гааге), естествоиспытатель по призванию, Д. А. Голицын внес свой вклад в развитие учения об электричестве и главным образом минералогии и вулканологии. Он первый из русских образованных людей выступил с конкретными предложениями по отмене крепостничества в России. В книге использованы малоизвестные в наше время печатные труды по естествознанию Д. А. Голицына, а также впервые введенные в научный оборот его мысли.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Рецензенты

д-р ист. наук Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ,
д-р геол.-минер. наук И. И. ШАФРАНОВСКИЙ

Грант Константинович Цв е р а в а

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОЛИЦЫН (1734—1803)

Утверждено к печати

Редколлегией серии Научно-биографическая литература Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. И. Сушкова*

Художник *И. П. Кремлев*

Технический редактор *Ф. А. Юлиш*

Корректоры *Л. Б. Наместникова* и *Э. Г. Рабинович*

ИБ № 21338

Сдано в набор 13.09.84. Подписано к печати 07.01.85. М-24710. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.66. Усл. кр.-от. 9.93. Уч.-изд. л. 10.79. Тираж 40 000. Тип. зак. 1889. Цена 75 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.

199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Ц $\frac{140200000-511}{054(02)-85}$ 23-85

© Издательство «Наука», 1985 г.

В истории отечественной культуры и науки XVIII в. Дмитрий Алексеевич Голицын занимает особое место, и его деятельности трудно дать однозначное определение. Профессиональный дипломат и испытатель природы по призванию, видный минералог, член многих академий и научных обществ, тонкий знаток искусств, экономист, первый из образованных русских людей, сказавший свое веское слово за отмену крепостничества в России, — таковы лишь некоторые грани духовного облика этого яркого представителя эпохи Просвещения, «на которого „тьнь века его“ пала под самым характерным и острым углом».¹

Настоящая работа — первая и вовсе не претендующая на завершенность и безупречность попытка более или менее связного жизнеописания Д. А. Голицына, имеющая целью привлечь внимание к этому замечательному сыну русского народа, 250 лет со дня рождения которого исполнилось в 1984 г.

Ни полного, ни краткого жизнеописания Д. А. Голицына нет. Не оставил он и воспоминаний. Хотя его имя встречается в отечественной и зарубежной литературе по мировой истории, экономике, истории науки и культуры, писать его биографию — задача не из легких, так как весьма скудны исходные данные. Имеющиеся в библиографических, генеалогических и энциклопедических изданиях сведения о нем грешат неточностью и противоречивы.

Добротным, но не всеобъемлющим и требующим критического подхода источником служат письма Д. А. Голицына государственным деятелям, ученым, писателям, художникам, в научные учреждения. Львиная доля этой переписки находится в архивах нашей страны. В ЦГАДА

¹ *Дурылин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, 1932, 4—6, с. 100 (далее: *Дурылин*).

хранятся 15 конволютов полуофициальных писем Д. А. Голицына за 1760—1784 гг., отправленных из-за границы и адресованных его троюродному дяде вице-канцлеру А. М. Голицыну. Несколько документов из их числа были опубликованы в прошлом веке и вновь в советское время. Его письма имеются также в ЛО ААН (частично введены в научный оборот ленинградскими исследователями), ОР ГПБ, научной библиотеке Тартуского университета и других местах. Обширная дипломатическая корреспонденция из Франции и Нидерландов содержится в фондах АВПр. Часть эпистолярного наследия ученого разбросана в зарубежных хранилищах — в ГДР, Голландии, США и других странах. Его личный архив, хранившийся в городском архиве г. Брауншвейга и вмещавший рукописи научных трудов, огромное количество писем к нему и другие материалы, погиб во время Великой Отечественной войны.

Основой научной биографии Д. А. Голицына послужили прежде всего его печатные труды по естествознанию и письма к ученым. Автору посчастливилось получить и использовать в настоящей работе хранящиеся в архивах Брюсселя, Йены, Лейдена, Стокгольма и Харлема голицынские письма, которые цитируются по ксерокопиям. Исключением являются его письма в Йенское минералогическое общество, которые прочитаны *de visu* в архиве Йенского университета имени Фридриха Шиллера.

Окончились неудачей поиски портрета Д. А. Голицына, если не считать силуэтного портрета, обнаруженного в одном очень редком немецком издании его трудов в библиотеке Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Этот силуэт воспроизведен на обложке настоящей книги, чем автор обязан искусству московского художника И. В. Голицына.

Ученый писал только по-французски, что было в порядке вещей для людей его круга и той эпохи. Переводы его писем и печатных трудов, а также иноязычных текстов других авторов, кроме ранее опубликованных на русском языке, выполнены автором. Старинные меры, как правило, приведены к метрической системе. Датировка документов дана по новому стилю, кроме бумаг, написанных в России, где еще был принят старый стиль.

За оказанную помощь в разысканиях материалов автор выражает самую искреннюю признательность заведующей ЛО ААН В. И. Александровой, директору научной библиотеки Тартуского университета Л. Е. Пезп, научным

сотрудникам Ю. Х. Копелевич (ЛО ИИЕТ), Н. Я. Московченко (ЛО ААН), Н. М. Васильевой и С. Р. Долговой (ЦГАДА), Г. А. Миролюбовой (Государственный Эрмитаж), Л. Л. Альбиной (ГПБ), Е. А. Савельевой (БАН), Е. П. Виттенбург (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина).

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить директора Института истории медицины и естествознания при Йенском университете Х. Франке и заведующего университетским архивом Ф. Валя за предоставленную возможность работать над бумагами Голицына в Йене, равным образом научного атташе Бельгийской Академии наук Ж. Л. де Пэпа, профессора Лидского университета Э. Кросса, архивариуса-библиотекаря Голландского общества наук в Харлеме И. Г. де Бройна, библиотекарей Лейденского университета А. Грандюль и Стокгольмской Академии наук К. Бэкмана, директоров городских архивов Брауншвейга и Мюнстера А. Гарцмана и Ф. Кнакштедта за полученные от них ценную информацию и материалы, в том числе ксерокопии документов и печатных изданий.

На службе России

Собирая материалы для настоящей книги, автор прежде всего обратился к родословным. Самой ранней из них является брошюра конференц-секретаря Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллера,¹ в составлении которой принимал участие сам Д. А. Голицын, в те годы российский посланник при Версальском дворе. На это обстоятельство указал Н. Н. Голицын, монография которого, не лишенная, правда, пробелов и неточностей, опирается на все ранее изданные родословные как Голицыных, так и других знатных дворянских фамилий.² Имя же Дмитрия Алексеевича Голицына в генеалогическом плане на русском языке впервые упоминается Н. И. Новиковым.³

Д. А. Голицын не принадлежал к русской аристократии плебейского происхождения, вознесенной над народом милостью государей, как говорил А. И. Герцен. Род Голицыных восходит к великому князю литовскому Гедимину, внук которого Патрикей, князь Звенигородский на Волыни, прибыл в Москву и в 1408 г. поступил на службу к великому князю Василию I Дмитриевичу. Сын Патрикея Юрий, женатый на дочери московского государя Анне Васильевне, был дедом князя Ивана Васильевича по прозвищу Булгак. У последнего было четверо сыновей, из которых Михаил Иванович Голица, боярин Василия III Ивановича, стал родоначальником князей Голицыных, а другой сын, Андрей Иванович, — князей Куракиных. Выходит, что по женской линии они были Рюриковичами-Мономашичами.⁴ После Ивана Грозного Голицыны все более заметно выступают на авансцену истории России. Представители рода из поколения в поколение стояли у кормила власти — бояре и воеводы, фельдмаршалы и губернаторы, верховники и сенаторы, министры и дипломаты. Этот крепкий род дал стране людей науки, искусства и литературы.

Д. А. Голицын родился 15 мая 1734 г. в Петербурге.⁵ Дата его рождения не вызывает сомнений.⁶ Что касается места рождения, то этот же город значится в биографии католического миссионера Д. Д. Голицына, сына Дмитрия Алексеевича, как место рождения его отца.⁷

В XVIII в. в Петербурге находилось несколько голицынских владений. Так, сподвижнику Петра I М. М. Голицыну принадлежал дом у Синего моста на Мойке, который был снесен в 1739 г.⁸ Были еще три дома, которые по наследству перешли к А. П. Голицыной: на Кронверкском проспекте (ныне пр. Максима Горького), в районе нынешней улицы Воинова и на Васильевском острове. Второй из перечисленных домов, украшавший когда-то Литейную часть города, изображен на гравюре А. Ф. Зубова «Панорама Петербурга».⁹ Что касается дома на Васильевском острове, то он вошел в четвертую долю состояния А. П. Голицыной, завещанного младшему сыну Алексею, отцу Д. А. Голицына. Об этом владении известно следующее. В 1759 г. Г. Ф. Миллер обратился в Академическую канцелярию с просьбой выдать ему взаймы 2000 руб. «на покупку присканного им каменного дома, принадлежащего князьям Петру, Федору и Алексею Алексеевичам Голицыным на Васильевском острове, в 13-й линии, между набережной реки Невы и Большим проспектом, против Морского кадетского корпуса».¹⁰ Дом «с большим местом и обширными деревянными пристройками» был продан Миллеру, но тому не пришлось долго жить в нем: в 1766 г. по ходатайству вице-канцлера А. М. Голицына его назначили в Московский архив Иностранной коллегии.

Учитывая приведенные ссылки, соблазнительно было бы допустить, что Д. А. Голицын действительно родился в Петербурге, именно на 13-й линии Васильевского острова. Однако это вызывает сомнение и вот почему.

Д. А. Голицына относят к той ветви рода, которую с конца XVII в. в отличие от «Михайловичей», «Васильевичей» и «Ивановичей» называли «Алексеевичами»,¹¹ имея в виду боярина и воеводу Алексея Андреевича Голицына. Он имел четырех сыновей — Бориса, «дядьку» Петра I, Ивана, Петра и Федора. Последние двое и сын Бориса Алексей обучались мореходному делу на Адриатике и были в числе тех 38 дворян, которых Петр I послал за границу осваивать разные науки. Наибольших успехов добился А. Б. Голицын, который по возвращении домой ведал строительством кораблей на Астраханской верфи.

И. А. Голицын, дед ученого

Художник А. М. Матвеев. Частное собрание, Москва.

Иван Алексеевич Голицын, дед нашего героя, был комнатным стольником царя Ивана V Алексеевича. В 1684 г. он женился на 19-летней княжне Анастасии Петровне Прозоровской, правнучке Семена Васильевича Прозоровского, победителя шведов у стен Тихвина в 1613 г. А. П. Голицына, женщина умная и властная, породнившись через свою сестру Аграфену с царской семьей,¹² вошла в круг приближенных Петра I и его жены, впоследствии Екатерины I, доверительно переписывалась с ними. Она, первая статс-дама империи, носила «титул» князь-игуменьи учрежденного царем «всепьянейшего сумасброднейшего собора». Но она отнюдь не была шутихой, как об этом пишут, ничтоже сумняшеся, иные авторы. В 1717 г. А. П. Голицына была привлечена по делу царевича Алексея Петровича, признана виновной в недонесении и наказана батогами. Через пять лет ее простили, она вернулась ко двору, но ненадолго. В 1725 г. была «уволена на покой». Супруги скончались в 1729 г. и похоронены в Москве в фамильной усыпальнице в Богоявленском соборе, который и по сей день является архитектурной достопримечательностью Куйбышевского проезда. В частном собрании в Москве хранятся поясные портреты И. А. и А. П. Голи-

А. П. Голицына, бабка ученого.

Художник А. М. Матвеев. Частное собрание, Москва.

цыных работы А. М. Матвеева. Два их сына Федор и Алексей родились в Москве. А. И. Голицын, отец будущего дипломата и ученого, как и старший брат Федор, переживший младшего и умерший в чине капитана, служил в Бутырском полку прапорщиком, потом поручиком.

Эта воинская часть была учреждена в 1642 г. царем Михаилом Федоровичем в числе двух «выборных» московских полков солдатского строя, т. е. регулярных. По честву «водворения» в 1657 г. урядников и солдат в вотчинном подмосковном имении Романовых Бутырках (ныне в районе Бутырского вала столицы) полк получил свое название. Перед Северной войной в русской армии числилось четыре таких полка — Бутырский, Лефортовский и созданные Петром I привилегированные Преображенский и Семеновский полки, расквартированные в одноименных слободах. Бутырский полк участвовал во всех войнах, которые Россия вела на протяжении второй половины XVII—XVIII вв. С русско-турецкой войны 1768—1774 гг. он уже не возвращался в московские казармы.¹⁵

Стало быть, постоянным местожительством поручика Бутырского полка А. И. Голицына могла быть, по-видимому, только Москва или тогдашнее Подмоскovie, точнее,

Московский уезд. В Записной челобитной книге есть строки, внесенные 15 апреля 1729 г. за два дня до смерти его отца: «Бил челом боярин князь Иван Голицын; имеется за ним недвижимого имения родовых и купленных поместий и вотчин в разных городах, а именно: 1) в Московском уезде село Спасское-Губино — Гореево тож, сельцо Сумароково, деревня Петрунино; 2) Звенигородского уезда. . .». После перечисления «поместий и вотчин» еще в восьми местностях, записано: «учинил наследником меньшого своего сына князя Алексея Голицына».¹⁴ Село Спасское-Губино — Гореево названо первым в завещании, поэтому это владение можно и нужно считать родовым гнездом интересующих нас Голицыных, которое с 1681 г. принадлежало деду поручика А. И. Голицына Алексею Андреевичу Голицыну.

В пользу того, что село было родовым говорит и такое обстоятельство. Гореево, впоследствии Гиреево, находилось в пределах Вохонской десятины ¹⁵ Московского уезда по Владимирской дороге (ныне шоссе Энтузиастов). В настоящее время в этой местности столицы зеленый массив с вековыми дубами и Терлецкие пруды. В 1714 г. «по челобитью» того же Ивана Голицына «велено в сельце Гирееве построить вновь каменную церковь во имя нерукотворенного Спасова образа». В 1718 г. церковь была освящена.¹⁶ Вблизи нынешнего Федеративного проспекта почти рядом с городской больницей № 70 сохранилось кирпичное здание этой церкви, построенной в так называемом нарышкинском стиле. Подобная же церковь была возведена в соседнем Перове братом Ивана Б. А. Голицыным.¹⁷ Где же было строить храмы, если не в родовых имениях? Вполне вероятно, что именно в Спасской церкви Гиреева в 1728 г. венчался «меньшой сын» И. А. Голицына Алексей с княжной Дарьей Васильевной Гагариной, славившейся своей красотой. По родовитости Гагарины вряд ли уступали Голицыным. Не вдаваясь в генеалогию князей Гагариных, укажем лишь, что Д. В. Голицына приходилась внучатой племянницей московскому коменданту, с 1708 г. сибирскому губернатору М. П. Гагарину, повешенному Петром I за казнокрадство и взяточничество.

С февраля 1729 по октябрь 1735 г., когда Бутырский полк не был в походах, в семье поручика родились пять сыновей — Иван, Петр, Федор, Алексей, Дмитрий и дочь Екатерина, которые, вероятнее всего, были уроженцами названного сельца. В русско-турецкую войну 1735—

1739 г. А. И. Голицын воевал вместе с своим полком и умер 5 июня 1739 г., скорее всего, убит на поле брани. Во всяком случае, никаких свидетельств о его погребении на каком-нибудь кладбище не сохранилось.

Косвенным подтверждением московского происхождения семьи Д. А. Голицына может служить его письмо от 30 сентября 1770 г. вице-канцлеру А. М. Голицыну, в котором упоминается принадлежащее ему и брату Петру «небольшое имение в 7 верстах от Москвы». Село Гиреево и находилось как раз не далее, чем в 7 верстах к востоку от границы тогдашнего города — Земляного вала (Рогожской заставы). Сейчас здесь проходит Новогиреевская улица, где по удивительной игре случая в одном из домов живут прямые потомки владельцев села Гиреева И. А. Голицына по линии его сына Федора.

В пользу того, что Д. А. Голицын родился в Подмосковье, свидетельствует и следующее. Офицер Бутырского полка не мог постоянно проживать в Петербурге, потому что при Петре II и в первые два года царствования Анны Ивановны столица на Неве, можно сказать, обезлюдела, так как двор находился в первопрестольной. Кроме того, императрица не очень жаловала Голицыных, и представители этого рода старались отсидеться в своих деревнях, дожидаясь перемен.

Тридцатые годы были едва ли не самыми бедственными для России в XVIII в.: засилье остзейских немцев, презиравших страну, которую они нагло обирали; небывалая дотоле и безвкусная роскошь двора в «государстве чрезвычайно бедном» (С. М. Соловьев); неурожай 1733 г. и голод; восстановление тайной канцелярии; война с Турцией, своеобразным апофеозом которой был печально знаменитый Ледяной дом, выстроенный в январе 1740 г. на Неве. В марте 1732 г. был учрежден доимочный приказ, который сразу же стал таким же ненавистным, как и тайная канцелярия с ее ужасами. Приказ этот был предназначен для «правежа и взыскания» в доимку запущенных с 1720 по 1732 г. сборов.¹⁸

В таких невыносимо тяжелых условиях российской действительности проходили детские годы Дмитрия Голицына в Подмосковье. Предположительно в 40-х годах, после восшествия на престол Елизаветы Петровны, Д. В. Голицына с детьми переехала в Петербург и поселилась в василеостровском доме. Надо было пристраивать сыновей. Для многодетной и небогатой вдовы путь для

этого был один — определить сыновей в Корпус кадетов, который в 1752 г. после образования Морского корпуса был переименован в Сухопутный шляхетный кадетский корпус. В этом деле ей, вероятно, помог родной брат князь С. В. Гагарин, впоследствии шталмейстер.

В свое время императрица Анна Ивановна сочла необходимым выполнить обещание, данное дворянству ею же устраненным Верховным тайным советом, об основании военного учебного заведения, в котором молодые дворяне становились офицерами, минуя обязательную раньше солдатскую лямку. Указом Сенату от 29 июля 1731 г. предписывалось учредить Кадетский корпус: «Весьма нужно, дабы шляхетство от малых лет к воинскому делу в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали мы: учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей, от 13 до 18 лет . . ., которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому действию потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному военному делу склонна, также и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение: того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцеванию, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, по тому б и к учению определять. И на содержание того корпуса и учителей и на прочие расходы определяем сумму 30 000 рублей».¹⁹ Семь лет назад на устройство Академии наук было ассигновано всего около 25 000 руб. Характерно, что в уставе Кадетского корпуса, утвержденном 18 ноября 1731 г., сделана ссылка на Академическую гимназию как на образец: «Корпусу кадетов быть в Санкт-Петербурге, понеже тамо они, как в определенной при Академии наук гимназии в разных науках обучены быть, также и от Академии самой, к вящему их в науках успеху, потребные способы получать могут».²⁰

В Кадетском корпусе было четыре класса, но обучение длилось около восьми лет, так как в старших трех классах учились по два года. Новому учебному заведению был предоставлен бывший дворец А. Д. Меншикова и прилегающие здания (ныне по Университетской наб., 13).²¹ В 40—50-х годах XVIII в., когда могущая с ним соперничать Академическая гимназия, находившаяся тоже на Васильевском острове, пребывала в упадке, Кадетский

корпус являлся по существу единственным учебным заведением страны, где дети дворян могли получить среднее образование. В Корпусе имелась хорошая библиотека, куда поступали иностранные книги и периодические издания, существовал литературный кружок, а главное — в нем поддерживался высокий уровень преподавания, среди учителей были даже члены Петербургской Академии наук.

Известно, что братья Д. А. Голицына были офицерами. Хотя не сохранилось документов, можно предположить, что они являлись питомцами Кадетского корпуса. Иван и Федор были выпущены в Конную гвардию, причем первый, подполковник кирасирского полка, погиб на лошади. Петр, лейб-гвардии Измайловского полка секунд-майор, дослужился до генерал-поручика и имел придворный чин обер-егермейстера, с 1777 г. — сенатор. Гвардейским полковником был и Алексей.²² Прочные знания получил в Кадетском корпусе младший из братьев Дмитрий, прослуживший некоторое время капитаном в армии, откуда был переведен в Коллегию иностранных дел.

К концу правления Елизаветы Петровны, особенно во время Семилетней войны, в которую Россия вступила в 1756 г., появилась необходимость в обновлении дипломатического персонала. Люди петровского времени, работавшие в ведомстве иностранных дел, созданном царем по шведскому образцу в 1718—1720 гг., сошли или сходили со сцены. Для пополнения дипломатических представительств за границей принимались должные меры. В документе, озаглавленном «Имянной список обретающимся при иностранных дворах здешним министрам и при них канцелярским служителям с их годовым окладом», записано: «А по рескрипту от 14 апреля 1758 г.²³ велено определить при тех министрах (посланниках, — *Г. Ц.*) по три человека из дворянства людей достойных молодых и способных титулярными советниками с жалованьем по 600 рублей в год, дабы могли министерским делам обучаться, и из тех, кои наиболее себя усердными и способными окажут, производить по одному . . . при министре в советники . . . с жалованьем 1200 рублей в год».²⁴ Там же можно прочитать, что посланником в Париже значится «действительный камергер князь Дмитрий Михайлович Голицын, при нем советник канцелярии Федор Чернов, капитан князь Дмитрий Алексеевич Голицын, титулярный советник Николай Хотинский».²⁵ Последний тоже учился в Кадетском

корпусе и еще в 1756 г. был направлен в Коллегию иностранных дел.²⁶

Приведенная выписка датирована 1760 г. Именно в том году скончавшегося в Париже посланника М. П. Бестужева-Рюмина временно замещал прикомандированный к нему Д. М. Голицын, полный тезка и племянник верховника и троюродный дядя Д. А. Голицына.²⁷ Последний, видимо, еще учась в Корпусе, зарекомендовал себя «достойным и способным» и во исполнение апрельского рескрипта был направлен в русское посольство в Париж под надзор родственника «министершим делам обучаться». Согласно другому источнику, Д. А. Голицын проживал в Париже с 20-летнего возраста, т. е. с 1754 г., однако доказательств не приводится.²⁸ Возможно, что он бывал во Франции и в 50-х годах. Выбор Коллегии иностранных дел, возглавляемой М. И. Воронцовым, был как нельзя более удачным.

Для Голицыных дипломатическая карьера была чуть ли не фамильной привилегией. Еще в конце XVII в. В. В. Голицын, фаворит правительницы Софьи Алексеевны, проявил свои способности на должности руководителя посольского приказа. С первых же лет следующего столетия Голицыных назначали на ответственные посты в посольствах или же посылали с особыми поручениями к иностранным правительствам. Так, в 1701 г. министром в Вене был ближний стольник П. А. Голицын, в том же году Петр I направил в Персию своего эмиссара Д. М. Голицына, будущего члена Верховного тайного совета, устроителя знаменитой усадьбы Архангельское под Москвой. Даже при Анне Ивановне Коллегия иностранных дел не могла обходиться без понаторевших в дипломатии, хотя и опальных, Голицыных. Отозванный в 1730 г. из Берлина С. Д. Голицын через три года был направлен с чрезвычайной миссией в Персию. При последующих правительствах не было в Европе почти ни одной крупной столицы, в которой не был бы аккредитован в том или ином дипломатическом ранге кто-нибудь из этого рода.

В Париже, где начал свою дипломатическую деятельность молодой Д. А. Голицын, фамилию эту знали достаточно хорошо. В 1749—1755 гг. русским посланником там был Александр Михайлович Голицын, впоследствии посланник в Лондоне и вице-канцлер. Затем в Париже появился его двоюродный брат Дмитрий Михайлович,²⁹ который в конце мая 1761 г. был направлен полномочным

Вице-канцлер А. М. Голицын.

Художник Д. Г. Левицкий. Третьяковская галерея.

министром в Вену, где отслужил в этой должности 30 лет. Уместно заметить, что в некоторых зарубежных, нередко и в отечественных исторических трудах этих родственников путают друг с другом, дела одного приписывают другому.

Д. А. Голицыну пришлось начинать свою дипломатическую службу в Париже в очень сложное и неустойчивое в русско-французских отношениях время. Абсолютистская Франция прошла свою кульминацию, и Людовик XV со своим блистательно убогим окружением сделал все, чтобы монархия неудержимо покатилась в последние, отведенные ей историей, десятилетия своего существования. Особенно разительны были неудачи и провалы Франции во внешней политике. Три престижные войны, которые вела Франция при этом бездарном короле — за польское наследство (1733—1735), за австрийское наследство (1740—1748) и Семилетняя война (1756—1763), «не были в такой степени необходимы, чтобы нельзя было их избежать».³⁰ Последствия этих войн, от которых выгадали Англия и Пруссия, оказались прямо-таки плачевными для Франции. Она

потеряла свои владения в Северной Америке и Ост-Индии, практически лишилась флота, не говоря уже об огромных людских потерях и крайнем экономическом истощении. В разгар Семилетней войны, 10 октября 1761 г., Д. А. Голицын сообщал А. М. Голицыну в Лондон: ³¹ «В настоящее время Париж только и занят восстановлением своего флота», ³² к чему прилагал огромные старания герцог Шуазель, который в 1758—1777 гг. на разных высших должностях фактически руководил государством.

Весной того же 1761 г. в столицу Франции прибыл новый русский посланник П. Г. Чернышев, который больше хворал, чем исполнял свои обязанности.³³ С приходом к власти Петра III с его, мягко выражаясь, непопулярной голштинской родней, заключившего сепаратный мир с Пруссией, отношения между Россией и ее бывшей союзницей резко изменились к худшему. Людовик XV перестал замечать на приемах Чернышева. Не имея определенной должности, Д. А. Голицын был на посылках у своего начальника; его обязанности заключались лишь в том, чтобы каждый вторник ездить в Версаль наносить визиты вежливости Шуазелю. Такое положение, хотя оно дало возможность близко узнать всемогущего министра, не могло не угнетать Голицына, тем более, что он чувствовал, какую неприязнь испытывает к нему посол, выходец из скороспелой знати. Между тем французский посланник в Петербурге Луи Бретейль был отозван и заменен второстепенным дипломатом, что не могло не вызвать ответного шага со стороны русского правительства.

В письме от 28 июля 1762 г. Дмитрий Алексеевич благодарит вице-канцлера А. М. Голицына за назначение его советником посольства, которое успел утвердить еще Петр III, и добавляет: «Позавчера г. Чернышев заявил графу Шуазелю, что отбывает отсюда, оставляя г. Хотинского поверенным в делах. Я не удивлен, что он предпочел этого господина мне; ни Голицыны, ни любой другой человек знатного происхождения или просто порядочный человек не имеют чести быть угодными г. Чернышеву». В конце письма содержится просьба, чтобы его, Д. А. Голицына, назначили поверенным в делах или хотя бы «министром без характера».³⁴ Не будем осуждать молодого дипломата за эти амбиции. К тому же при своих 600, а потом и 1200 руб. в год он страдал от хронического безденежья, поскольку вследствие сокращения доходов от родового поместья денежные переводы от матери шли

редко. Укажем для сравнения, что тот же Чернышев получал 20 тыс. руб. в год.³⁵

На служебную неустроенность за границей жаловался не один только Д. А. Голицын. В 1784 г. в таком же примерно положении находился начинающий дипломат, будущий канцлер коллекционер Н. П. Румянцев, сын прославленного полководца П. А. Румянцева-Задунайского. «Мне 30 лет, — писал он по начальству, — и когда в эти лета сын фельдмаршала Румянцева с трудом добился быть во Франкфурте министром, ни лент, ни чинов не получает, знать собственные силы в нем слабы и неспособность его известна».³⁶

В августе 1762 г. в Париж прибыл новый русский посланник С. В. Салтыков, бывший до того резидентом в Гамбурге. По этому поводу Д. А. Голицын, в том же месяце назначенный поверенным в делах, 28 августа писал в Петербург: «Это мне показалось настолько экстравагантным, настолько удивительным, что я не хотел этому поверить».³⁷ Тут было чему удивляться, потому что этот граф ославил себя на всю Европу скандально-амурными похождениями, а будучи в Париже, попал в грязную историю с певичкой из Комической оперы.³⁸ Салтыков недолго продержался полномочным представителем России, и в 1763 г. был отозван, но из Парижа не спешил уезжать. К этому времени Екатерина II вступила в непосредственную переписку с Голицыным, оценила его достоинства и осенью 1763 г. назначила его полномочным министром в камер-юнкерском звании при Версальском дворе.³⁹ В продвижении Голицына сыграло роль, видимо, и то обстоятельство, что его брат Петр, в ту пору капитан Измайловского полка, был в числе тех сорока лиц, которые принимали самое действенное участие в перевороте 1762 г.⁴⁰

Отношения между правительствами России и Франции оставляли желать лучшего. Еще до отъезда Бретейля из Петербурга Людовик XV инструктировал его: «Цель моей политики в России отбросить ее насколько будет возможно от европейских дел. Все, что может повергнуть ее в хаос и вернуть к мраку, полезно для моих интересов».⁴¹ С. М. Соловьев писал в своем классическом труде: «Во Франции скромности не соблюдали. Герцог Шуазель повсюду явно действовал против России. . . При этом Шуазель не щадил и мелких средств для выражения своей ненависти к молодой державе, которая осмелилась обшир-

ностью политической роли соперничать с старою Францией. . .».⁴² Дело дошло до того, что в официальных бумагах, присылаемых французским правительством в Петербург, принижалась титулатура Екатерины II, и поэтому «по сделанным от Версальского двора затруднениям в рассуждении императорского титула и пресечения потому и переписки с оным, велено было князю Голицыну выехать из Парижа без аудиенции».⁴³ Последнее письмо Голицына из Парижа датировано декабрем 1767 г., следовательно, можно допустить, что он покинул Францию не позже начала следующего года. Не затрагивая здесь дипломатической деятельности Д. А. Голицына во Франции, что требует специального исследования, нужно отметить только, что его ум, наблюдательность, обходительность и высокая культура во многом способствовали преуспеванию внешней политики России в первые, неуверенные годы царствования Екатерины II. Стоит, однако, обрисовать ту сторону его деятельности в должности посланника, которую можно охарактеризовать как работу атташе по вопросам культуры, науки и техники.

В плане идеологическом и научно-культурном Франция того времени была генератором всех тех ценностей, что дала миру эпоха, названная веком Просвещения, и завершившаяся Великой французской буржуазной революцией. Тяга образованных русских, как и других европейцев, к этой стране была столь же естественной, как слежение за солнцем соцветия подсолнечника. Если у первых русских наблюдателей, побывавших во Франции в XVIII в., таких как посол в Нидерландах А. А. Матвеев, посетивший ее в 1705 г. по заданию Петра I, кружилась голова от показных атрибутов большого парижского света, то в последующем выявились более серьезные, духовные ценности. «Случилось так, что Франция стала образцом светскости и общежития для русского общества именно в то время, когда французская литература получила особое направление. Это подготовленное при Елизавете общество и стало с жадностью усваивать новые идеи, какие тогда развивались в этой литературе; именно с половины XVIII в. во Франции стали появляться наиболее крупные произведения, оказавшие самое сильное действие на образованные умы Европы».⁴⁴

Нелицеприятное и подробное описание Франции и ее столицы в 1790 г. оставил нам Н. М. Карамзин. За три месяца пребывания в бурлящем революционном Париже

он увидел и уразумел больше и глубже, чем многие его соотечественники, побывавшие до него в этом городе. Он замечал не только то, что в Париже «церкви кажутся галереями живописи или академиями скульптур» или что Академия наук, учрежденная Людовиком XIV и состоящая из 70 членов, «занимается физикою, астрономиею, математикою, химиею, стараясь открывать новое или доводить до совершенства известное», но и непролазную грязь на улицах, включая «славную Сент-Оноре», которая «всех длиннее, всех шумнее и всех грязнее». Он писал: «Здесь теперь не много русских: фамилия князя Г*, П* и более никого, кроме посланника, секретаря М* и г. У*, с которым вижусь нередко. У* небогат, но умел собрать прекрасную библиотеку и множество редких манускриптов на разных языках. . . Он знаком со всеми здешними библиотекарями и через них достает редкости за безделку, особливо в нынешнее смутное время. В тот день, когда народ разграбил бастильский архив, У* купил за луидор целую кипу бумаг. . .».⁴⁵ Под У* подразумевался, несомненно, сотрудник русского посольства в Париже и организатор русской типографии в Париже П. П. Дубровский, уникальная коллекция рукописей которого в 1805 г. поступила в ГПБ.⁴⁶

Среди деятелей русской культуры XVIII в. встречались и такие, правда, их было немного, которые огульно отрицали все французское. К ним относится Д. И. Фонвизин, который, путешествуя по Франции в 1777—1778 гг., видел только одно дурное. В письмах П. И. Панину, отличавшемуся консервативными взглядами, Фонвизин писал, например: «...приехал я в Париж, в сей мнимый центр человеческих знаний и вкуса... Корыстолюбие несказанное заразило все состояния, не исключая самих философов нынешнего века. В рассуждении денег не гнушаются и они человеческою слабостию. Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видел я на всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие».⁴⁷

Что тут можно сказать? Мы имеем случай не только галлофобии и ретроградства, но и заурядной клеветы. Эту черту писателя весьма тонко подметил советский литературовед С. Макашин: «Автор „Недоросля“ пользуется здесь приемом моральной дискредитации враждеб-

ных ему прогрессивных явлений путем отождествления их с той действительностью, отрицанием которых они являются». ⁴⁸

Впрочем, о воздействии французского Просвещения на развитие культуры в России написано достаточно и повторяться нет смысла. Не должно, однако, полагать, что любознательность была односторонней. Отнюдь нет! Еще до официального посещения Франции царем Петром в 1717 г., столь красочно описанного в «Мемуарах» герцога Луи Сен-Симона, ⁴⁹ французский историк де ла Невилль выпустил в 1699 г. в Париже «Любопытное и новое повествование о Московии, содержащее настоящее положение этого государства, Крымский поход 1689 г., причины последних переворотов и пр.». В этой книге, посвященной в основном правлению царевны Софьи, не обойден вниманием и ее фаворит В. В. Голицын. О нем Невилль писал, между прочим: «. . . он хотел начать освобождение крестьян с предоставления им тех земель, которые они обрабатывают». ⁵⁰

После сочинения Невилля на протяжении XVIII в. французскими авторами было опубликовано более десятка крупных работ, не считая переводных, по истории и тогдашнему состоянию России, в которых, как правило, давалась объективная оценка всему тому, что происходило до них и происходит в России на их глазах. В Парижских театрах ставили оригинальные пьесы на русские сюжеты «Петр Великий» Дора и «Меншиков» Лагарпа. Переводили на французский язык и издавали труды петербургских академиков Гмелина, Миллера, Палласа. Из переведенной с немецкого языка на французский «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова французы узнали, что и до Петра на Руси была государственность, создавшая свою культуру. Вольтер в своей «Истории Российской империи при Петре Великом» весьма проникновенно писал про Северную войну, что она была единственной во всемирной истории, которая не уничтожала, а создавала, приближив к современной цивилизации, обширную страну. Один из основоположников сентиментализма Бернарден де Сен-Пьер первым в 1762 г. открыл французским писателям дорогу в Россию, а еще раньше, в 1716 г., в Петербург приехал Жан Леблон, чтобы в течение трех лет работать главным архитектором строящегося города. В том же году в столице появился живописец Луи Каравак, плодотворно трудившийся там до конца жизни. С тех пор многие фран-

цузские художники и зодчие творили в России. Интерес французов к ней, еще не так давно приурочивавших ее к немыслимой «Тартарии» и считавших, что Москва «с Индиями граничит», проявился и в «Энциклопедии», первый том которой вышел в 1751 г. В 1783—1784 гг. путешествие по югу России совершил Шарль Баэр, изучивший экономику страны.

Что касается естественных наук, то пребывание Петра I в Париже в 1717 г. явилось подходящим поводом для того, чтобы французские ученые могли по первоисточникам приступить к изучению географии России. Приезд через четыре года во Францию царского библиотекаря И. Д. Шумахера явился новым импульсом к их любознательности. После основания в Петербурге Академии наук французские научные журналы довольно часто печатали сообщения о делах и достижениях русских академиков.⁵¹ Первым посланцем французской науки в России был астроном Жозеф Никола Делиль, приехавший в Петербург в начале 1726 г. на постоянную работу в качестве одного из первых приглашенных профессоров Академии наук. Он возглавил первое научно-исследовательское учреждение в России — Обсерваторию в здании Кунсткамеры. Прибывший вместе с ним его младший брат, тоже астроном, Л. Делиль де ла Кройер участвовал во Второй камчатской экспедиции и умер у берегов Камчатки.

В 1773 г. французский эссеист Антуан Тома заметил как-то, что «у русских покладистый и легкий характер, их язык после итальянского самый благозвучный в Европе».⁵² Мельхиор Гримм, издававший с 1753 г. в течение 20 лет тиражом всего в 20 экземпляров (только для монархов и крупных сановников) «*La Correspondance litteraire, philosophique et critique*», писал в 1782 г.: «русская нация в настоящий момент положительно находится в моде, и она заступила в этом отношении место английской нации».⁵³

Суть была, конечно, не в моде, а в исторической закономерности, вознесшей Россию на одно из первых мест в Европе, в ее все возрастающей роли в мире. Итак, несмотря на нескрываемую или плохо скрываемую враждебность Версальского двора к России, французские просветители во главе с энциклопедистами относились к ней с симпатией и пониманием, уважительно воспринимали духовное достояние русского народа, хотя они не могли не знать о пороках, присущих самодержавному крепостническому строю. Именно в XVIII в. началось продолжающееся по

сей день взаимопроникновение и взаимообогащение двух великих культур. И не будет преувеличением сказать, что у истоков этого благотворного процесса в самых первых рядах стоял Д. А. Голицын.

Мы видели, что Д. А. Голицын начал дипломатическую службу в Париже в 1760 г., возможно, бывал там раньше как частное лицо. Его вынужденное ничегонеделание при П. Г. Чернышеве имело ту положительную сторону, что у него оставалось достаточно времени, чтобы перезнакомиться и закрепить связи с виднейшими представителями французского Просвещения. Природный ум, воспитание и непреодолимое стремление быть причастным к протекавшему во Франции умственному движению, принявшему вскоре всевропейский характер, наконец, авторитет фамилии, члены которой ничем не запятнали себя, живя за границей, — все это открыло двери молодому дипломату в знаменитые парижские салоны. Среди их зачинателей следует назвать прежде всего маркизу де Ламбер, открывшую салон в 1710 г., а также маркизу де Тансен, внебрачный сын которой стал известен миру под именем Жана Лерона Д'Аламбера. Именно в этих богатых гостинных в свободном обмене мнений формировалось общественное мнение Франции, выкристаллизовывались важнейшие направления философской и научной мысли эпохи.

Большой известностью пользовался салон Мари Терез Жоффрен, вдовы богатого фабриканта зеркал. В 1768 г. в возрасте 69 лет она решилась на поездку в Россию, но доехала только до Варшавы, не рискнув двигаться дальше, в Петербург. Так ей не пришлось встретиться с Екатериной II, с которой она переписывалась. Князь А. Б. Куракин, вельможа, близкий к наследнику Павлу Петровичу, писал ему в июне 1772 г. из Парижа: «Мы были приняты г-жей Жоффрен. Это женщина, которая сумела показать себя с выгоднейшей стороны. Оставшись богатой вдовой, она целиком посвятила себя наукам, к которым чувствовала влечение. Ее дом превратился в святилище муз и хорошего вкуса. В определенные дни недели оказывают ей честь ученые, а знаменитые художники — в другие дни. Наиболее проницательные парижане создают себе ореол славы, домогаясь ее дружбы. Кажется, что все, что ее окружает, отмечено печатью гения. . . В Париже несколько таких домов, где принимают ученых, художников, любителей наук и где беседа касается лишь научных предметов и литературы. Их называют „духовными бюро“ (bureaux

d'esprit); никогда еще название не было столь уместным. Среди этих бюро наиболее прославленное г-жи Жоффрен». ⁵⁴ Вот другое суждение о Жоффрен: «Она вовсе не была ученая женщина и имела такт нисколько не скрывать недостатков своего образования, доходивших до незнания орфографии, но своим здравым смыслом и вместе женскою мягкостью умела внушить своим даровитым и ученым посетителям чрезвычайное к себе уважение и привязанность». ⁵⁵

Популярным был и существовавший с 1730 г. и заново открывшийся в 1747 г. на улице Сен-Доминик салон маркизы Мари дю Деффан, где встречались Вольтер, Дидро, Д'Аламбер, Монтескье, куда были вхожи приезжие интеллектуалы. Компаньонка г-жи Деффан, молоденькая и очень неглупая Жюли де Лепинас, открыла собственный салон, перетянувший к себе гостей ее бывшей хозяйки во главе с Д'Аламбером, превратившим это убежище в «лабораторию Энциклопедии». ⁵⁶ Здесь, вероятно, и было сформулировано полное заглавие этого бессмертного творения французского гения и знамени века Просвещения: «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел, составленный обществом писателей, отредактированный и опубликованный г. Дидро, членом Прусской Академии наук и словесности, а в математической части — г. Д'Аламбером, членом Парижской и Прусской академий наук и Лондонского королевского общества».

Кроме салонов, парижские вольнодумцы любили встречаться и в более непринужденной обстановке, в кофейнях (кафе), которые в 1667 г. ввел в столичный быт некий армянин Паскаль. В начале следующего века в городе насчитывалось множество кафе, где можно было не только выпить кофе, но и пообедать. Некоторые из них посещала и высшая знать. Писатели, философы, художники собирались в кафе Градо и заведении Лорана, где спорили Фонтенель, Руссо, Ламотт. Завсегдатаями открывшегося в 1689 г. кафе Прокопа были Вольтер, Кребийльон, Мармонтель, Дидро. ⁵⁷ Сюда навещался и Д. А. Голицын. Возможно, именно это кафе имел в виду Монтескье, когда не без язвительности писал: «В Париже в большом употреблении кофей: здесь много публичных заведений, где его подают. В некоторых из этих домов посетители рассказывают друг другу новости, в иных играют в шахматы. Есть даже дом, где готовят кофей таким способом, что он прибавляет ума тем, кто его пьет; по крайней мере всякий

выходящий оттуда считает, что стал куда умнее, чем был при входе». ⁵⁸ Шахматисты во главе с Филидором облюбовали кафе «Режанс». Здесь в 1844 г. состоялась знаменательная встреча К. Маркса и Ф. Энгельса, положившая начало их дружбе. ⁵⁹ К сожалению, здание кафе не сохранилось.

Художественная жизнь Парижа фокусировалась на вернисажах картин, скульптур и гравюр. С 1737 г. они устраивались через каждый год в Большом салоне Лувра, откуда и пошло название Салон. На выставках, привлекавших многочисленную публику, обсуждались экспонаты, шли споры о путях развития искусства. И там было, что выбирать для покупок. Салоны вдохновили Дидро написать для «Корреспонденций» Гримма девять очерков, озаглавленных «Салоны» (1759—1781), которые оказали сильное воздействие на выработку эстетических взглядов тогдашнего общества. Во время службы Голицына в Париже было четыре Салона (в 1761, 1763, 1765 и 1767 гг.), и, пожалуй, в эти годы на выставках собиралось все лучшее, что дало изобразительное искусство Франции во второй половине века. Достаточно назвать таких мастеров, как Натье, Шарден, Грёз, Фрагонар, Буше, Карл и Луи Ванлоо, Фальконе. Как писал Дидро, он и Голицын во время «ночных бесед» делились впечатлениями о Салонах.

Существовало еще одно крупное средоточие французской образованности — основанная в 1666 г. Академия наук, стоящая несколько особняком, поскольку была государственным учреждением. Научная жизнь Франции в годы пребывания там Голицына заблистала новыми именами, обогатившими естествознание. Начинающими учеными были Бюффон, Лаланд, Лаплас. Уже проявил себя основоположник математической физики Д'Аламбер. Все чаще слышался голос восходящего светила Лавуазье. Карамзин напишет потом: «Он есть гений химии, обогатил ее бесчисленными открытиями, и (что важнее всего) полезными для жизни, для всех людей. Быв перед революцией генеральным откупщиком, имеет, конечно, не один миллион, но богатство не прохлаждает ревностной любви его к наукам: оно служит ему только средством к размножению их благотворных действий». ⁶⁰

Естествоиспытатель XVIII в. причислял себя к сонму философов, основывающих свои познания и мировоззрение на тщательном и точном изучении природных явлений. В отличие от ученых предшествующих веков они осознанно

считали себя призванными приносить пользу согражданам, всему человечеству и гордились, если преуспевали в этом. Такого взгляда на науку, на ее «благотворные действия» придерживался и Д. А. Голицын. Он иронизировал над Жан Жаком Руссо и «ему подобными, которые полагают, что науки только вредят людям» (из письма от 15 мая 1778 г. директору Брюссельской Академии наук Нидхэму).⁶¹ Голицын посещал собрания Парижской Академии наук, знакомился с научной литературой, стараясь быть в курсе новейших достижений науки и техники. В его письмах вице-канцлеру мелькают сообщения о тех или иных научных событиях во Франции и других странах. Весной 1764 г. с нетерпением ждали солнечного затмения, которое должно было произойти 1 апреля. 5 апреля Голицын писал, что из-за пасмурной погоды никаких наблюдений выполнить не удалось. К письму была приложена печатная листовка с изображением 12 фаз затмения, «вычисленных для Парижа г-жей Лепот из королевской Академии наук в Безье».⁶² Через две недели, 18 апреля он посылает вице-канцлеру записку о сооружении мостов во Франции и Англии, в частности Вестминстерского моста на Темзе.⁶³ По его мнению, этот опыт может быть полезным при проектировании и строительстве мостов в Петербурге, где тогда пользовались лишь наплавными мостами и уже началось строительство каменных — Эрмитажного и Казанского. В другом письме, от 17 мая, Голицын сообщил тому же адресату об удачной операции глаз слепорожденного юноши, произведенной в Англии.⁶⁴ И так из года в год. Все это исподволь готовило Голицына к самостоятельной творческой работе на научной стезе.

Годы пребывания Д. А. Голицына во Франции были определяющими в формировании его склада мышления и мировоззрения. Он снискал доверие и уважение таких прославленных личностей, как создатели «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбер, писатель Мармонтель, экономисты Кенэ и Виктор Мирабо, отец трибуна революции Оноре Мирабо, философы Гельвеций, Гольбах, историк Мабли, скульптор Фальконе. Каждый из них оставил след в сознании Голицына, и каждый из них был обязан ему частицей своего «я», дружеской помощью, моральной поддержкой, гостеприимством, наконец, покровительством великой державы. Близкая дружба связывала Голицына с Дидро, который был старше его на 20 лет. Впрочем, все они были гораздо старше русского аристократа. Голицын был же-

ланным гостем и у Деффан, и у Жоффрен, которая знала русских не по наслышке, а с того времени, когда русским посланником в Париже в 1738—1744 гг. был поэт и эрудит А. Д. Кантемир, первый переводчик на русский язык «Персидских писем» Монтескье. Кантемир принимал у себя великого просветителя. Их беседы касались широкого круга научных и философских вопросов.

Большое, если не решающее влияние на социально-экономические и отчасти философские взгляды Голицына оказал Дэвид Юм. Получилось так, что по заключении в феврале 1763 г. Парижского мирного договора, положившего конец Семилетней войне, Юм, уже признанный философ, историк и публицист, приехал в Париж в качестве секретаря британского посольства. В автобиографии он писал, что несведущий человек «едва ли может представить себе прием, оказанный мне в Париже мужчинами и женщинами всякого положения. . . Жизнь в Париже представляет истинное наслаждение благодаря большому количеству умных, образованных и вежливых людей, какими этот город изобилует больше, чем какое бы то ни было другое место в мире. Я подумывал как-то поселиться здесь на всю жизнь».⁶⁵ Летом 1765 г. Юм был назначен поверенным в делах, а в начале следующего года покинул Францию. За три года жизни в Париже Юм не раз встречался и беседовал с Голицыным как по долгу службы, так и приватно, скорее всего в салоне Деффан. Из письма Дмитрия Алексеевича вице-канцлеру, датированного 3 февраля 1765 г., мы узнаем, что «после перевода трудов Юма, имеющих здесь блистательный успех, переводить с английского стало любимым занятием».⁶⁶

Когда в начале 60-х годов Голицын приступил к своей дипломатической работе, реакционные силы Франции должны были бы быть довольны развитием событий внутренней жизни страны. Покушение в январе 1757 г. на Людовика XV развязало руки противникам «Энциклопедии», седьмой том которой вышел в свет в том же году. В апреле 1758 г. Д'Аламбер не выдержал гонений и покинул поле боя. В январе следующего года Парижский парламент (суд) осудил «Энциклопедию», вслед за чем в марте Королевский совет под страхом строгих кар запретил распространение вышедших томов Словаря и печатание новых. В сентябре во всех церквях оглашали анафему папы Климента XIII. Казалось, пришел конец великому предприятию.

Завершению издания «Энциклопедии», т. е. выпуску еще 10 текстовых томов, опосредованно способствовали два события, происшедших почти одновременно в 1762 г. Это — изгнание иезуитов из Франции, где они начали вести себя слишком нагло, и государственный переворот, приведший к власти жену Петра III.

Положение Екатерины II, этой немки на русском престоле, было вначале неустойчивым, даже шатким, династически не обоснованным. Она остро нуждалась, помимо всего прочего, в надежной интеллектуальной поддержке извне, испытывала потребность в сочувствии европейского общественного мнения, которому задавали тон французы. Как женщина умная, начитанная, не лишенная литературного и историографического дарования, она черпала свои знания непосредственно из французской сокровищницы мировой культуры, включая письма властителей дум века Просвещения, которых она щедро одаривала. На формирование требовавшегося ей расположения она не жалела денег. Не скупилась она и на приобретения за границей шедевров искусства, в которых неплохо разбиралась, и книжных собраний. Екатерине II сопутствовал успех, хотя не все ей удавалось так, как ей хотелось бы, но сами попытки добиться намеченных целей и отклики на них создавали вокруг нее ореол просвещенной и пекущейся о благе подданных государыни. Проводником и исполнителем многих ее желаний был Д. А. Голицын. Нужно ли напоминать, что все широковещательные и просветительские тенденции, которые объективно сыграли столь положительную роль в истории русской культуры и просвещения, были забыты и перечеркнуты откровенно реакционной политикой, проводившейся Екатериной во второй половине ее царствования.

Екатерина II, будучи еще великой княгиней, выборочно читала первые фолианты «Энциклопедии», которые свободно распространялись в России. Конечно, знала она и о препятствиях, чинимых французскими властями против дальнейшего издания Словаря. Иначе трудно объяснить тот факт, что буквально через несколько дней после переворота она (будто у нее не было других, более важных забот) всерьез решила перенести печатание «Энциклопедии» в Ригу или какой-нибудь другой город России, идя в этом навстречу Вольтеру и его единомышленникам, которые выдвигали проекты ее завершения за границей, тем более, что дело было сверхприбыльным. Переговоры

шли в основном через Д. А. Голицына. Усилия его на этот раз пропали даром. Дидро не дал согласия на переезд. Императрица загорелась еще одной идеей — пригласить Д'Аламбера в Петербург в качестве воспитателя наследника Павла Петровича, а также вместе с ним и других авторов «Энциклопедии». Французский математик тоже ответил отказом. Чтобы скрыть обиду императрица послала ему через Д. А. Голицына медаль в честь своего восшествия на престол.

Эти экстравагантные, с точки зрения версальского двора, предложения, исходившие из «варварской» страны и совпавшие по времени с разгромом наиболее рьяных врагов «Энциклопедии» — иезуитов, сыграли весьма положительную роль в дальнейшей ее судьбе. Чтобы не стать посмешищем всей Европы, Людовик XV счел за благо отменить запрет на выход следующих десяти томов Словаря, которые исподволь готовились к печати. В 1765 г. состоявшее из 17 основных и 4 томов таблиц издание было завершено.

Когда об этом факте стало известно в России, нашлись охотники приобрести все тома «Энциклопедии». Одной из первых такое желание выразила основанная в 1757 г. Академия художеств, в которой после переезда в новое здание на берегу Невы началась более действенная, чем ранее, комплектация библиотеки. В связи с этим 23 декабря 1766 г. общее собрание Академии большинством в 12 голосов, при одном «несогласном» и одном воздержавшемся, приняло Д. А. Голицына в почетные члены,⁶⁷ что, как увидим ниже, было вполне оправданно. Диплом был подписан 10 января 1767 г., а уже 18 января конференц-секретарь от имени Совета Академии обратился к Голицыну с просьбой: «Академия просит Ваше сиятельство взять на себя труд „Большой энциклопедический лексикон“ весь с эстампами, ко оному принадлежащими, исправный и переплетенный, купя, при оказии переслать. Господин Дидро, конечно, не отречется Вашему сиятельству вспомоществовать, чтобы оные книги были исправны во всем, будучи в сочинении оном большим соучастником... Чего ж оные будут стоить, уведомите Академию и кому прикажете ... деньги принять, те же немедля отданы будут».⁶⁸ О том, что Словарь был куплен и доставлен по назначению, свидетельствует каталог академической библиотеки за 1773 г., в который занесены «присланные от его сиятельства Дмитрия Алексеевича Голи-

цына» тома «Энциклопедии». Они и сейчас хранятся в читальном зале библиотеки Института имени И. Е. Репина в Ленинграде.

Забегая вперед, скажем, что и в гаагский период жизни Голицын не прерывал своих дружеских отношений с французскими энциклопедистами, которые часто обращались к нему за помощью. В письме от 11 июля 1771 г. к вице-канцлеру А. М. Голицыну он сообщал, что в Женеве готовят очередное издание «Энциклопедии». «Для удобства же тех, — писал Д. А. Голицын, — кто имеет парижское издание, оно будет продолжено дополнительными шестью томами, над которыми будут работать те же авторы, а также другие мужи из Республики наук. Но так как редакторы хотели бы, чтобы статья „Россия“ получилась справедливой, интересной и правдивой, и не желали бы рисковать ничем, что могло бы шокировать нас, они обратились ко мне с просьбой доставить им достоверные научные труды о России — ее гражданской и политической истории, торговле, военном сословии, правительстве . . . императорской Академии наук, географии, естественной истории и производительности этой обширной империи».⁶⁹

Голицын имел в виду те дополнительные тома «Энциклопедии» (на самом деле было не 6, а 4 тома дополнений к статьям), которые вышли в свет в 1766—1780 гг. вместе с 8 томами таблиц и 2 томами указателей.⁷⁰ Казалось, энциклопедистам проще всего было бы запросить преемника Д. А. Голицына в Париже временного поверенного в делах Н. К. Хотинского, однако они предпочли не слишком близко живущего, но преданного идеалам Просвещения человека.

Приведенное выше письмо нашло отражение в протоколе академического собрания от 17 августа 1771 г., но со ссылкой не на Д. А., а на А. М. Голицына, что придавало просьбе французских просветителей особую значимость и указание на обязательность ее выполнения: «Г. Робине, редактор Добавлений „Большой парижской Энциклопедии“, просил г. вице-канцлера князя Голицына соблаговолить обеспечить его достоверными научными трудами относительно всего, что касается России, дабы он оказался в состоянии придать этим Добавлениям необходимую завершенность».⁷¹ Академия наук отослала в Париж требуемые материалы.

Вернемся, однако, в Париж. Неудача с организацией поездки редакторов «Энциклопедии» в Россию несколько

не отразилась на служебном положении Голицына и не обескуражила его. Он еще с большим усердием стал выполнять функции, так сказать, атташе по вопросам культуры. 19 января 1764 г. он извещает вице-канцлера: «Что касается человека, которого я имел честь рекомендовать Вам для Литературной корреспонденции с нашей всемилостивейшей государыней-императрицей, то мне его предложил Д'Аламбер. Он мне ручается за его способности и его взыскательность при выборе вещей, достойных быть сообщенными е. и. в., и полагает, что 1200 ливров вознаграждения достаточны для него, имея в виду, что прусский король и королева Швеции, которым он посылает Корреспонденцию, не дадут ему больше».⁷² Это, как, впрочем, было известно писем Д. А. Голицына вице-канцлеру, проходило через руки Екатерины II. В цитированном выше письме речь шла о Гримме и его «Литературной корреспонденции», о которой уже говорилось. Ответ с согласием получать гриммовский журнал не заставил себя ждать, и уже 26 января Гримм писал вице-канцлеру: «У меня остается одно опасение . . . , что князь Голицын, полномочный министр императрицы при французском дворе, по избытку расположения ко мне внушил Вашему сиятельству слишком благоприятное мнение о моих слабых дарованиях».⁷³

В 1765 г. Голицыну представился случай сделать нечто более существенное, чем содействовать Екатерине II подписаться на «Литературную, философскую и критическую корреспонденцию». Нуждаясь в деньгах для дочерниного приданого, Дидро решился на нелегкий шаг — продать свою библиотеку, состоящую из 2900 отборных книг. Среди парижан нашлись желающие купить ее, но Голицын сумел убедить Дидро продать это собрание Екатерине. Сделка состоялась на чрезвычайно выгодных и лестных для Дидро условиях: получив через Голицына солидную сумму в 15 000 ливров, он за жалованье оставался при своих книгах в должности библиотекаря императрицы. Европе было чему удивляться! Книги, а также рукописи Дидро, упакованные в 21 ящик, были отправлены из Руана в Петербург в июне 1785 г. после смерти писателя. К сожалению, библиотека Дидро рассеялась по книгохранилищам Петербурга—Ленинграда, и ее поиски все еще продолжаются.

Следующий, 1766 год, был еще более хлопотным для Д. А. Голицына. Дело, которое императрица поручила

президенту Академии художеств И. И. Бецкому, в своей основополагающей части легло на плечи Голицына. Надо было подыскать художника, который смог бы достойно увековечить в бронзе образ Петра Великого. Мало было найти такого скульптора, надо было еще убедить его поехать надолго в Петербург, чтобы там на берегу Невы воздвигнуть то, что поэт назовет потом «Медным всадником». У Голицына, отлично разбиравшегося в искусстве, глаз был меткий, и его выбор не без совета Дидро пал на Этьена Фальконе, пятидесятилетнего профессора Парижской Академии живописи и скульптуры, автора статей в «Энциклопедии». Вот что писал по этому поводу Дидро Бецкому летом 1766 г.: «Милостивый государь! Я весьма горд знаками доверия, которые Вы соблагволили оказать мне, и я старался ответить на это со все возможным усердием и расторопностью; но его сиятельство князь Голицын сумел столь хорошо завлечь моего Фальконе, который, с своей стороны, сделал так много в наших видах (набросал эскизы памятника, — Г. Ц.), что мне не остается почти никакой заслуги в успехе этого дела. Обаятельная привлекательность князя и редкое бескорыстие художника сделали все. Именно князь Голицын похитил у меня доброго друга. Фальконе выедет 15-го следующего месяца (сентября, — Г. Ц.)».⁷⁴

Голицын же сообщал первоприсутствовавшему в Коллегии иностранных дел Н. И. Панину: «Я не должен умолчать о черте бескорыстия господина Фальконе. Самое скромное требование других художников доходило до 450 тысяч ливров. Поэтому я счел себя вправе предложить 300 тысяч, но г. Фальконе нашел такую цифру вознаграждения преувеличенною, и что я не делал, я не мог уговорить его назначить более 200 тысяч ливров. Путевые и все остальные издержки, точно так же гораздо ниже того, что запрашивали другие художники».⁷⁵ В этом же документе, датированном 31 августа 1766 г., говорится о переговорах, закончившихся успешно, с директором королевских строений маркизом Мариньи на предмет получения специального разрешения для выезда Фальконе в Россию. Все шло, как нельзя лучше, и Фальконе 27 августа 1766 г. подписал контракт на выполнение памятника Петру I. От имени русского правительства контракт был подписан полномочным министром Д. А. Голицыным.

Обо всех этих перипетиях Голицын докладывал не только Панину, но сообщал о них и вице-канцлеру

А. М. Голицыну. Любопытно письмо из Парижа от 10 сентября 1766 г., вернее, постскриптум, написанный по-русски, что бывало чрезвычайно редко: «Искреннее одолжение буду иметь Вашему сиятельству, сведав о оказанных милостях сему честному и почтенному человеку, истинно честью и сентиментами преисполненному старику (!), и мало примеров столь великого бескорыстия, как его». И ниже по-французски: «Он везет с собой молодую ученицу 18 лет, у которой определенный талант делать портреты».⁷⁶ В письме из Компьена, где находился двор, Голицын ставит в известность вице-канцлера, что «вчера (12 сентября 1766 г., — Г. Ц.) я проводил г. Фальконе, который, я считаю, к 15-му следующего месяца прибудет в Петербург».⁷⁷ И, действительно, 15 октября Фальконе появился в столице России. Через 16 лет, 7 августа 1782 г. состоялось торжественное открытие памятника. О 200-летию этого события писали августовские номера наших газет и журналов за 1982 г., отмечая при этом роль Д. А. Голицына в истории создания монумента Петру I.⁷⁸

Излишне здесь рассказывать о том, как отбирал и покупал Голицын для отправки в Петербург чудесные произведения искусства, поштучно и целыми коллекциями (Крозá, Кобенцля, Фейтама и др.), составляющих мировую славу Эрмитажа, как заказывал те или иные картины отдельным художникам, например Жозефу Вьену. В числе шедевров, приобретенных Голицыным, «Возвращение блудного сына» Рембрандта.

Все сказанное выше говорит о том, что императрица и ее окружение вполне доверяли художественному вкусу и эстетическим понятиям Дмитрия Алексеевича. Примечательно высказывание Дидро из его письма 1767 г. (без даты) к находившемуся в Петербурге Фальконе: «Я как следует почувствовал нынешний упадок живописи лишь после приобретений, сделанных князем Голицыным для ее величества и приковавших мое внимание к старинным картинам. Великолепную коллекцию вы там получите! Князь, наш общий друг, невероятно преуспел в познании искусства. Вы сами удивитесь, как он разбирается, чувствует, судит. И это оттого, мой друг, что у него высокие помыслы и прекрасная душа. А у человека с такой душой не бывает дурного вкуса».⁷⁹

Любопытно свидетельство прусского камергера Э. А. фон Лендорфа, который в своих воспоминаниях «Тридцать лет при дворе Фридриха Великого», касаясь

пребывания Голицына в Берлине, отметил в дневнике за 25 февраля 1769 г.: «Я часто вижу с князем Голицыным, который производит впечатление весьма образованного человека, особенно в области искусства. Если с ним пойти в картинную галерею, то он сразу же называет каждого художника и рассказывает о нем, будто читает по книге».⁸⁰

Интересно сопоставить эти высказывания с мыслями самого Голицына о состоянии искусства во Франции. 26 мая 1766 г. он писал вице-канцлеру в конце своего послания: «Мне остается только добавить несколько слов на Ваше замечание, которое Вы сообразовали мне сделать по поводу французских художников. Вы полагаете, князь, что лучшие из них здесь иностранцы. На самом же деле, и я ручаюсь за это, наиболее искусные живописцы, скульпторы, граверы и архитекторы — французы. Есть и иностранцы, но весьма посредственные. Может быть, в части механических искусств найдется несколько первоклассных иноземцев, остальные все — французы».⁸¹

Выше мы называли имена французских просветителей, с которыми общался и дружил Д. А. Голицын, но Вольтер не упоминался. С 1760 г. он жил далеко от Парижа в своем замке Ферне на границе Франции и Швейцарии, куда он переехал из Делиса близ Женевы. Тем не менее, Голицын зорко следил за творчеством Вольтера, и все новое, что выходило из-под пера фернейского отшельника, пересылалось им в Петербург с первой же оказией, способствуя тем самым популяризации Вольтера в России. Так, 12 января 1764 г. он писал А. М. Голицыну: «Прилагаю при сем два новых сочинения Вольтера, о которых только и говорят теперь в салонах».⁸² Речь шла об изданных в 1763 г. «Истории России при Петре Великом» и «Трактате о веротерпимости». В том же 1764 г. императрица просит г-жу Жоффрен «похлопотать, чтобы князь Голицын выслал мне новый философский карманный словарь Вольтера».⁸³ Книга была выслана. Один неглупый и наблюдательный иностранец, побывавший в России в 1765—1766 гг., заметил: «Особы высшего круга только и бредили Вольтером и божились не иначе, как его именем».⁸⁴ В 1768 г. под покровительством Екатерины II была учреждена «Комиссия для печатания на русском языке хороших иностранных книг». «Кандид» Вольтера, изданный в 1769 г., и его же «Белый бык», появившийся в русском переводе спустя 10 лет, были в числе этих «хороших книг».⁸⁵

С 1765 по 1775 г. Д. А. Голицын переписывался с Вольтером. Целы ли его письма и где они хранятся — неизвестно. Об их содержании можно судить отчасти по ответам Вольтера, которых насчитывается восемь. Впрочем, их, может быть, и больше. Ведь все еще идут споры по атрибуции Д. А., А. М. и Д. М. Голицыных как возможных адресатов французского мыслителя.⁸⁶

В письме от 31 декабря 1766 г. Вольтер выражал беспокойство по поводу того, что «вот уже более шести месяцев» не получает от Голицына вестей. По-видимому, они встречались. Это могло произойти в Ферне в 1768 г., когда Дмитрий Алексеевич временно был не у дел. Очевидно, именно это свидание имел в виду Вольтер в своем письме от 25 января 1769 г., где есть такие строки: «Я проникнут воспоминанием о Вашем сиятельстве. Вы совершенно правы, считая меня в числе французов, истинно преданных Вам».⁸⁷

Голицын высоко ценил мнение властителя дум тогдашней Европы по широкому кругу вопросов и особенно по тем вопросам, которые имели отношение к нему, Голицыну, хотя он и не принимал безоговорочно суждений своего прославленного корреспондента. Живя уже в Голландии, Голицын редактировал и издавал труды близких ему по духу людей. Эти сочинения по истории, философии, эстетике, как правило, он посылал Вольтеру.

Одним из таких авторов был Фальконе. В течение 12 лет жизни в Петербурге он находил время для литературных занятий. Там он написал «Наблюдения над статуей Марка Аврелия и другими предметами, относящимися к изящным искусствам». Отталкиваясь от своего видения конного монумента, Фальконе подверг критике античную скульптуру.⁸⁸ Замечания его касались отклонений от законов оптики, допущенных древним ваятелем, а также диспропорций в фигуре лошади. Знакомясь с фондами Библиотеки Академии наук, Фальконе набрел на списки глав (34, 35 и 36-й) «Естественной истории» Плиния Старшего. Он извлек из этих глав разделы, трактующие о живописи и скульптуре, перевел на французский язык и снабдил обстоятельными комментариями, представляющими самостоятельный труд. С помощью Голицына обе работы Фальконе были изданы в Амстердаме, соответственно, в 1771 и 1772 гг. и в мае 1772 г. посланы Вольтеру. О суждении писателя относительно «Наблюдений над статуей Марка Аврелия» Дмитрий Алексеевич узнал из письма Теодора

Троншена, соседа и врача Вольтера, с 1778 г. почетного члена Петербургской Академии наук. Оно было отрицательным. 78-летний философ уже не мог воспринимать и одобрять чьих-либо новаторских взглядов, в том числе и Фальконе. 24 июля 1772 г. Голицын писал Троншену: «Меня крайне удивляет, что Ваш сосед гневается на моего друга Фальконе за немного нелестное мнение о лошади Марка Аврелия. Я считал его более терпимым, ведь он всегда бывал благодарен людям, которые откровенно выражали свои мнения, особенно когда они подкрепляли их разумными доводами. . . Как бы то ни было, Ваш сосед по справедливости весьма уважаемый, весьма знаменитый человек, с которым я бы советовался обо всем, исключая искусства, потому что я не считаю его компетентным в этой области».⁸⁹ 17 июня 1772 г. Вольтер писал Голицыну: «Перевод Плиния всегда полезен. Еще более полезны примечания г. Фальконе; он владеет пером так же, как и резцом».⁹⁰

Д. А. Голицын жил в левобережной части Парижа на улице Сены. Он много сделал для приема и устройства прибывавших в Париж на обучение из Петербургской Академии художеств. Поток пенсионеров был большим. С 1760 по 1789 г. в парижских художественных мастерских училось и работало около 50 русских художников — живописцев, скульпторов, архитекторов, граверов. В упоминавшемся письме Академии художеств от 18 января 1767 г. была и просьба «присмотреть» за ее питомцами, в частности за Ф. Г. Гордеевым и С. Ф. Щедриным, ставшими впоследствии видными художниками. Среди подопечных Голицына был и знаменитый скульптор Ф. И. Шубин, учившийся у Ж. Пигалья, и не менее известный портретист А. П. Лосенко, выдающиеся зодчие И. Е. Старов и В. И. Баженов. Оба архитектора были определены в мастерскую Шарля де Вайи, зодчего, градостроителя, живописца и декоратора, оставившего заметный след в искусстве своей эпохи,⁹¹ с которым Голицын был коротко знаком.

Как отмечает искусствовед Д. А. Кючарианц, Голицын не только покровительствовал пенсионерам Академии художеств, но и существенно влиял на их художественное мировосприятие. В 1766 г. он подал в Совет Академии художеств сочинение об архитектуре. Изложенные в нем «теоретические положения ориентируют архитекторов на использование античного наследия не механически, а при-

нительно к новым условиям, в творческом развитии. Голицын считал, что архитектура должна быть связана с человеком, масштабна ему». Примечательны его слова о том, что «архитектору следует не повторять прошлое, а развивать архитектуру . . . важно, чтобы „сложил бы он вериги, наложенные прежде его искусству, и простирал бы онаго пределы бесконечно“». ⁹² Голицын читал пенсионерам это свое сочинение, которое еще не опубликовано.

Парижский дом Голицына служил временным прибежищем для Ф. В. Каржавина, человека необычной судьбы. Сын богатого купца, он в девятилетнем возрасте был увезен во Францию, учился в коллеже г. Лизье, Сорбонне, некоторое время работал в посольстве под началом Голицына, но карьеры там не сделал. Студент Каржавин «из-за незнания русского языка» был отчислен из посольства и весной 1765 г. отправлен в Петербург «на первых из Франции кораблях». ⁹³ В 70-х годах Каржавин одним из первых русских путешествовал по Соединенным Штатам Америки, побывал на островах Кубе и Мартинике.

Общение с французскими просветителями, многие из которых состояли в масонских ложах, могло соблазнить и Голицына вступить в общество свободных каменщиков. Факт этот не установлен, и в специальных работах русских историков о причастности его к масонам ничего не сказано, упоминаются лишь три его брата. ⁹⁴ Любопытно, однако, запоздалое доносительство небезызвестного мракобеса М. Л. Магницкого. Снятый со своих постов за превышение власти и казнокрадство, он некоторое время жил в Ревеле (Таллине). Скупая от безделия, он сочиняет косноязычные «всепопданнейшие письма» Николаю I. 14 февраля 1831 г. Магницкий доносил об «иллюминатстве политическом». «Оно вошло к нам, — писал он, — следующими путями: 1-е. В шестидесятых годах (XVIII в., — *Г. Ц.*) привез или получил его бывший при императрице Екатерине II Елагин из Швеции и, как говорят, учредил первую ложу в Петербурге, ибо до сего покровительство энциклопедистов составляло иллюминатство того времени, и главные его адепты Гримм, живший в Париже и переписывавшийся с императрицею, князь Голицын, бывший там послом ее, и граф И. И. Шувалов, были единственными, сколько мне известно, укоренителями его в России, поколику то возможно было ободрениями патриарха сих иллюминатов, Вольтера, вызовом и приглашением Даламберта для воспитания великого князя наследника». ⁹⁵

Мы уже видели, что по соображениям высокой политики и под предлогом неуважительного отношения французского двора к Екатерине II Д. А. Голицын принужден был покинуть Францию. Ему очень не хотелось расставаться со своими друзьями, порывать с просвещенными кругами Парижа, ставшими для него школой передовой идеологии и свободомыслия. Он испрашивал у своего начальства разрешения остаться на время за границей для пополнения образования. Обращения Голицына по служебной линии не имели успеха. Тогда он просит Фальконе, находившегося в Петербурге, по ходатайствовать перед императрицей. Скульптор не преминул обратиться к ней, ведь он переписывался с Екатериной. Она была в Москве по делам «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения», когда получила письмо Фальконе от 12 ноября 1767 г. с просьбой о Голицыне. 29-го того же месяца она ответила: «Желание князя остаться за границей и для того, чтобы учиться, и потому, что тамошняя жизнь ему нравится, обманывает его на счет его положения. Он должен покинуть Париж; его средства не позволяют ему путешествовать . . . он не богат, с другой стороны, не думаю, чтобы Коллегия иностранных дел была столь любезна, что стала тратить свои суммы на художественные и иные путешествия. . . В итоге я думаю, что он найдет случай употребить с пользою в отечестве своем таланты, данные ему от неба».⁹⁶

Однако Д. А. Голицыну не пришлось «употребить» свои способности в России. Перед тем как выехать на родину, он все же провел несколько месяцев за границей под благовидным предлогом поправления здоровья, в чем он действительно нуждался. Ездил в Ферне на поклон к Вольтеру, отдыхал на берегу Женевского озера. Летом 1768 г. Голицын приехал в Ахен (ныне город в ФРГ), который с давних времен был известен своими сероводородными источниками, чтобы пройти курс лечения. На этот балнеологический курорт съезжались власть имущие со всех немецких земель. В тот сезон в Ахене лечилась принцесса Фердинанда, невестка прусского короля Фридриха II. В ее свите находилась дочь прусского фельдмаршала Самуэля фон Шметтау Адельгейда Амалия.

Амалия фон Шметтау родилась 28 августа 1748 г. в Берлине. Она свободно владела французским языком, увлекалась идеями энциклопедистов и для своих двадцати лет была вполне образованной девушкой. Состоявшееся

на водах знакомство Дмитрия Алексеевича с красивой девушкой перешло в серьезное чувство. 14 августа 1768 г. они обвенчались в одной из ахенских церквей. Таким образом, дорога в Россию превратилась для Голицына и его жены в свадебное путешествие. Новобрачные посетили Брюссель, Берлин, Ригу. В Петербург приехали в октябре того же года, были приняты Екатериной II, которая, как отметила в дневнике молодая, «удостоила вниманием и своим расположением» новоявленную княгиню, теперь уже Амалию Самуиловну Голицыну. Мы не знаем, где жили молодые, побывали ли они в Москве. Достоверно то, что Голицын, получив звание действительного камергера и чин тайного советника, был назначен «полномочным и чрезвычайным министром при Генеральных Штатах Соединенных провинций Нижних Нидерланд» с годовым жалованьем 8000 руб.⁹⁷ Несмотря на то, что А. С. Голицына была в ожидании ребенка, ее мужу предстояло, не мешкая, ехать к месту новой работы. На пути в Гаагу, в Берлине, где Голицыны пробыли несколько месяцев, 7 декабря 1769 г. у них родилась дочь Марианна, а 22 декабря следующего года в столице Голландии появился сын Дмитрий.

Семейная жизнь Голицыных на первых порах складывалась гармонично и счастливо. У молодой хозяйки посольского дома в Гааге было много общих духовных склонностей с мужем — образованнейшим человеком того времени. Судя по письмам и дневникам, опубликованным после ее смерти, она обладала известным литературным дарованием. Дидро на пути в Петербург, куда был приглашен Екатериной II, около месяца гостил у Голицына, работал там над «Племянником Рамо» и «Жаком фаталистом».⁹⁸ В письме из Гааги от 22 июля 1773 г. Дидро, делаясь со своей подругой Софи Волан впечатлениями о Голицыной, писал: «Княгиня вернулась из своей поездки. Это очень жизнерадостная женщина, веселая, остроумная, с довольно милым лицом; к тому же молода, образованна и полна талантов; она начитана и знает много языков, что в обычае немцев. Она играет на клавесине и поет как ангел; она находчива и сыплет остротами, в общем очень мила. . . Я живу с князем и его супругой как с добрыми братом и сестрой».⁹⁹

Голицыны в нидерландской столице жили на широкую ногу. В их доме находили временное пристанище знатные путешественники из России и иностранцы, едущие туда.

У них бывали и русские студенты. С А. С. Голицыной подружился братья Н. П. и С. П. Румянцевы, сыновья фельдмаршала, учившиеся в Лейденском университете. По долгу службы Голицын помогал тем своим соотечественникам, которые жили в Голландии как деловые люди. Например, он всячески защищал П. А. Демидова, внука основателя династии горнозаводчиков, открывшего в Амстердаме торговую контору,¹⁰⁰ от притеснений конкурентов.

Жизнь согласно дипломатическому протоколу вскоре приелась А. С. Голицыной, и с 1774 по 1780 г. большую часть года она проводила в деревне вблизи Гааги, где всецело предавалась воспитанию детей. Их домашним учителем был виднейший представитель нидерландского Просвещения Франс Хемстерхёйс, с которым впоследствии Голицына переписывалась. По возвращении из России Дидро с апреля по октябрь 1774 г. снова был желанным гостем Голицыных, у которых познакомился с Хемстерхёйсом. Последний подарил французскому писателю свой самый значительный труд «Письмо о человеке и его отношениях», вызвавший хвалебный отзыв Дидро.¹⁰¹

В семье Голицыных царил дух свободомыслия. Дмитрий Голицын младший вспоминал: «Я рос в своего рода религиозном индифферентизме. В моей семье откровенно презирали религию».¹⁰² Из анонимно напечатанного памфлета можно узнать, что «отец строго запретил говорить ему (Дмитрию младшему, — Г. Ц.) о вере и входить священнику в комнату его сына».¹⁰³ Ничто, казалось, не предвещало наступившего между супругами разлада. Однако умонастроения А. С. Голицыной со временем претерпели метаморфозу, она погрузилась в экзальтированную религиозность, что не могло не оттолкнуть ее от мужа-атеиста. В конце 1780 г. она вместе с детьми покинула мужа и переехала на постоянное жительство в Мюнстер в Вестфалии. Там она определила своего сына в гимназию при католическом университете, основанном в 1773 г. генеральным викарием Францом Фюрстенбергом. Находясь под сильным влиянием последнего, Голицына в 1786 г. перешла в католичество и открыла у себя нечто вроде парижского салона, так называемый мюнстерский кружок (Kreise von Münster), отличавшийся религиозным мистицизмом и оставивший след в истории немецкого предромантизма. Голицына общалась со многими деятелями немецкой культуры: с философом-идеалистом Фрид-

рихом Якоби, с Гете, с которым познакомилась в 1785 г. во время поездки в Веймар. Гете сам с удовольствием вспоминал свой ответный визит в Мюнстер в 1792 г.¹⁰⁴

До полного разрыва между супругами дело не дошло. Они переписывались. Дмитрий Алексеевич навещался в Мюнстер повидаться с детьми, да и для Голицыной не безразлична была жизнь покинутого мужа. Так, 14 марта 1788 г. она запрашивала Хемстерхёйса: «Вот уже 4 или 5 недель, как я не имею ни одного письма от князя, что с ним?».¹⁰⁵ Подобных запросов много в ее письмах.

Необычной была судьба Д. Д. Голицына. По настоянию матери он в 17-летнем возрасте принял католичество, в 1792 г. отправился в США. Мать провожала его до Роттердама. Простился ли он с отцом — неизвестно. Д. Д. Голицын сперва обосновался в Балтиморе, где в 1794 г. под началом первого епископа католической церкви в США Джона Кэррола был рукоположен. Приняв имя патера Августина Смита, он посвятил себя миссионерской деятельности, основал земледельческую колонию Лоретто в штате Пенсильвания, где и умер в бедности. Близлежащая железнодорожная станция и по сей день называется «Голицын».¹⁰⁶ Некоторые исследователи ошибочно считают, что А. И. Герцен имел в виду патера А. Смита, когда писал: «Печерины, Гагарины, Голицыны бежали в католицизм, чтоб не задохнуться».¹⁰⁷ У Герцена речь шла о его современниках П. А. и А. П. Голицыных.

Итак, с января 1770 г. началась вторая полоса жизни Д. А. Голицына не на таком видном, как в Париже, но не менее ответственном посту российского посланника в Республике Соединенных провинций, штатгальтером которых в 1766—1795 гг. был Вильгельм V Оранский.

Русские в Голландии не были новичками. Со времен «Великого посольства», возглавлявшегося царем Петром, посетившим Нидерланды в 1697—1698 гг., проникательные голландцы почувствовали, что на Востоке зреет новая сила, с которой нельзя будет не считаться. Все явственней Россия и Голландия становились взаимовыгодными торговыми партнерами, поэтому в период Северной войны последняя придерживалась благожелательного нейтралитета. Петр I осознал, что первое в Европе государство купцов во многом будет полезным его грандиозным замыслам, и в начале своего правления «все голландское стало в его глазах достойным подражания».¹⁰⁸ Царь направил в Голландию своим посланником одного из образованней-

ших людей своего окружения упоминавшегося выше А. А. Матвеева, которому не понравилась столица этой страны. В феврале 1700 г. Матвеев сообщал из Гааги в Москву: «Жизнь моя зело здесь многоскучная и многоскорбная. Гравенгага — самый скучный город, и люди зело не человеколюбивы, а к дарам ласковы и к приезжим малое любительство имеют, только в своих повседневных утехах забавляются».¹⁰⁹ Учившийся в Лейдене А. Б. Куракин, не раз бывавший в Гааге и гостивший у Голицыных, писал в сентябре 1771 г. в своих «Воспоминаниях»: «Гаага маленький, аккуратный и скучный город. . . Ласкает глаз лишь Ворхоот — длинная аллея, обрамленная тремя или четырьмя рядами деревьев . . . хороша и дорога к морю . . . достоин внимания кабинет естественной истории принца Оранского . . . в театре играет французская труппа».¹¹⁰

В Париже усилия Д. А. Голицына на дипломатическом поприще были направлены главным образом на пресечение французских козней против позиции России в злободневном польском вопросе, а в Нидерландах ему выпало на долю вписать несколько первых страниц в новую главу отечественной дипломатии. Имеется в виду становление дипломатических отношений между Россией и провозгласившими в 1776 г. независимость Соединенными Штатами Америки. За шесть лет до того, 5 марта 1770 г., произошло первое серьезное столкновение между колонистами и британскими властями, получившее название «бостонской бойни». Это событие, совпавшее с началом работы Голицына в Гааге, как бы предопределило главную линию его деятельности как российского посланника при дворе штатгальтера Вильгельма V.

Симпатии Д. А. Голицына с самого начала конфликта между метрополией и колониями были на стороне последних. В те редкие дни, а быть может, часы, когда Дмитрий Алексеевич виделся с сыном, он наставлял его руководствоваться в жизни примером Вашингтона и Джефферсона. В этих своих пристрастиях Д. А. Голицын не был оригинален. Русская передовая общественность в целом относилась благожелательно как к целям, так и деятелям Американской революции.

Симпатии к Америке Голицына подогревались французскими реминисценциями и нелюбовью к Англии, о чем не раз английский посланник в Гааге Дж. Йорк с раздражением извещал своего коллегу в Петербурге Дж. Гарриса.¹¹¹ Но дело было, конечно, не в эмоциях. Российский

полномочный министр в Голландии обязан был прежде всего радеть за интересы своей страны, и когда они совпадали с его личными чувствами и взглядами, то это обстоятельство психологически облегчало выполнение его миссии. Голицын, как и первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н. И. Панин, отвергал легитимный подход к проблеме независимости США и никогда не считал американцев мятежниками, восставшими против законного суверена. Голицын «исходил в своих оценках и прогнозах из широкого понимания задач международной политики России, не связывая себя защитой династических интересов и угодничеством перед императрицей...». ¹¹² Его дипломатическая деятельность в Гааге впервые освещена и получила высокую оценку в трудах советского американиста Н. Н. Болховитинова. Он писал, в частности: «В отличие от многих своих коллег — тупых и самодовольных царских сановников — Д. А. Голицын не только придерживался самостоятельных взглядов по ряду важных вопросов, но и систематически подавал советы в С.-Петербург Н. И. Панину, И. А. Остерману и самой Екатерине II (не говоря уже об А. М. Голицыне), что не часто встречалось в дипломатической практике того времени. . . Нет сомнений . . . в том, что деятельность Д. А. Голицына в Гааге заслуживает специального внимания историков». ¹¹³

Вспыхнувшая в 1775 г. война за независимость британских колоний в Северной Америке, втянувшая в свою орбиту на стороне американцев Францию, Испанию и наконец Голландию, являясь в значительной мере войной на морских коммуникациях, наносила серьезный ущерб нейтральному торговому судоходству, в том числе русскому. Захватом торговых кораблей «без всякого почтения к разным флагам» особенно отличался британский флот, начавший первую в истории нового времени неограниченную морскую войну.

Для обеспечения безопасности своих торговых судов русское правительство решило сперва послать весной 1779 г. в Северное море «эскадру своих линейных кораблей и фрегатов, которым будет приказано должным образом защищать торговлю и судоходство, удаляя от этой береговой полосы любое каперское судно, которое там появится». ¹¹⁴ Но этого оказалось недостаточно. Требовалось широкое международно-правовое обоснование для защиты торгового судоходства. И оно было сформулировано рус-

ской дипломатией. В феврале (марте) 1780 г. Россия провозгласила знаменитую декларацию о вооруженном нейтралитете, к которому в течение 1780—1783 гг. присоединились фактически все невоюющие страны Европы. Этой декларацией устанавливались твердые и справедливые начала в международном праве, ограничивалось своеволие воюющих государств. Своим острием вооруженный нейтралитет был направлен против главной морской державы — Великобритании.

Историки до сих пор ломают голову, доискиваясь истинного автора декларации. Называются имена Н. И. Панина, члена секретной экспедиции Коллегии иностранных дел П. В. Бакунина, даже известного физика академика Ф. У. Т. Эпинуса, служившего некоторое время в этом ведомстве.¹¹⁵ Исследования Н. Н. Болховитинова и других историков убеждают, что если не автором текста, то инициатором и составителем чернового наброска акта о вооруженном нейтралитете был не кто иной, как Д. А. Голицын. И Гаага была, пожалуй, самым подходящим местом для этой работы. «Особый интерес для истории провозглашения февральской декларации 1780 г., — пишет Болховитинов, — представляет, в частности, письмо Д. А. Голицына Н. И. Панину от 18 февраля, в котором посланник подробно обосновывал проект союзного договора России и Голландии с участием Дании и Швеции единственно в целях защиты торговли договаривающихся держав и поддержания нейтралитета и свободы мореплавания».¹¹⁶ Из другого источника мы узнаем, какого труда стоило Голицыну убедить штатгальтера, бывшего сторонника Англии, и опиравшегося на партию оранжистов, примкнуть к подготавливаемой дипломатической акции. Согласно Вильгельма V он добился лишь 31 января,¹¹⁷ после чего счел возможным написать упомянутое письмо. Есть еще одно обстоятельство в пользу выдвинутой версии. Письмо Голицына от 18 февраля 1780 г. было зарегистрировано в канцелярии Коллегии иностранных дел 26 февраля (8 марта) 1780 г., а на следующий день 27 февраля (9 марта) Екатерина II подписала декларацию о вооруженном нейтралитете. Выходит, что донесение Голицына как бы окончательно убедило русское правительство в неотложной необходимости обнародования документа.¹¹⁸

В конце марта 1780 г. текст декларации о вооруженном нейтралитете был получен в Гааге, однако голландское правительство не торопилось с его подписанием. 6 апреля

Д. А. Голицын писал нидерландскому физику Яну Гендрику ван Свиндену, примыкавшему к партии «патриотов»¹¹⁹: «К несчастью или, может быть, к счастью, сейчас я очень далек от моих любимых занятий (научных, — *Г. Ц.*): политика поглощает и отнимает все мое время. . . В настоящее время я работаю изо всех сил, чтобы вытащить вас, господ, из затруднений и вырвать из когтей воюющих держав. Скоро ваши газеты будут полны сообщениями о моих действиях. Дай бог, чтобы они не были бесплодными. Пока же у меня одни неприятности, даже со стороны ваших патриотов, которым все чего-то не хватает. И все-таки политика хорошая вещь!».¹²⁰ В ноябре Нидерланды подписали декларацию, а через месяц Англия объявила войну этой стране, продолжавшуюся до мая 1784 г.

В своих письмах в Петербург Д. А. Голицын указывал, что декларация должна подкрепляться реальной силой и решимостью применять ее в случае необходимости. Правительство не оставило без внимания эти рекомендации и летом 1780 г. направило три эскадры из Кронштадта в Северное и Средиземное моря. В этой связи представляют интерес обнаруженные нами письма Голицына из Мюнстера, куда он ездил проведать заболевшую жену. Они адресованы советнику посольства в Гааге П. Я. Штелину, сыну академика Я. Я. Штелина. В письме от 7 июля 1780 г. посланник выражал уверенность, что русские эскадры, прибывающие в Копенгаген, будут встречены нанятыми им лодчанами, которые обеспечат проводку судов через Зунд.¹²¹

Продолжая переписку со Свинденом по научным вопросам, Голицын все сетует на страшную занятость дипломатической деятельностью, не дающую «передышки» для занятий наукой (письмо от 3 октября 1781 г.). 14 января 1782 г. он писал: «Моя дипломатическая работа продвигается очень медленно: здесь определенно в полную силу и со всей твердостью практикуется *festina lente* Августа («поспешай медленно» — любимое изречение римского императора Августа, — *Г. Ц.*)».¹²² У посланника были, конечно, заботы и протокольного свойства. Из июльских писем 1782 г. Штелину, на этот раз из Брюсселя, где Голицын участвовал в собрании тамошней Академии наук, мы узнаем о его распоряжениях по поводу проезда через Голландию возвращавшегося на родину из Франции великого князя Павла Петровича.¹²³

Пока шла война и до 1784 г. Россия не признавала США. Между тем Голицын явился первым русским дипломатом, который на свой риск в той или иной форме поддерживал контакты с находившимися в Нидерландах представителями заокеанской республики Ш. Дюма и Дж. Адамсом. Реакция правительства США на декларацию о вооруженном нейтралитете была положительной, и, как отмечалось в протоколе Континентального конгресса от 5 октября 1780 г., США обязались руководствоваться принципами, «содержащимися в декларации императрицы всероссийской о правах нейтральных судов».¹²⁴ Адамс, выполняя указания своего правительства, должен был вручить копии постановления конгресса аккредитованным в Гааге дипломатам. Препровождая этот документ в Петербург, Голицын 13 марта 1781 г. сообщал вице-канцлеру И. А. Остерману, сменившему в 1775 г. на этом посту А. М. Голицына: «10-го сего месяца посланники Швеции, Дании и я получили прилагаемые к сему бумаги от г. Адамса, оставленные нашим швейцаром американским агентом, проживающим в Голландии».¹²⁵ Таким образом, через посредство Адамса и Голицына был осуществлен первый прямой дипломатический акт между Россией и США.

Похоже, что Голицын общался с Адамсом не только через швейцара. Находящийся с августа 1781 г. в России Ф. Дейна с полномочиями представлять США при императорском дворе, который его не принял, в январе 1782 г. просил Адамса прислать в Петербург портрет Джорджа Вашингтона. Портрет был отправлен Голицыным, однако в руки Дейны не попал. Воспоследовало письмо от 21 июня секретаря Екатерины II А. А. Безбородко Остерману с требованием поставить в известность Голицына «о неприятии от американцев и к американцам никаких писем и посылок для отправления с курьерами, изъясняя . . . неудобство доставлять оные людям, о коих министерство не ведает, где они и зачем здесь находятся».¹²⁶ Соответствующее внушение было сделано посланнику письмом от 4 июля 1782 г. Поступок Голицына был тем более непростительным, что еще 6 мая того же года Остерман предписывал Голицыну «не . . . принимать у себя или посещать г. Адамса или любое другое лицо, аккредитованное от колоний, отделившихся от Великобритании».¹²⁷ К тому времени Адамс уже был признан Нидерландами как официальный представитель США.

Небезынтересно мнение Дж. Адамса, в недалеком будущем второго президента США, о Голицыне. В донесении из Гааги от 4 сентября 1782 г. секретарю по иностранным делам Ливингстону Адамс писал: «Это порядочный и правдивый человек . . . он очень сдержан и ведет себя крайне осмотрительно».¹²⁸ Как бы то ни было, самостоятельность Д. А. Голицына дорого обошлась ему. В конце 1782 г. он был отозван и назначен посланником в Турин, столицу Сардинского королевства. Пилюлю подсластили орденом св. Анны I степени, которым он был награжден 24 ноября 1782 г.¹²⁹

Для 48-летнего тайного советника и камергера Д. А. Голицына такой поворот судьбы был серьезным ударом. В письме от 4 февраля 1783 г. Свиндену, выразив признательность за сочувствие по поводу постигшего его «несчастья», Голицын продолжал: «До весны я никуда отсюда не уеду. И если я когда-нибудь попаду в Турин, то моей первой задачей будет разыскать ученых, которых Вы были любезны назвать. Только они станут утешением в моей беде; и они тем более будут мне нужны, так как только у них я смогу найти ресурсы для опытов. Не имея возможности перевезти мои физические приборы, так как это обойдется мне слишком дорого, и я рискую все их разбить и поломать, я бы прибег к их помощи».¹³⁰

В Турин Голицын так и не поехал. В конце 1783 г. он ездил в Ахен, где встретился с братом Петром. По-видимому, посоветовавшись с ним, Д. А. Голицын подал в отставку и остался жить частным лицом в Голландии, к которой уже привык. Посланником в Турин был послан князь Н. Б. Юсупов, будущий владелец Архангельского.

Как свидетельствует письмо из голландского города Росендала к Свиндену, датированное 21 июня 1783 г., Голицын не очень сожалел о случившемся или, во всяком случае, старался не сожалеть: он добился «свободы» и «спокойной жизни», т. е. «наилучшего в жизни». Он писал: «Мне завидовали и строили козни; тому причиной была моя карьера. Моей отставкой я заставил их замолчать, и это все, чего я желал. Теперь я в свое удовольствие занимаюсь науками, общаюсь с друзьями и так будет, вероятно, до последнего моего вздоха».¹³¹ И действительно, ведь до официального отозвания, еще в 1781 г., к Голицыну был приставлен соглядатаем вначале советник, затем посланник с особым поручением А. И. Морков — большой интриган и лицемер, по словам того же Дж. Адамса.

Имя Д. А. Голицына довольно часто встречалось в печати Нидерландов тех лет. Любопытна карикатура 1780 г., получившая распространение в стране. На гравюре изображен русский посланник, вручающий штатгальтеру декларацию о вооруженном нейтралитете со словами: «Мужественному и бдительному льву». Рядом фигуры француза, англичанина с цепью в руках и испанца с ножницами.¹³²

¹ Müller G. Mémoires sur l'origine et la généalogie de la maison des princes de Galitzin. Francfort, 1767.

² Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. Т. 1. Материалы родословной. СПб., 1892 (далее: *Родословная*).

³ Древняя российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Ч. IV. СПб., 1774, с. 162; ч. XVII. М., 1971, с. 241 (далее: *Вивлиофика*).

⁴ Старчевский А. Справочный энциклопедический словарь. Т. 3. СПб., 1854, с. 448.

⁵ Голицын Н. Н. Библиографические заметки. IV. Князь Дмитрий Алексеевич Голицын. — Молва, 1857, № 26, с. 308.

⁶ *Родословная*, с. 148; ОР ГПБ, ф. 206, № 10.

⁷ Lemcke H. Leben und Wirken des Demetrius Augustin Gallitzin. München, 1861, S. 32 (далее: *Lemcke*).

⁸ ПСЗ, т. X, № 7873, с. 840.

⁹ Комелова Г. Н. «Панорама Петербурга» — гравюра работы А. Ф. Зубова: Культура и искусство петровского времени. Л., 1977, с. 118.

¹⁰ Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870, с. 373.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 9, л. 1.

¹² Аграфена Прозоровская была замужем за В. Ф. Салтыковым, братом царицы Прасковьи Федоровны, супруги Ивана V. Дочь их — будущая императрица Анна Ивановна.

¹³ Бобровский П. О. 250 лет лейб-гренадерского Эриванского е. в. полка (первоначально Бутырского). — РС, 1892, № 4—6, с. 665.

¹⁴ Голицын М. М. Петровское. — В кн.: Русские усадьбы. Вып. 2. СПб., 1912, с. 121.

¹⁵ В то время сельские церкви группировались по «десятинам».

¹⁶ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 6. М., 1868, с. 110.

¹⁷ Ильин М. А. Москва. М., 1963, с. 294.

¹⁸ ПСЗ, т. VIII, № 6012, с. 743.

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. М., 1963, с. 226 (далее: *Соловьев*).

²⁰ ПСЗ, т. VIII, № 5881, с. 557.

²¹ Меншиковский дворец — одно из немногих зданий петровского времени, сохранившихся до наших дней. Строительство его было начато в 1710 г. по проекту Дж. Фонтаны, продолжено Г. И. Шеделем. В настоящее время — филиал Эрмитажа.

- ²² Вивлиофика. Ч. XVII, с. 239.
- ²³ ПСЗ, т. XV, 10827, с. 192.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 193, тетр. 2, л. 23, 23 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЦГВИА, ф. 314, т. 1, № 2823, л. 16.
- ²⁷ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 4. М., 1891, с. 261 (далее: Бантыш-Каменский).
- ²⁸ Сборник РИО, 1876, т. 17, с. IX.
- ²⁹ Их отцы были родными братьями, соответственно: Михаил Михайлович меньшей и Михаил Михайлович старшой.
- ³⁰ История дипломатии. Т. 1. М., 1945, с. 255.
- ³¹ Во время Семилетней войны Россия и Англия ввиду обоюдных торговых выгод не порвали дипломатических отношений, хотя находились во враждебных коалициях.
- ³² ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1111, л. 78.
- ³³ Там же, л. 77 об., 79 об.
- ³⁴ Там же, л. 90 об.
- ³⁵ Там же, д. 193, тетр. 2, л. 23.
- ³⁶ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 9.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1111, л. 96 об.
- ³⁸ Mohrenschildt D. S. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N. Y., 1936, p. 44 (далее: Mohrenschildt).
- ³⁹ Адрес-календарь. СПб., 1765, с. 9.
- ⁴⁰ Несколько известий о посольниках Екатерины Великой: Оснадцатый век: Исторический сборник. Т. 3. М., 1869, с. 343.
- ⁴¹ Mohrenschildt, p. 20.
- ⁴² Соловьев, кн. XIV, М., 1965, с. 254.
- ⁴³ Бантыш-Каменский, с. 261.
- ⁴⁴ Ключевский В. О. Сочинения. Т. V. М., 1958, с. 171. (далее: Ключевский).
- ⁴⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1980, с. 313, 360, 381, 390 (далее: Карамзин).
- ⁴⁶ История Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963, с. 18.
- ⁴⁷ Фонвизин Д. И. Письма из-за границы. — В кн.: Алферов А., Грузинский А. Русская литература XVIII в. М., 1918, с. 292.
- ⁴⁸ Макашич А. И. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. — Литературное наследство, 1937, 29—30, с. XVIII.
- ⁴⁹ Saint-Simon L. Mémoires. Т. 2. М., 1976, p. 320—344.
- ⁵⁰ Семеновский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888, с. 2.
- ⁵¹ Копелевич Ю. X. На раннем этапе. — Вестник Академии наук СССР, 1974, № 2, с. 141.
- ⁵² Mohrenschildt, p. 297.
- ⁵³ Коробочко А. И. «Энциклопедия» Дидро и Россия. — Труды Эрмитажа. Т. XVI. Л., 1975, с. 78.
- ⁵⁴ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 6. Саратов, 1896, с. 367. (Пер. с фр.).
- ⁵⁵ Соловьев, кн. XIII, 1965, с. 494.
- ⁵⁶ Forestier L. XVIII-e siècle français. Paris, 1967, p. 112.
- ⁵⁷ Там же, с. 34.
- ⁵⁸ Монтекье Ш. Л. Персидские письма. М., 1956, с. 99.
- ⁵⁹ Щедров И. У правнука Маркса. — Правда, 1983, 2 мая.
- ⁶⁰ Карамзин, с. 360.
- ⁶¹ Extraits des lettres de... Gallitzin pour la partie historique du second volume de nos Mémoires... — ААВ, л. 4 (далее: Extraits).

- ⁶² ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1112, л. 15, 17.
- ⁶³ Там же, л. 52—61.
- ⁶⁴ Там же, л. 27.
- ⁶⁵ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1965, с. 73.
- ⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1113, л. 26.
- ⁶⁷ ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 297, л. 19.
- ⁶⁸ Там же, д. 298, л. 17.
- ⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1263, д. 1120, л. 9, 10.
- ⁷⁰ Люблинская А. Д. Историческая мысль в Энциклопедии. — В кн.: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978, с. 240.
- ⁷¹ Протоколы, III, с. 25.
- ⁷² ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, № 1113, л. 10.
- ⁷³ Письма Екатерины II к Гримму. — Сборник РИО, 1881, 33, с. 3.
- ⁷⁴ *Diderot D. Mémoires, correspondance et ouvrages inédits*. Т. 3. Paris, 1834, p. 185 (далее: *Diderot*).
- ⁷⁵ Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом. — Сборник РИО, 1876, 17 с. 375.
- ⁷⁶ Там же, с. 379.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Об истории монумента на площади Декабристов в Ленинграде см. монографию: Каганович А. «Медный всадник». Л., 1975.
- ⁷⁹ *Diderot*, p. 441.
- ⁸⁰ *Sudhof S. Von der Aufklärung zur Romantik*. Berlin, 1973, S. 128.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1114, л. 111.
- ⁸² Там же, д. 1112, л. 5.
- ⁸³ Екатерина II и Дидро. — РС, 1884, 42, с. 258.
- ⁸⁴ Сказания иноземцев о России XVIII столетия. — РС, 1874, март, с. 540.
- ⁸⁵ Фейнберг И. Л. Упущенный черновик Пушкина. М., 1981, с. 6.
- ⁸⁶ См., напр.: Виленкин Б. Я. Адресат Вольтера. — Русская литература, 1980, № 3, с. 220.
- ⁸⁷ Бюлер Ф. Неизданные письма Вольтера. — Сборник Московского главного архива МИД. Вып. 2. М. 1881, с. 71 (далее: *Бюлер*).
- ⁸⁸ Конная статуя императора Марка Аврелия, отлитая в 161—180 гг., в 1538 г. была установлена на площади Капитолия в Риме.
- ⁸⁹ *Voltaire. Les oeuvres complètes*. Т. 122. Oxford, 1975, p. 420.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ В 1980 г. в Москве была устроена выставка «Шарль де Вайн, художник-архитектор эпохи Просвещения».
- ⁹² Кючарианц Д. А. Иван Старов. Л., 1982, с. 10.
- ⁹³ Каржавин Ф. В. Публикация С. Р. Долговой. — В кн.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 240.
- ⁹⁴ Лыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в Пг., 1916, с. 92, 93; см. также: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
- ⁹⁵ Шильдер Н. Два доноса в 1831 г. — РС, 1899, 97, с. 289.
- ⁹⁶ Сборник РИО, 1876, 17, с. 29.
- ⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 194, л. 11.
- ⁹⁸ Альбина Л. Л. Книги великого энциклопедиста: О библиотеке Д. Дидро. — Книга, сб. 41, 1980, с. 120 (далее: *Альбина*).
- ⁹⁹ *Diderot*, p. 102.
- ¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. 1263, д. 1119, л. 40—45.
- ¹⁰¹ Альбина, с. 120.
- ¹⁰² *Lettske*, S. 70.

¹⁰³ Замечания на книгу: «Миссионер русский в Америке», изданную в Париже в 1856 г. Б / г, б / м, с. 4 (ГБЛ, шифр И 445 / 14).

¹⁰⁴ *Goethe J. W. Poetische Werke.* В. XV. Berlin, 1962, S. 223.

¹⁰⁵ *Briefwechsel und Tagebüche der Fürstin A. von Galitzin.* Münster, 1874, S. 234.

¹⁰⁶ О злключениях и полной невзгод жизни Д. Д. Голицына в США см.: Россия и США: Становление отношений 1765—1815. Сборник документов. М., 1980, с. 190, 191, 392, 660 (далее: *Россия и США*).

¹⁰⁷ *Герцен А. И.* Соч., т. 7. М., 1958, с. 223.

¹⁰⁸ *Белов М. И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. — В кн.: *Международные связи России в XVII—XVIII вв.* М., 1966, с. 82 (далее: *Международные связи*).

¹⁰⁹ *Соловьев*, кн. VIII, 1962, с. 43.

¹¹⁰ Архив Ф. А. Куракина, кн. 5, 1894, с. 356.

¹¹¹ *Madariaga I. de.* Britain, Russia, and armed neutrality of 1780. New Haven, 1962, p. 151, 205 (далее: *Madariaga*).

¹¹² *Старцев А. И.* Американский вопрос и русская дипломатия в годы войны США за независимость. — *Международные связи*, с. 450.

¹¹³ *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость. М., 1976, с. 46, 48 (далее: *Болховитинов*).

¹¹⁴ Там же, с. 39.

¹¹⁵ *Home R. W.* Aepinus's essay on the theory of electricity and magnetism: Introductory monograph and notes. Princeton, 1979, p. 57 (далее: *Home*).

¹¹⁶ *Болховитинов*, с. 46.

¹¹⁷ *Madariaga*, p. 153.

¹¹⁸ *Болховитинов*, с. 47, 48.

¹¹⁹ В 70—80-х годах XVIII в. в Нидерландах шла острая политическая борьба между сторонниками Англии — «оранжистами» и возвращенными на идеях Просвещения сторонниками Американской революции — «патриотами», которая завершилась победой последних.

¹²⁰ BRL, № 457, л. 1 об. (О переписке Голицына с ван Свинденом см. гл. 3).

¹²¹ ГПБ ОР, ф. 871, № 998, л. 3.

¹²² BRL, № 736, л. 2.

¹²³ ГПБ ОР, ф. 871, № 998, л. 9.

¹²⁴ *Россия и США*, с. 65.

¹²⁵ Там же, с. 79.

¹²⁶ Там же, с. 108, 109. Доброжелательное отношение к представителям США проявлял и брат посланника обер-егермейстер П. А. Голицын. В ноябре 1782 г. он провожал до Стокгольма выехавшего из Петербурга через Финляндию секретаря Дейны Джона Куинси Адамса, впоследствии шестого президента США (*Diary of John Quincy Adams*. 1. Cambridge, Mass., 1981, p. 157—159).

¹²⁷ *Россия и США*, с. 103.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ *Бантыш-Каменский Д.* Историческое собрание списков кавалеров четырех российских орденов. М., 1814, с. 323.

¹³⁰ BRL, № 929, л. 1.

¹³¹ BRL, № 935, л. 1 об.

¹³² *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1. СПб., 1889, стб. 515.

Политическая экономия как основополагающая и цементирующая часть экономических наук возникла в XVII в. почти одновременно в наиболее развитых в промышленном отношении странах Европы — Англии и Франции. Сам термин был введен французским писателем Антуаном Монкретьеном в заглавии опубликованного им в 1615 г. «Трактата политической экономии». Творцами этой новой научной дисциплины были в основном выходцы из обедневшего дворянства и третьего сословия, которые, идя навстречу социальному заказу эпохи, взяли на себя задачу осмысления сути и путей становления новых производственных отношений, идущих на смену феодальному укладу. Примерно за полтора столетия своего развития политическая экономия претерпела переход от меркантилизма к учению физиократов, которого в известной мере придерживался Д. А. Голицын.

Создателем и главным идеологом физиократии, т. е. природовластия, был лейб-медик Людовика XV и всесильной маркизы Помпадур Франсуа Кенэ.¹ Начав в 60-летнем возрасте свои социально-экономические штудии, Кенэ сумел увлечь своей теорией группу одаренных людей, которых мы теперь назвали бы экономистами. Живя безвыездно 25 лет на антресолях Версальского дворца, он, пользуясь покровительством короля, собирал в своей квартире вдовца учеников и сторонников этой теории. Энциклопедист Жан Мармонтель вспоминал: «В то время как под антресолями Кенэ собирались и рассеивались бури, он усердно трудился над своими аксиомами и расчетами по экономике земледелия, столь же спокойный и безразличный к движениям двора, как будто он находился в ста лье от него. Внизу толковали о мире и войне, о назначении и отставке министров, а мы на антресолях рассу-»

дали о земледелии и исчисляли чистый продукт, а иногда весело обедали в обществе Дидро, Д'Аламбера, Дюкло, Гельвеция, Тюрго, Бюффона. И мадам де Помпадур, не будучи в состоянии привлечь эту компанию философов в свой салон, сама порой поднималась наверх, чтобы повидать их за столом и поговорить с ними».² Добавим здесь, что внимающим гостем у Кенэ был и знаменитый Адам Смит, находившийся во Франции в 1765—1766 гг., а до него или же вместе с ним бывал там Юм.

Хотя круг людей, посещавших главу физиократов был примерно тот же, что, скажем, в салоне Жоффрен, собрания в квартире Кенэ отличались особым качеством. Там встречались не просто умные собеседники, а единомышленники — члены научного кружка, являвшегося первичной ячейкой научного сообщества. То была безуставная ассоциация ученых-экономистов, о корпорациях которых почему-то не пишут в науковедческих исследованиях.

Свои идеи Кенэ излагал не только устно на собраниях кружка, но и печатно. Выдающейся его работой была изданная в 1758 г. «Экономическая таблица», в которой впервые сформулировано понятие о совокупном общественном продукте. Не сидели сложа руки и ученики. Поль Мерсье де ла Ривьер, бывший в 1759—1764 гг. губернатором Мартиники, в 1767 г. издал труд «О порядке естественном и существенном политических обществ», написанный в духе физиократических концепций, согласно которым человеческое общество представляет собой естественное «физическое» явление, поэтому и экономические отношения можно изучать, опираясь на эвристику естествознания. Другой единомышленник Кенэ Пьер Дюпон де Немур обобщил мысли своего учителя в монографии «О происхождении и прогрессе новой науки», опубликованной в 1768 г. Этим заглавием автор «метко попал в цель: трудами Кенэ действительно была в основном создана новая наука — политическая экономия в ее классическом французском варианте».³ Физиократы имели и свои печатные органы, в частности «Journal de l'agriculture, du commerce et des finances» («Журнал сельского хозяйства, коммерции и финансов»), владельцем которого с 1765 г. был В. Мирабо. С 60-х годов его дом в Париже превратился в некий филиал версальского кружка. У Мирабо пропаганда физиократии была более целеустремленной и даже несколько догматической.

Салон Мирабо посещали главным образом люди, имеющие научный склад мышления, склонные к теоретизированию. Среди них, кроме перечисленных выше, находился и Д. А. Голицын. Он был первым русским, старавшимся приобщиться к учению физиократов и преуспевшим в этом. Чем же оно прельстило русского аристократа? Прежде всего, возможно, тем, что буржуазная суть этой теории маскировалась феодальной оболочкой, поскольку физиократы отнюдь не посягали на существующий правопорядок и считали просвещенный абсолютизм в идеале лучшим государственным устройством. Собственно, этим и объясняется тот факт, что их не преследовали власти, а их труды не сжигал палач по приговору парижского парламента. Новоявленные политэкономы, видя прогрессирующее обнищание французской деревни, деградацию сельского хозяйства, а земледелие было для них единственной производительной силой народного хозяйства страны, выдвинули программу экономических реформ. Последние сводились к насаждению фермерско-арендаторской формы ведения сельского производства, облегчению налогов, послаблению различного рода крестьянских повинностей, строительству дорог, провозглашению свободной конкуренции.

За исключением, пожалуй, одного Тюрго, физиократы являлись чистейшей воды теоретиками. Тюрго же, будучи в 1761—1774 гг. интендантом, т. е. высшим представителем власти в Лиможе, пытался самостоятельно проводить идеи Кенэ в жизнь. Положение земледельцев в этом благодатном крае Франции было не лучше, чем в крепостной России, тем не менее Тюрго рискнул осуществить реформы в своей провинции. В те годы во Франции картофель был в диковинку, и Тюрго, помимо всего прочего, деятельно занимался внедрением этой культуры на лиможских землях. В 1774—1776 гг. в первые два года правления Людовика XVI Тюрго в должности генерального контролера финансов сумел провести ряд антифеодальных законов, однако под давлением придворной камарильи они были отменены. Только революция могла осуществить то, что предлагалось физиократами. Полемизируя с Дюрингом, Энгельс подчеркивал, что Учредительное собрание 1789 г. «в своих экономических реформах перевело значительную часть физиократических положений из теории в практику и, в частности, обложило высоким налогом земельную ренту, этот чистый продукт, кото-

рый . . . присваивают землевладельцы». ⁴ Но сами физиократы и их сторонники, в том числе Голицын, не принимали в расчет революционный фактор, а всецело надеялись на реформы сверху.

Не иначе как отзвуком висевших в воздухе идей экономических преобразований сельского хозяйства явилась организация Вольного экономического общества в Петербурге, облеченного всеми атрибутами ученой корпорации. Еще М. В. Ломоносов в конце 1763 г. подал в правительство «Мнение об учреждении государственной Коллегии земского домостроительства», другими словами, Министерства земледелия. Коллегия должна была бы быть тесно связанной с Академией наук, в которой намечалось учреждение «класса агрикультуры». Это предложение осталось на бумаге, однако через полгода после смерти ученого, в октябре 1765 г., возникло «Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства» (ВЭО), устав и программа которого в урезанном виде повторяли «Мнение» Ломоносова. Это старейшее в нашей стране научное общество, просуществовавшее до 1917 г., издавало «Труды», в которых печатали свои работы виднейшие русские ученые, члены Общества. Деятельность ВЭО еще слабо изучена, во всяком случае, меньше, чем оно заслуживает. Тем не менее не подлежит сомнению, что это научное общество внесло немалый вклад в развитие сельскохозяйственных наук и изучение производительных сил дореволюционной России. ⁵ Большое значение имели публикуемые ВЭО статистико-географические обследования России и конкурсные задачи, объявляемые Обществом по примеру Академии наук.

Как раз в те годы, когда Тюрго в лиможском захолустье проводил физиократические эксперименты, когда Вольтер по его методу завел ферму в Ферне, а в другом конце Европы на берегах Невы готовились к открытию ВЭО, Д. А. Голицын, достаточно хорошо осведомленный о бедственном положении крестьян в России и упадке помещичьего землевладения, занялся проектами по улучшению сельской экономики в своей стране. Вдохновленный речами и спорами на собраниях физиократов, а также чтением соответствующей литературы Голицын должен был копнуть глубже и идти дальше в своих предложениях, чем французские экономисты, так как положение крестьян на его родине усугублялось все усиливавшимся со второй поло-

вины XVIII в. крепостным гнетом. Голицын смотрел на вещи трезво и в своих наметках и советах, излагаемых им в форме писем А. М. Голицыну, исходил отнюдь не из альтруистических побуждений, а из суровой необходимости повысить производительность земледелия, следовательно, оздоровить всю экономику тогдашней России, что в конечном счете пошло бы на пользу прежде всего господствующему классу — дворянству. Он понимал, что путь к этому лежит через освобождение крестьян от крепостной зависимости. И нельзя не согласиться с мнением А. В. Рачинского, первого публикатора писем Д. А. Голицына, что он «предупредил (опередил, — Г. Ц.) всех отечественных писателей. Мысли, высказываемые им в печатаемых ныне письмах, представляют не отвлеченный труд ученого, а деловое изложение тех действительных зол, которые были так тяжелы крестьянам. Многие в предположениях Голицына могло казаться несбыточным...».⁶

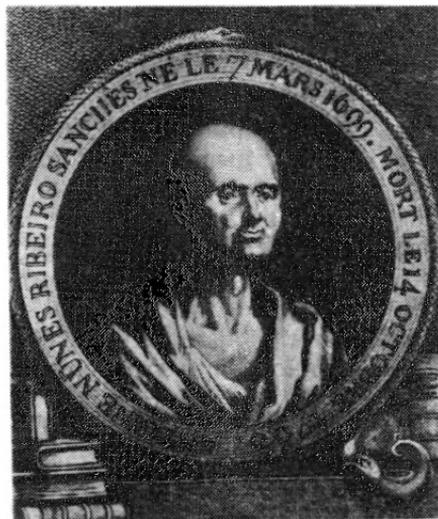
Сохранилось, по меньшей мере, 16 писем Д. А. Голицына на экономические темы, которые предназначались не столько прямому адресату А. М. Голицыну, сколько императрице. Судя по собственноручным и довольно саркастическим маргиналиям Екатерины II на этих письмах, она их читала и довольно внимательно, особенно те из них, которые по времени совпали с ее работой над «Наказом» для комиссии об Уложении. Письма Голицына, представляющие собой небольшие научные сочинения в стиле эпохи, написаны в течение 1765—1771 гг. во Франции, в Берлине и Гааге. Некоторые из них полностью или в отрывках были опубликованы в 1875, 1876, 1881, 1888 гг., а в советское время — в 1948 и 1952 гг. Физиократические воззрения Голицына и его планы раскрепощения крестьян были основательно проанализированы русским историком В. И. Семевским, в наше время — И. С. Баком.⁷

В своих экономических трудах Д. А. Голицын ссылался, и это понятно, на авторитеты, в том числе на личность, почти что теперь забытую у нас, хотя и достойную того, чтобы сказать здесь о ней несколько слов. Заканчивая письмо из Фонтенбло от 30 октября 1765 г., он писал вице-канцлеру: «Таковы, князь, мои мысли о поземельной собственности. Я должен Вам признаться, что они явились плодом частых бесед по сему предмету с г. Санчесом. Почтенный старец обладает в этом вопросе такими познаниями, что удивляешься их встретить в человеке, столь удаленном всю свою жизнь от управления делами. В разго-

ворах с ним мы исчерпали этот предмет до дна. О нем он составил подробную записку, единственный недостаток которой — неясность слога, действительно непонятного, в особенности для людей, непривычных к его речи». Против этого места императрица надписала: «Искренней любви к отечеству, усердия и благой воли недостаточно для осуществления великих предположений. Голицыну и ему подобным легко и дешево стоит великодушничать. Им ничего не стоит даровать своим крестьянам право собственности на земли; но богатые землесобственники, у которых крестьян многие тысячи, будут мыслить и заговорят иное».⁸ Как видим, Екатерина не удержалась от соблазна съязвить по адресу небогатого князя. И если бы он знал, что она думает о его письмах, то вряд ли продолжал бы писать по этому вопросу в Петербург. Императрица прекрасно понимала, что осуществить крестьянскую реформу значило бы восстановить против себя все дворянство, что обошлось бы ей потерей трона, может быть, даже жизни.

Кто же этот «почтенный старец»? Никто иной как один из выдающихся врачей своего времени Антонио Нуньес Рибейро Санчес.⁹ Он родился в 1699 г. в Португалии, получил медицинское образование в Саламанкском университете, затем в Лейдене. По рекомендации своего учителя знаменитого врача и химика Германа Бургаве, в 1731 г. Санчес был приглашен в Петербург, где некоторое время заведовал лечебной частью Сухопутного шляхетского корпуса, затем стал придворным врачом. В 1744 г. он спас от смерти только что прибывшую на свою новую родину и заболевшую тяжелой формой пневмонии будущую Екатерину II. В 1747 г., будучи избранным почетным членом Академии наук, он получил отставку и покинул Россию. Через год Санчес по указанию Елизаветы Петровны был исключен из Академии. Обосновавшись в Париже, он приобрел там репутацию искуснейшего врача, совмещал службу в португальском посольстве с частной практикой, и обогатил медицинскую науку своими трудами. Екатерина II не забыла его. В 1762 г. вскоре по восшествии на престол она назначила Санчесу пожизненную пенсию 1000 руб. в год и восстановила его в звании члена Петербургской Академии наук.

Санчес был на дружеской ноге с русскими вельможами, жившими в Париже, многих из них лечил. Он находился в переписке с учеными коллегами ряда стран, поддерживал связи с Россией. Санчес послал И. Бецкому написанное им

Антонио Нуньес Рибейро Санчес.

наставление и другие материалы для открывшегося в апреле 1764 г. Воспитательного дома в Москве. Для И. И. Шувалова составил программу преподавания медицины в Московском университете и записку «О значении науки в деле гражданского и политического развития России». Отголоском российских впечатлений Санчеса было его сочинение «О парных российских банях, поелику споспешествуют оне укреплению, сохранению и восстановлению здоровья». Это самое раннее сочинение о русских банях было издано на русском языке в 1779 г. в Петербурге в переводе с французской рукописи 1768 г. Вероятно, Санчес и был инициатором устройства в Париже русских бань с парильнями, о которых упоминал Карамзин: «В Париже есть и теплые бани, в которые часто посылают медики больных своих. Самые лучшие и дорогие называются русскими . . . паровые или с окуриванием, простые и смешанные».¹⁰

Уже упоминалось, что Кенэ по профессии был тоже врачом, поэтому не станем изумляться увлеченности доктора Санчеса политэкономией и его беседам на эту тему с Голицыным, которые протекали в доме пожилого ученого на улице Сен-Мартэн. Санчес и его младший соотечественник, работавший в Лондоне химик Жоао Магеллан,¹¹

были первыми португальцами, установившими научные контакты с русскими учеными.

Обратимся теперь непосредственно к экономическим представлениям Д. А. Голицына. В парижском письме от 6 сентября 1765 г., самом раннем из сохранившихся по данной проблематике, он, выражая удовлетворение, что его взгляды об освобождении крестьян, высказанные в предыдущем, не дошедшем до нас письме, нашли понимание у вице-канцлера, сообщает, что в Женеве изданы «Письма о Дании» (без указания автора). Голицын со ссылкой на эту книгу пишет, что в этой скандинавской стране «некоторые землевладельцы освободили своих крестьян от части повинностей, и эта мера явилась благом для них». И далее: «Королева-мать подала пример, который стал одновременно уроком политики и гуманности; она уступила крестьянам своего домена право собственности на землю, на которой они проживают, сохранив за собою лишь весьма умеренный оброк».¹²

Отклики на события в Дании мы находим и в парижском письме от 10 декабря 1767 г. Голицын писал: «Что бы ни говорили, собственность на имущества, дарованная крестьянам, может только принести пользу и существенные выгоды государству. Чтобы подтвердить эту мысль, я не стану повторять доводы, представленные уже мною прежде. . . За повод к беседе моей принимаю свежее известие из Копенгагена от 24 ноября, помещенное во многих газетах. Вот оно. Комиссии, недавно назначенной датским королем, поставлено главною задачею: упразднить рабство, в котором еще состоят крестьяне в большей части областей сего королевства, и дать крестьянам в собственность их личный труд и их земли. . . Конечно, подобное предприятие должно встречать затруднения; но я далеко считаю их не преодолимыми, и Дания дает нам в этом доказательство».¹³ В этом отрывке речь шла о подготовке социально-экономических реформ в духе просвещенного абсолютизма. Они были осуществлены в самом начале 70-х годов кабинет-министром Й. Струэнсе, врачом и советником короля Кристиана VII.

В том же сентябрьском письме Голицын приводит факты из истории Франции, Англии и Голландии и констатирует: «История дает примеры, а опыт подтверждает, что искусство, ремесла развивались и нравы улучшались лишь в стране, где крестьяне пользовались правом собственности и свободы», считая при том, что на владение

землей «должно смотреть как на прочный фундамент благополучия государства: без него никогда не будут процветать искусства и науки».¹⁴ Прочитанное — не что иное, как парафразы из эссе Юма «О возникновении и развитии искусства и наук», которое появилось во французском переводе в 1753 г. Английский философ утверждал, например: «Искусство и науки не могут первоначально возникать среди какого-либо народа, если этот народ не пользуется благами свободной системы правления».¹⁵

В упомянутом выше письме из Фонтенбло Голицына прямо называл Юма: «Выгоды, которых можно ожидать от собственности, существенны. Независимо от любви к отечеству, которую она внушает, я полагаю, что в ней заключается единственное средство заселить Россию и насадить в ней науки и искусства. Всегда при этом обращаюсь к выводу Юма, в его „Опыте о происхождении искусств и наук“: „Из законов государств, хорошо управляемых, происходит обеспечение частной собственности; собственность рождает уверенность и спокойствие духа; из этого спокойствия развивается любопытство, а любопытством порождается всякого рода знание в искусстве, торговле и науках“».¹⁶

Через письма Голицына красной нитью проходит мысль, что улучшения положения крепостных можно достичь лишь силой убеждения и постепенно. В октябрьском послании 1765 г. можно прочитать: «Несомненно, что все истинно полезное укореняется прочнее, когда его принимает сам народ, а не тогда, когда его вводят путем приказаний. И чем это принятие добровольнее, тем более можно рассчитывать на прочность установившегося обычая. Добровольное принятие совершается лишь исподволь, но чтобы вызвать его, нужен пример. Кто же может подать лучший, как не сама ее величество государыня? Земли ее находятся в ее распоряжении наравне со всем остальным государством. Если в них она дарует своим крестьянам собственность . . . , то таковой опыт ее милосердия не может не произвести . . . чудесного действия».¹⁷

Увы, Голицын идеализировал своих братьев по классу, что не упустила отметить на полях его письма императрица: «Еще сомнительно, чтобы пример вразумил наших соотечественников и увлек их за собою; это даже маловероятно». И чуть пониже на том же листе: «Мало найдется охотников большими выгодами жертвовать прекрас-

ным чувствованиям патриотического сердца». ¹⁸ Психология помещика-крепостника не изменилась и спустя полвека с небольшим:

«Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак». ¹⁹

Что касается постепенности перемен, то об этой стороне дела Голицын напоминает еще раз в письме из Парижа от 12 января 1766 г.: «В деле управления нет ничего опаснее и даже гибельнее, как перейти от одной крайности в другую», т. е. от рабства сразу к свободе. ²⁰

12 июня 1766 г. Голицын писал вице-канцлеру: «Граф Мнишек ²¹ предложил экономическому обществу в Берне следующую задачу: каким должен быть дух законодательства, чтоб оно благоприятствовало земледелию, а следовательно, и населению, искусствам, ремеслам и торговле». ²² Задача вполне соответствовала теории физиократов. Из 25 поданных на конкурс мемуаров 15 «попали в руки» Голицыну, в том числе получившая первую премию работа Ж. Бертрана из швейцарского городка Орб. ²³ В письмах за 12, 19 и 26 июня Голицын пересказывает часть из них или прилагает обширные выписки. ²⁴

Нельзя считать простым совпадением, что в том же 1766 г. ВЭО объявило конкурсную задачу с наградой в 1000 червонцев, представленную в виде вопроса: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должно?». Но в конце предыдущего года, через два месяца после основания ВЭО, вопрос был задан по-иному: «В чем состоит или состоять должно для твердого распространения земледельства имение и наследие хлебопашца?». ²⁵ Некоторые историки полагают, что анонимным вопрошателем была сама императрица, которая в декабре 1766 г. в пору ее либерального прожектерства издала манифест об

учреждении «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения».

Вести о первых шагах ВЭО дошли и до Голицына. В постскриптуме письма от 8 января 1767 г. он просил вице-канцлера: «Я прочитал в одной французской газете, что Экономическое общество в Петербурге предложило премию за сочинение по следующему вопросу: что выгоднее и полезнее для общественного блага, чтобы крестьянин владел собственной землей или только движимым имуществом? Я умоляю Вас, князь, сообщить мне, каков срок представления этих мемуаров и на каком языке они должны быть написаны. Газета отмечает, что Общество получило анонимное письмо вместе со шкатулкой, содержащей 1000 червонцев, которыми оно может распорядиться по своей воле на предмет, полезный для общественного блага».²⁶

Мы не знаем, ответил ли А. М. Голицын на этот запрос. Судя по всему, его племянник не прочь был бы участвовать в конкурсе ВЭО, но по каким-то причинам не решился. На конкурс было послано 160 работ, в большинстве иностранных авторов, в том числе французских 21, включая работу Вольтера. Шесть сочинений были отмечены наградами, и среди них работа русского историка и мыслителя А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России»,²⁷ которая была опубликована лишь 100 лет спустя, после отмены крепостного права. Первую премию получил Беарде де л'Аббей, член Дижонской Академии. Рассмотрение конкурсных трудов не входит в нашу задачу, заметим только, что Поленов в своих проектах не шел так далеко, как Голицын.

Письма 1766 г., их семь, посвящены проблеме среднего сословия (купцов и ремесленников), без которого, по мнению Голицына, государство не может полноценно развиваться. Здесь опять же всю надежду он возлагает на императрицу. 26 мая 1766 г. он писал: «Образование среднего сословия не встретит, по-моему, затруднений: ее императорскому величеству стоит только пожелать этого. Но устроить его богатство, довольство, поставить его в возможность пользоваться плодами своего труда — вот что, может быть, у нас невозможно. Не кажется ли и Вам, князь, как мне, что непреодолимым препятствием в этом случае послужит множество ремесленников, заполняющих дома русских бояр? Везде в чужих землях дворовые ремесленники запрещены; там существуют цеха и потому цветут

ремесла и искусства, помогая процветанию наук и свободных художеств». ²⁸ Мы видим, что Голицын осознавал бесперспективность натурального хозяйства. Размышления его о среднем сословии не были новы для Екатерины II, так как до него Жоффрен в своих письмах не раз призывала императрицу «учредить» в России среднее сословие. На «высочайшее имя» подавались также записки ее статс-секретаря Г. Н. Теплова с предложениями о создании «третьего чина» людей.

При составлении «Наказа» Екатерина II по собственному признанию широко пользовалась трудами европейских ученых и философов. Но этого ей было мало. На время проведения законодательных работ в роли советника она хотела иметь при себе просвещенного иностранца. Выбор Голицына, которому она поручила подыскать такого человека, пал на одного из прагматически мыслящих физиократов, упоминавшегося Мерсье де ла Ривьера. Кандидатура была одобрена в Петербурге, тем более, что она была поддержана Дидро. Последний писал в 1767 г. Фальконе: «Вчера мы отправились обедать в трактир на улице Анжу — князь Голицын, Мерсье де ла Ривьер, Гримм и я». ²⁹ Они обсуждали предстоящую поездку Мерсье в Россию. Екатерина II приказывает Н. И. Панину: «Убеждаю Вас написать . . . князю Голицыну, чтобы он вошел в переговоры с г. де ла Ривьером о поездке его в Россию. Будучи долгое время на службе в Мартинике, он высказал очень здравые идеи в своем трактате («О порядке естественном и существенном...», — Г. Ц.). Он нам будет полезен». ³⁰ Вольтер, узнав о согласии Мерсье ехать в Россию, в письме от 14 августа 1767 г. к Д. А. Голицыну выразил свое удовлетворение, поскольку, по его мнению, посланец из Парижа мог бы противостоять отвлеченному мыслителю Монтескье, «Дух законов» которого лег в основу «Наказа». ³¹ Французский экономист прибыл в Россию в сентябре 1767 г., а уже в ноябре императрица изрекла, что «сочинитель существенного порядка мелет вздор». ³² Еще хлеще она выразилась в письме Вольтеру: «Мерсье считал русских за четвероногих и очень любезно согласился принять на себя труд поставить их на задние ноги». ³³ Короче, парижскому эксперту вскоре пришлось, несолоно хлебавши, вернуться домой. Собственно говоря, даже если Мерсье и пришелся бы ко двору, все равно его советы повисли бы в воздухе, так как кодификационные попытки Екатерины заранее были обречены на неудачу.

Живя в Гааге, Д. А. Голицын не потерял интереса к экономике и истории, хотя в 70-х годах в его жизни дала о себе знать новая страсть, постепенно заслонившая все другое, — естествознание, которому он остался верен до конца дней своих. Его письма из Голландии по крестьянскому вопросу более конкретны и личностны, чем предыдущие, в них он подытоживает свои мысли.

В письме от 30 сентября 1770 г. Голицын отводит от себя попреки в недопустимом радикализме: «Я должен войти в небольшое объяснение. Кажется, меня неверно поняли, осудив за настоятельное требование дарования собственности крестьянам. Из моих слов, должно быть, поняли, что я желал уступки им тех земель, которые они ныне обрабатывают; подобная нелепость никогда не приходила мне в голову. Земли принадлежат нам. Было бы вопиюще несправедливостью их у нас отнять». И уточняет свою точку зрения: «Под дарованием крестьянам собственности я разумел: 1) их освобождение, т. е. собственность их на свою личность, без какой-либо немислимы все другие виды собственности; 2) собственность движимую, т. е. их пожитки и пр.; наконец, 3) позволение тем, кто в силах покупать землю на свое собственное имя и владеть ею, подобно нам, господам; что со временем и образовало бы их поземельную собственность».³⁴

В другом месте того же письма можно прочитать, что Голицын намеревался в соответствии с учением физиократов перенести всю ценность состояния на земли и что если ему разрешит императрица, то намеченную ранее продажу имения «в семи верстах от Москвы» приостановить. Ибо, разъяснял он: «...земля в таком близком расстоянии от большого города делается для меня дорогим достоянием. Вместо того, чтобы ее продать, я, напротив, скуплю все части моих братьев, разве они пожелали бы вместе со мною освободить крестьян, к чему склонить их я приму все зависящие от меня меры».³⁵

В письмах от 19 июля и 3 сентября 1771 г., это были его последние письма по аграрному вопросу, Голицын, присоединяясь к мнению своего дяди, брата матери князя С. В. Гагарина, посчитал необходимым и логичным брать с крестьян высокие выкупные платежи за их освобождение, и, по его убеждению, хотя крестьянам и будет предоставлена личная свобода и право собственности на движимое имущество, земля должна будет оставаться в руках дворян-помещиков.³⁶ Другими словами, Голицын был против

освобождения крестьян с земельным наделом. Он имел в виду превращение русских крестьян в некое подобие французских фермеров-арендаторов, а впоследствии и в землевладельцев, если они станут настолько богаты, чтобы приобретать у помещиков земельные угодья.

Мы не намерены приукрашивать героя этой книги. Д. А. Голицын не был тираноборцем и не принял Великой французской буржуазной республики. Он страшился революционных методов преобразования общества, хотя был не против реформ и социального прогресса. В предисловии к своей книге по минералогии (о ней речь впереди) он писал: «Притязать здесь (в книге, — Г. Ц.) на завершенность, в то время как минералогия пока еще находится только в своей колыбели и многие из тех, кто ею занимался, вместо того, чтобы разьяснять ее, только и делали, что все больше затемняли данную науку, это поистине значит впасть в тон, царящий сейчас во Франции, где якобинцев выдают нам за законодателей, санкюлотов — за государей, свободу, полное и абсолютное равенство и т. п. — за основу конституции, которая должна дать счастье и славу роду людскому; где, наконец, провозгласив свободу слова и печати, на мнения, отличающиеся от таковых хозяев дня, отвечают ударами пик и гильотиной. . . Как же не возражать против этих крутых и деспотических постановлений, которые в наш век свободы сокрушают или уродуют все произведения человеческого гения, все плоды нашего разума и всю прелесть общения людей с себе подобными».³⁷

Голицын отличал Французскую революцию от Американской, которой симпатизировал, считая последнюю не насильственным социальным переворотом, а борьбой конкурирующих между собой негоциантов и промышленников метрополии и колоний. Уместно здесь процитировать советского историка: «В целом ряде современных трудов по истории русской общественной мысли конца XVIII—начала XIX в. отмечалось отрицательное отношение даже передовых дворянских кругов (в частности декабристов) к Французской революции. Наиболее четко это отрицательное отношение выразил будущий декабрист Ф. Н. Глинка: революция — это „обман народа“, ибо „только на языке и в мечтах“ могут существовать свобода, равенство и братство. Революция сеет только смерть: „нож стал тогда любимую забавою безумной Франции“».³⁸ Позиция Глинки ничем не отличалась от точки зрения Голицына, который

был старше на 52 года. Более того, наблюдается даже удивительное совпадение лексики.

В 1796 г. в разгар своих естественно-научных занятий Д. А. Голицын издал труд, заглавие которого говорит само за себя: «О духе экономистов, или Экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции». Через два года вышел немецкий перевод этой работы.³⁹ Смысл ее сводится к попытке выхолостить революционную составляющую из учения физиократов, отмежеваться от этой доктрины как идеологии, опосредованно приведшей Францию к буржуазной революции и легшей в основу ее установлений. Голицын полагал, что основоположники физиократии Кенэ, Мерсье де ла Ривьер, В. Мирабо, Тюрго отнюдь не помышляли о революции, а напротив, своей экономической теорией старались поддержать и совершенствовать расшатывающийся феодальный строй; что лишь младшее поколение экономистов, усвоившее риторику отцов-физиократов «повинно» в победе революции.

Как бы ни были ограничены и половинчаты проекты Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу, его мысли о формах и способах отмены крепостного права, они являлись передовыми по тому времени. Его воззрения, отмечал И. С. Бак, «представляли собою выражение русского дворянского либерализма второй половины XVIII в., отличались от консервативных и реакционных взглядов дворянских идеологов типа Сумарокова и Щербатова».⁴⁰ Для сопоставления приведем здесь высказывание писателя А. П. Сумарокова: «Потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь? Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое — ради дворянина. . . . Что же дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его, а ему что останется? Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, того и толковать не надлежит».⁴¹ Даже такой либеральный и просвещенный человек как Н. П. Румянцев был против отмены крепостного права, ратуя лишь за более рациональные методы ведения сельского хозяйства.

Подытоживая сказанное о Голицыне, уместно напомнить слова В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравни-

тельно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками».⁴²

Социально-экономические изыскания Д. А. Голицына, плодом которых явились его письма по крестьянскому вопросу, органически сочетались с глубоким изучением собственно философской литературы. Клод Адриан Гельвеций был в числе наиболее чтимых Голицыным современных ему философов. В 1769 г. Гельвеций завершил работу над книгой «О человеке, его умственных способностях и его воспитании». Это сочинение считается одной из вершин французского материализма XVIII в. Оно было настолько радикальным по своему духу и бескомпромиссным суждениям, что автор не осмелился опубликовать свой труд во Франции. Ведь его предыдущая, того же ранга книга «Об уме» в 1758 г. была осуждена Сорбонной и предана анафеме папой Климентом XIII.

В 1771 г. Гельвеций умер, оставив рукопись «О человеке» своим наследникам. Голицын, лично его знавший, читал рукопись, если не полностью, то в существенных ее частях. Гносеологические воззрения Гельвеция в этом произведении, сводившиеся в целом к механистически-материалистическому картезианству и лишенного идеализма сенсуализму, оказали заметное влияние на миропонимание Голицына-естествоиспытателя, каковым он стал в 70-х годах. Изучая явления природы и размышляя над ними, Голицын придерживался следующего тезиса Гельвеция: «Мы наблюдаем, как природа находится в вечном брожении и разложении. Кто решится отрицать, что движение подобно протяжению, присуще телам и что движение есть причина всего существующего».⁴³ Можно было привести еще несколько положений такого же рода, которыми сознательно или бессознательно руководствовался Голицын в своих естественно-научных исследованиях.

Теперь понятен живой интерес Голицына к названному сочинению Гельвеция. Узнав от родственников философа об оставленной им рукописи, Голицын вознамерился напечатать книгу «О человеке», будучи уверен, что она найдет благодарного читателя, в том числе и в России. К тому же это было бы данью памяти почитаемого мыслителя. Для Голицына издание книг было делом совершенно новым, но ему повезло в поисках книгоиздателя. Повезло потому, что во второй половине XVIII в. издание трудов энциклопедистов и авторов их круга оказалось делом весьма прибыльным. На этом поприще особенно отличались Шарль

Панкук в Париже, Типографское общество в Невшателе и Госс в Гааге.⁴⁴

Д. А. Голицын не хотел ставить себя под удар и печатать Гельвеция, не заручившись согласием императрицы. В переписке с А. М. Голицыным за 1772—1773 гг. появился новый сюжет. Когда Екатерина II узнала о намерении своего посланника и из присланного им оглавления книги получила представление о ее содержании, она потребовала прислать копию сочинения Гельвеция «О человеке». 17 января 1772 г. вице-канцлер предписывает шифром Д. А. Голицыну: «Вы, конечно, озаботитесь, чтобы рукопись эта была совершенно верно списана, чтобы копия была послана сюда как можно скорее и не иначе как с особым курьером. . . Сочинение сие кажется имеющим огромную занимательность. . . Считаю долгом присвокупить мой собственный sentiment: приказывая списывать рукопись, должно действовать с величайшей предосторожностью. Чтобы не было второй копии».⁴⁵ Умница вице-канцлер уловил радикальный дух этого сочинения Гельвеция. Тем более, что уже видны были первые сполохи Пугачевского восстания. Д. А. Голицын разделял предусмотрительность своего дяди. В письме от 24 февраля он обещал немедленно приняться за переписку и настаивал на печатной публикации, так как родственники философа «льстятся, что сочинение заслужит автору бессмертное имя между писателями и уважение отдаленного потомства».⁴⁶ Однако Голицын не спешил с перепиской, хотя в письмах заверял вице-канцлера, что дело движется. И только в декабре 1772 г. он сообщил, что закончено списывание первой части книги. Тем временем, не дожидаясь апробации из Петербурга, поскольку она могла быть отрицательной, Голицын договорился с Госсом об издании книги. Печатание началось в марте 1773 г., и в июне она вышла в свет в двух томах, которые специальным курьером, выехавшим из Гааги 26 июня, были отправлены в Петербург. Книга имела большой успех в России. И. И. Шувалов отозвался о ней как о «выдающемся произведении человеческой мысли».

Но даже во Франции не все были согласны с такой безоговорочно высокой оценкой творения Гельвеция. Для некоторых критиков «О человеке» было совершенно неприемлемо утверждение, что по своему умственному развитию все люди рождаются одинаковыми, и воспитание и окружающая среда делают их теми, кто они есть. Такая точка зрения претила снобизму некоторых просветителей.

19 июня 1773 г. Вольтер писал Голицыну: «Вы оказываете огромную услугу разуму, перепечатавая книгу покойного г. Гельвеция (вероятно, речь шла о лондонском переиздании книги, — Г. Ц.). Сочинение это встретит противников даже между философами. Никто не согласится с автором, что все умы одинаково способны к восприятию науки, и только по воспитанию разнятся между собою: это совершенно ложно; опыт веков доказывает всю ложность подобного мнения: чувствительные сердца всегда будут оскорбляться тем, например, что автор говорит о дружбе. И сам автор осудил бы свои положения или, по крайней мере, смягчил их, если бы систематический ум не увлек его за пределы разумного».⁴⁷

Русско-турецкая война 1768—1774 гг., третья по счету в XVIII в., находилась в фокусе политической жизни Европы. Она началась, когда Д. А. Голицын еще был посланником при Версальском дворе и на себе ощутил всю неприязнь французского правительства к России. В тот период во Франции поощрялись публикации, порочащие русский народ и Россию — ее прошлое и настоящее. К таким сочинениям относилось, например, изданное в 1768 г. в Париже «Путешествие в Сибирь, совершенное по приказанию короля в 1761 г., содержащее нравы, обычаи русских и современное состояние этого государства». Автором этого, по существу, памфлета был астроном аббат Шапп д'Отерош, который по разрешению, при денежной и прочей помощи русских властей ездил в Тобольск для наблюдения прохождения Венеры через диск Солнца. Как писал известный историк прошлого века П. П. Пекарский, «аббат отблагодарил за щедрость русского правительства книгою, которая сильно оскорбляла национальное самолюбие современников в России».⁴⁸ Книга Шаппа подверглась досконально обоснованной и резкой критике в анонимно вышедшей в 1770 г. работе «Antidote» («Противоядие»), которая приписывается Екатерине II и ее окружению.⁴⁹

Французские просветители в большинстве своем, в частности Вольтер, и это видно из его писем Д. А. Голицыну, из гуманных побуждений приветствовали победы русского оружия на суше и на море над султанской Турцией — вековой угнетательницей миллионов христиан. В 1773 г. в Петербурге вышла в свет книга на французском языке без указания автора и издателя «История войны России с Турцией, в частности кампании 1769 г.»⁵⁰ Она

состоит из трех независимых частей, переплетенных в один том со сплошной пагинацией: «История войны» (с. 1—182); «Родословная князей Голицыных» (с. 183—195); «Замечания на статью анонима из „Военной энциклопедии“ о русско-турецкой войне и кампании 1769 г.» (с. 196—234). По единодушному мнению и русских и французских исследователей, основной текст книги принадлежит перу профессора Военной школы в Париже и инспектора военных училищ Луи Феликсу Гинеману де Кералио. В 1777 г. он издал еще одну работу по той же проблематике «История русско-турецкой войны 1735—1739 гг. и Белградского мира, которым она завершилась». В 1767 г. он перевел на французский язык капитальный труд петербургского академика И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири», ничего общего не имеющего с упомянутым выше сочинением Шаппа д'Отероша. Кералио был коротко знаком с Голицыным, который снабжал его материалами по историографии России. Научное значение «Кампании 1769 г.» не оспаривается. На нее, в частности, ссылается С. М. Соловьев.⁵¹ По суждению историка Шарля Палиссо де Монтенуа, Кералио писал, пользуясь внушающими доверие документами. Однако нас более интересует вторая и третья части книги, которые, по данным русских библиографов, написаны Д. А. Голицыным.⁵²

Поводом для публикации анонимных «Замечаний» послужила анонимная же статья «О русско-турецкой войне и кампании 1769 г.» в журнале «L'Encyclopédie Militaire» за январь—апрель 1770 г. В этой статье давалась искаженная картина военных действий, в особенности операций 1-й русской армии, которой командовал генерал, затем фельдмаршал Александр Михайлович Голицын, двоюродный брат вице-канцлера. В кампанию 1769 г. А. М. Голицын одержал верх над турками под Хотинном и в сентябре того же года овладел этой важной крепостью на Днестре. При дворе его руководство армией было расценено как медлительное и неуверенное, он был смещен и заменен П. А. Румянцевым.

Редактируя труд Кералио, Дмитрий Алексеевич, как патриот и представитель рода, не мог оставить без отклика недоброжелательную по отношению к России, местами клеветническую статью французского военного журнала. В вводной части своих «Замечаний» Голицын писал: «Я отнюдь не обвиняю автора; он был, может быть, плохо осведомлен, недостаточно подготовлен и т. п. Речь

не об этом, а о том, что он представил Россию в самом отвратительном виде как слабосильную, готовую вот-вот развалиться империю. Однако она добилась славного окончания войны с грозным неприятелем. Это выразительное доказательство могущества государства либо не произвело никакого впечатления на предубежденные умы, либо они его утаили, почитая за лучшее приписывать храбрость и достоинства этих войск физической конституции и религиозности русских солдат, а не порядкам, введенным Петром Великим и поддерживаемыми его преемниками. Такое притворство потакало изданию не так давно печатных произведений, направленных против России (среди прочего „Путешествие в Сибирь“ аббата Шаппа д'Отероша). Старались различными писаниями уменьшить значение кампании 1769 г., наравне с другими прославившей Россию. Газеты и журналы были заполнены лживыми сообщениями, в которых преувеличивались потери русских, снижали таковые у их противников и особенно старались лишить наших генералов лавров, столь справедливо ими заслуженных». ⁵³

Далее Голицын переходит непосредственно к тексту журнальной статьи и на протяжении 35 страниц пункт за пунктом со знанием дела, опираясь на неопровержимые документированные факты, критикует анонимного автора и опровергает его домыслы о неудачах русских войск, особенно при осаде Хотина. Заодно он встает на защиту полководца А. М. Голицына, который был выставлен в «L'Encyclopédie Militaire» в очень неприглядном виде. Остается все же непонятным, зачем было прилагать к книге Кералио родословную Голицыных, в которой к тому же нет ничего нового по сравнению с генеалогией Миллера.⁵⁴ Работа Кералио с добавлениями была послана Вольтеру, который благодарил Голицына в письме от 19 июня 1773 г. Читая «Антидот» и «Замечания» и сопоставляя стиль и фразеологию обоих произведений, задаешься вопросом: не одна ли рука водила пером авторов обоих полемических сочинений? Не принимал ли Д. А. Голицын какого-либо участия в написании «Антидота»? У Пыпина и других исследователей об этом ничего не сказано. Не настала ли пора всерьез подумать об этом эпизоде из истории русской историко-политической литературы?

Десять лет спустя после выхода в свет книги Кералио, произошло событие, на которое не мог не откликнуться Д. А. Голицын. В 1783 г. к России был присоединен Крым

и через два года в Петербурге «на казенном иждивении» вышла книга под заглавием «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы». Написал ее Карл Иванович Габлиц, уроженец Кенигсберга. В детстве он был вывезен в Россию, учился в Московском университете. Проявил себя как натуралист, участвуя в экспедициях по югу России С. Г. Гмелина, после чего долгое время служил в ведомстве Г. А. Потемкина. В 1778 г. он был назначен вице-губернатором Крымской области, затем занимал ряд высших государственных постов, являлся автором трудов по географии России. Названное выше сочинение Габлица привлекло внимание Голицына как первое научное исследование по физической географии и экономике полуострова, и он решил издать книгу Габлица на французском языке, чтобы с ней мог ознакомиться западный читатель «Физическое описание» было переведено и прокомментировано в многочисленных примечаниях Голицыным и издано в 1788 г. в Гааге. В предисловии Голицын отметил, что книга выгодно отличается от ранее изданных сочинений о Крыме и что ее автор продолжил линию, проложенную «Палласами, Гмелиными, Лепехиными путешествиями по обширным странствам империи, в Персии и Грузии».⁵⁵

¹ Сведения о Кенэ и физиократах почерпнуты главным образом из кн.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20; *Аникин А. В.* Юность науки. М., 1975 (далее: *Аникин*).

² Аникин, с. 159.

³ Там же, с. 164.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 262.

⁵ См., напр.: *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России: 1765—1917. М., 1963 (далее: *Орешкин*).

⁶ *Рачинский А. В.* Мысль об освобождении русских крестьян в XVII и XVIII столетиях. — *Русский вестник*, 1876, 121, янв.—февр., с. 872; он же: Пять писем Д. А. Голицына вице-канцлеру А. М. Голицыну. — *Сборник РИО*, 1875, 15, с. 626—639 (далее: *Рачинский*). *Голицын Д. А.* Письма. — В кн.: *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века.* Т. 2. М., 1952, с. 30—49 (далее: *Избранные произведения*).

⁷ *Семецкий В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1888; *Бак И. С.* Дмитрий Алексеевич Голицын: Философские, общественно-политические и экономические воззрения. — *Исторические записки*, 1948, 26, с. 258—272 (далее: *Бак*).

⁸ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1113, л. 191; *Избранные произведения*, с. 36.

⁹ О нем см.: *Willemse D.* António Nunes Ribeiro Sanches — élève de Boerhaave — et son importance pour la Russie. Leiden, 1966.

- ¹⁰ Карамзин, с. 376.
- ¹¹ Встречающиеся в литературе указания на то, что Жоао Магеллан был потомком великого мореплавателя, являются лишь догадками.
- ¹² ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1113, л. 169 об.
- ¹³ Избранные произведения, с. 40.
- ¹⁴ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1113, л. 166.
- ¹⁵ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1965, с. 631.
- ¹⁶ Избранные произведения, с. 35.
- ¹⁷ Там же, с. 33.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1957, с. 37 (далее: Пушкин).
- ²⁰ Бак, с. 264.
- ²¹ Михал Мнишек — польский государственный деятель, в 60-х годах учился в Швейцарии.
- ²² ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1114, л. 119.
- ²³ *Bertran J. Essai sur l'esprit de la législation favorable à l'agriculture, à la population, au commerce, aux arts et aux métiers.* Bern, 1766.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1114, л. 139—154, 173—227.
- ²⁵ Орешкин, с. 59.
- ²⁶ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1115, л. 13.
- ²⁷ Избранные произведения, с. 7—29.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1114, л. 109.
- ²⁹ *Diderot*, p. 457.
- ³⁰ Екатерина II и Дидро. — РС, 1884, 42, с. 250.
- ³¹ Бюлер, с. 79.
- ³² Екатерина II и Дидро. — РС, 1884, 42, с. 250.
- ³³ *Туган-Барановский М.* Мерсье де ла Ривьер. — Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 37. СПб., 1896, с. 137.
- ³⁴ Избранные произведения, с. 44.
- ³⁵ Там же, с. 45.
- ³⁶ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 1119, л. 18—21 об.
- ³⁷ *Gallitzin D. Traité ou Description abrégé et méthodique des minéraux.* Maestricht, 1792, p. V—VI.
- ³⁸ *Сироткин В. Г.* Великая Французская буржуазная революция, Наполеон и самодержавная Россия. — История СССР, 1981, № 5, с. 39.
- ³⁹ *Gallitzin D.* De l'esprit des économistes ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la Révolution Française. Brunsvik, 1796; Von Geiste der Oekonomisten... Duisburg, 1798. Этот труд подробно рассмотрен в ст.: *Donnert E.* Zur Gesellschaftsauffassung Dmitrij Golicyns. — J. Wirtschaftsgeschichte, 1973, 2, S. 121—130.
- ⁴⁰ Бак, с. 270.
- ⁴¹ *Соловьев*, кн. XIV, с. 102.
- ⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.
- ⁴³ *Гельвеций К. А.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1937, с. 125.
- ⁴⁴ *Darnton R.* The business of Enlightenment: A publishing history of the Encyclopédie; 1775—1800. Cambridge, Mass, 1979.
- ⁴⁵ *Рачинский А.* Русские ценители Гельвеция в XVIII в. — Русский вестник, 1876, 123, № 5, с. 287.
- ⁴⁶ Там же, с. 288.
- ⁴⁷ Там же, с. 295; *Voltaire.* Les oeuvres. ., t. 124, p. 29.
- ⁴⁸ Цит. по ст.: *Пыпин А.* Кто был автором «Антидота»? — В кн.: Соч. имп. Екатерины II, т. 7. СПб., 1901, с. III.

⁴⁹ Там же, с. LV.

⁵⁰ Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie, et particulièrement de la Campagne de MDCCLXIX. St. Petersburg. 1773 (далее: *Histoire*).

⁵¹ *Соловьев*, кн. XIV, с. 288, 614.

⁵² *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1. Берлин, 1876, с. 237 (далее: *Геннади*); *Митрополит Евгений.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. 1. СПб., 1845, с. 151 (далее: *Митрополит Евгений*).

⁵³ *Histoire*, p. 197.

⁵⁴ См. гл. 1, прим.¹

⁵⁵ *Gablitzl K. L.* Description phisique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois regnes de la Nature. Traduit de russe et enrichie de notes. La Haye, 1788, p. V.

Естествоиспытатель

Со времени провозглашения в начале XVII в. Республики Соединенных провинций ни в одной стране европейского континента не наблюдалось таких быстрых темпов развития естествознания, как в Нидерландах, — первом буржуазном государстве Европы. Менее чем за сто лет, с 1575 по 1647 г., в Голландии были основаны 6 университетов, старейший из них в Лейдене, в котором, между прочим, училось много русских. Для сопоставления укажем, что примерно за тот же период во всех других европейских странах были открыты всего 18 университетов.

Структура голландских высших учебных заведений была общеевропейской; они имели три факультета — медицинский, юридический и теологический. Отличие заключалось лишь в отсутствии подготовительного факультета «свободных искусств», функции которого выполняли так называемые прославленные школы в Девентере, Амстердаме, Дордрехте и других городах. Так как нидерландская протестантская церковь по ряду причин проявляла большую терпимость к науке, чем любая другая западная церковь, а также вследствие децентрализованного государственного устройства университеты Соединенных провинций пользовались довольно свободной автономией и академическая жизнь не испытывала особого давления со стороны властей.

В XVIII в. в Нидерландах стали появляться научные общества — Роттердамское общество экспериментальной физики, Медицинское общество в Гааге, Амстердамское математическое общество и другие — всего около 20. Самое раннее из них и наиболее известное Голландское общество наук было основано 21 мая 1752 г. в Харлеме и существует поныне. В этой ученой корпорации предусматривается два разряда членства. Члены первого раз-

ряда, называемые директорами, ежегодно платят членские взносы и руководят административной и научной деятельностью Общества. К второму разряду принадлежат ученые, избираемые в Общество и не вносящие денег. Например, в 1792 г. в этом Обществе числилось 52 директора, 107 членов — граждан Голландии и 49 членов — иностранцев. С 1762 г. начались научные связи Голландского общества наук с Петербургской Академией наук, конференц-секретарь которой Г. Ф. Миллер в том же году был избран членом Общества. За 200 лет своего существования Общество издало 35 томов своих «Трудов».¹ В 1808 г. был основан Королевский институт наук, литературы и искусств.

Творцами первой научной революции являлись и великие голландские ученые. Взаимосвязанно с наукой в стране развивалась техника, достигшая высокого уровня. Строились верфи и каналы, прибрежные низменности превращались в продуктивные сельскохозяйственные угодья — польдеры. Сукноделие и шелковые мануфактуры голландцев славились на весь мир. Ведущей отраслью экономики стало кораблестроение, стимулировавшее расцвет многих сопутствующих отраслей промышленности. Властной рукой Петр I посылал способную молодежь России в Голландию обучаться судостроению и другим специальностям.

Республика была прибежищем для бежавших из своих стран ученых и философов, часть которых оседала в голландских университетах, поддерживая их высокую репутацию. Так, Декарт главные свои труды писал в Амстердаме. Французский просветитель предшественник энциклопедистов Пьер Бейль закончил свои дни в Роттердаме, где преподавал и издавал знаменитые «Nouvelles de la République des lettres» (1684—1687 гг.), прогрессивные традиции которых продолжал Банаж де Боваль в «Histoire des Ouvrages des scavants» (1688—1709 гг.) Именно в этих журналах Лейбниц печатал многие свои труды. То, что нельзя было печатать во Франции или других странах, публиковалось в Голландии. Упомянувшиеся «Персидские письма» Монтескье первым изданием анонимно вышли в свет в Амстердаме в 1721 г.

Во второй половине XVIII в. ко времени назначения Д. А. Голицына посланником в Гаагу естествознание в Голландии уже не блистало такими прославленными именами, как в предшествующие десятилетия, не говоря уже о веке предыдущем, когда жил создатель волновой

теории света Христиан Гюйгенс. В 1738 г. скончался знаменитый врач и химик Герман Бургава, у которого в Лейденском университете учился первый президент Петербургской Академии наук уроженец Москвы Л. Л. Блюментрост. В 1742 г. умер физик-экспериментатор Вильгельм Якоб Гравезанд, в 1761 г. — не менее известный электрофизик Петер ван Мушенбрек, изобретатель лейденской банки. Труды этих ученых, особенно учебники, отличавшиеся новизной подхода, служили настольными книгами для первого поколения русских естествоиспытателей, прежде всего М. В. Ломоносова и Г. В. Рихмана. Мушенбрек, пожалуй, ранее других на Западе воздал должное созданной на берегах Невы Академии наук. В 1731 г. он писал: «...царь Московии Петр Великий основал Петербургскую Академию, отобрав отовсюду самых славных и представительных ученых, труды которых теперь состязаются с остальными за пальму первенства и внесли немалый вклад в науку».² Он же, Мушенбрек, был одним из поставщиков физических приборов для петровской Кунсткамеры.

В интересующий нас период как в университетах, так и научных обществах Голландии продолжались экспериментальные исследования и теоретические разработки естествоиспытателей. В нашей историко-научной литературе об этом говорится довольно скупо, поэтому не мешает здесь несколько оживить картину. Физики были увлечены главным образом осмыслением электрических и магнитных явлений. Событием, задавшим тональность работам в этом направлении, и не только в Голландии, была разработанная Франклином в 1747—1755 гг. в Филадельфии феноменологическая теория электричества, получившая название унитарной теории. Суть ее сводилась к предположению, что в природе существует особая электрическая материя (жидкость), состоящая из чрезвычайно малых частиц, способных проникать в «обыкновенную материю». Эти частицы отталкивают друг друга и притягивают частицы «обыкновенной материи». Избыток электрической жидкости или флюида в теле против нормального ее содержания делает тело заряженным положительным электричеством, а недостаток — отрицательным электричеством. В пространстве, окружающем положительно заряженные тела, избыток флюида обволакивает поверхность тела, образуя «электрическую атмосферу», которая ответственна за взаимное отталкивание тел, заряженных положительно. Однако теория не давала ответа на вопрос,

Электрические опыты в XVIII в.

Художник К. Ванлоо. Картинная галерея музея «Архангельское».

отчего происходит отталкивание отрицательно заряженных тел, лишенных «атмосферы» вокруг себя. Противоречивы были рассуждения Франклина о роли воздуха вокруг наэлектризованных тел. Он не смог с уверенностью сказать, способствует ли воздух удержанию электрической атмосферы или нет.³ Несмотря на эти и другие недостатки, теория американского ученого нашла приверженцев среди видных ученых.

Унитаристы обрели серьезного противника в лице шотландского физика Роберта Симмера, который в 1759—1760 гг. выступил с гипотезой о двух отличающихся друг от друга электрических субстанциях. Симмер, по существу, ничего нового не предложил, он лишь углубил своими построениями забытую двухфлюидную, или дуалистическую, теорию стеклянного и смоляного электричества,

выдвинутую в 1733 г. Шарлем Франсуа Систерне Дюфэ. Влиятельным приверженцем двухфлюидной теории был шведский физик Иоганн Вильке. Возникли и другие флюидно-атмосферные теории, например, изложенные в «Письмах об электричестве» Жана Нолле и трудах итальянца Джамбаттисты Беккариа.⁴ М. В. Ломоносов и Л. Эйлер придерживались представлений об эфирной природе электричества. Петербургский академик Ф. У. Т. Эпинус в 1759 г. опубликовал «Опыт теории электричества и магнетизма». Опираясь на унитарную теорию, устранив некоторые ее противоречия и используя количественный анализ экспериментальных данных, он создал труд, оказавшийся в истории физики XVIII в. такой же вехой, какой явился «Трактат об электричестве и магнетизме» Максвелла в XIX в.⁵

Спор унитаристов и дуалистов не имел принципиального значения, так как и те и другие исходили из наличия некоей электрической жидкости. Такое мнение было высказано, например, профессором Геттингенского университета Георгом Кристофом Лихтенбергом. Широко известный как автор книги афоризмов, он не менее известен как талантливый физик. В 1777—1778 гг. появился ряд статей Лихтенберга, из которых ученый мир узнал об оригинальных опытах с электрофором, приведших его к открытию фигур, получивших название лихтенберговых. Ему же мы обязаны введением обозначений «+» и «—» для положительного и отрицательного зарядов. В письме к Францу Вольфу от 30 декабря 1784 г. Лихтенберг, сообщая об исходе полемики с Вольтой, писал: «Вольта меня спросил: „О, милостивый государь, так Вы, оказывается, унитарист!“ На что я ответил ему, что я не унитарист и не дуалист, но я смогу стать либо тем, либо другим как только увижу решающий эксперимент».⁶ Напрашивается аналогия с его же афоризмом: «Почему бог вложил так много приятного в двойственность?».⁷

Для естествоиспытателей второй половины XVIII в. злободневным был и вопрос о единстве электрических и магнитных явлений. Сходство между ними слишком явно бросалось в глаза, чтобы не возникнуть такой проблеме. Споры по этому вопросу продолжались целое столетие, пока они не завершились построением Максвеллом в 1864—1865 гг. фундаментальной электромагнитной теории света. Начало спорам положил Эпинус в «Речи о сходстве электрической силы с магнитною», произнесен-

ной 7 сентября 1758 г. на публичном собрании Петербургской Академии наук. Рассуждая об открытом в начале века пирозлектричестве, т. е. явлении возникновения без трения электрической дипольности в нагретом кристалле турмалина, Эпинус указал на аналогию между электро- и магнетостатикой. Эта идея получила дальнейшее развитие в его «Опыте теории электричества и магнетизма». Обе работы русского ученого получили широкую известность за пределами России.⁸

Обратимся теперь непосредственно к работам голландских физиков в этой области.⁹ Профессор основанного в 1585 г. университета в г. Франекере Антониус Бругманс в 1765 г. написал «Опыт философии магнитной материи». В этом труде автор выдвинул двухфлюидную теорию магнетизма. Бругманс полагал, что железо в обычном состоянии насыщено находящимися в равновесии двумя отличающимися друг от друга эластичными флюидами. При намагничивании они разделяются, аккумулируясь на полюсах. Поскольку флюиды весьма гибки, они стремятся выйти наружу, образуя, таким образом, магнитную атмосферу вокруг полюсов. Как видим, здесь только перепевы дуалистической теории.

Крупным нидерландским физиком второй половины XVIII в. был питомец Лейдена и с 1765 г. преемник Бругманса в Франекерском университете Ян Гендрик ван Свинден. В своей деятельности он руководствовался тезисом Фрэнсиса Бэкона из «Нового Органона»: «Человек, толкователь и исполнитель природы, расширяет свои познания и свою деятельность только по мере раскрытия им естественного порядка вещей то наблюдением, то размышлением; ничего больше он не знает и не может».¹⁰ Свинден, вероятно, первым в Голландии прочитал классический труд Эпинуса. В 1772 г. он издал «Опыт математической теории магнитных явлений». В этой работе, как, впрочем, и в других, Свинден с похвалой отзываясь о достижениях Эпинуса и часто цитирует его, хотя не во всем согласен с коллегой из России. В частности, Свинден оставлял открытым вопрос об истинности унитарной или дуалистической теории электричества.

Основанная в 1759 г. и существующая поныне Баварская Академия наук в 1774 г. объявила и через два года выдвинула вновь конкурсную задачу: «Есть ли подлинное физическое сходство между электрической и магнитной силой и если есть, то каким образом эти силы действуют

Голландский физик Ян Гендрик ван Свинден.

на живое тело?». По мнению австралийского историка науки Р. Хоума, вторая часть вопроса была навеяна вестями из Вены, где тамошний врач Франц Антон Месмер приступил к сеансам магнетического лечения своих пациентов. Мы-то знаем теперь, что Месмер лечил внушением, заложив тем самым основы психотерапии. Но в ту эпоху мнимое действие магнита невольно по аналогии сопоставляли с эффектами электризации человека, породившими совсем не ложную, а действенную электротерапию. Интерес к взаимодействию магнита и живого организма своеобразно проявился и в опытах известного итальянского биолога и натуралиста Ладзаро Спалланцани. В декабре 1780 г. он сообщил Свиндену, что «во время своего последнего пребывания на Средиземном море» повторил опыты прошлых лет над электрическим скатом. «Достоин упоминания, — писал Спалланцани, — что магнит, которым я пользовался, был очень сильным (поднимал 25 фунтов), однако, несмотря на это, я не смог обнаружить даже малейшего притяжения между этой рыбой и магнитом. Я изменял условия опыта тысячу раз, и все так же неудачно».¹¹

Премия никому не была присуждена, однако Баварская Академия признала лучшим «Мемуар о сходстве электри-

чества и магнетизма» Свиндена, за который он был награжден золотой медалью. Работа была опубликована на немецком языке в 1780 г. в «Новых научных трудах Баварской Академии наук», затем издана во французском переводе в первом томе трехтомного «Сборника мемуаров о сходстве электричества и магнетизма».¹² Завершая свой труд, Свинден писал: «Если мы поразмыслим обо всем, что было сказано . . . о сходстве электричества и магнетизма, то, как мне кажется, эти два рода сил полностью отличаются друг от друга; они зависят от разных причин, действуют они согласно различным законам и не имеют никакого влияния друг на друга». Свиндену неловко, что он «выступает против этой великой аналогии, которую многие физики усматривают между электричеством и магнетизмом».¹³

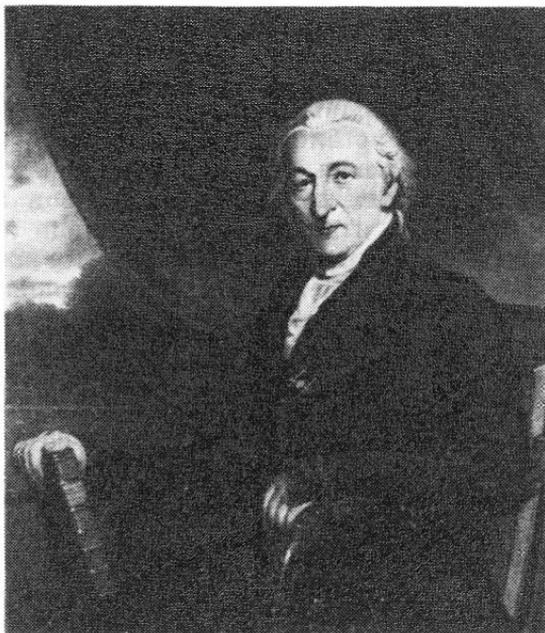
В 1777 г. Свинден вместе с Шарлем Кулоном удостоился золотой медали Парижской Академии наук за усовершенствование компаса. В петербургских «Акта» за 1780 г. была опубликована статья голландского ученого «О движении магнитной стрелки во время северного сияния, наблюдавшегося 29 февраля 1780 г.». Более подробно о поведении магнитной стрелки во время полярных сияний Свинден написал в большой статье, помещенной в третьем томе упомянутого Сборника. В 1785 г. он был назначен профессором физики и астрономии в основанный в 1632 г. Амстердамский университет, называвшийся до 1876 г. «Атенеумом». Там, продолжая свои исследования, он убедился, что уровень знаний и экспериментальные возможности его времени не позволяют прийти к адекватному представлению о родстве и взаимодействии электричества и магнетизма. Ему свойственна была осмотрительность в своих суждениях. В 1798 г. Свинден в качестве представителя Батавской республики принимал участие в работах французских ученых по определению длины метра.¹⁴

Из нидерландских естествоиспытателей рассматриваемой эпохи широкую известность снискал уроженец Дельфта Мартинус ван Марум. Закончив в 1773 г. медицинский факультет Гронингенского университета (основан в 1614 г.), он несколько лет был практикующим в Харлеме. В 1776 г. Марум был избран членом общества наук, а через год ему поручили заведование Кабинетом натуралий общества. В 1782—1802 гг. он побывал с познавательными целями в научных центрах ряда стран.

Творческая работа Марума развернулась в харлемском Учреждении Тейлера (Teylers Stichting), с которым были связаны 60 лет его жизни. Это своеобразное научно-просветительское учреждение, называемое часто Музеем, было основано в 1778 г. на средства и по завещанию богатого купца и владельца шелковой мануфактуры в Харлеме Петра Тейлера ван дер Хульста. Учреждение состояло из музея, библиотеки и теологического кружка. Здание для музея, сохранившееся до наших дней, построено в 1784 г. Голландское общество наук и Музей Тейлера работали и работают, дополняя своей деятельностью друг друга.¹⁵ В 1784 г. Марум стал хранителем организованного им Физического кабинета и библиотекарем Учреждения Тейлера, оставаясь одновременно заведующим Кабинетом натуралий Голландского общества наук, секретарем которого он был избран в 1794 г.

Марум, как и большинство нидерландских физиков, придерживался однофлюидной теории электричества. С 1781 г. он приступил к исследованиям, преследующим цель крупномасштабными опытами подтвердить истинность теории и заодно доискаться первопричины электрических явлений. В апреле 1784 г. в Овальном зале Музея была завершена установка крупнейшей электростатической машины трения, построенной проживавшим в Амстердаме английским механиком Джоном Кэтбертсоном. Речь идет о двухдисковой машине со стеклянными дисками диаметром 1650 мм, насаженными на расстоянии 180 мм друг от друга на общий вал длиной около 1000 мм. Посредством системы кривошипов аппарат приводился во вращение двумя лаборантами, для большей скорости — четырьмя. Электрический заряд, возникающий от трения восьми просмоленных тафтяных подушек о диски, снимался металлическими гребенками, отстоящими от внутренних поверхностей дисков на 40 мм. Кондукторы и разрядные шары диаметром 300 мм устанавливались на изолирующих стеклянных стойках.

Экспериментируя со своей мощной машиной и пользуясь придуманным им приспособлением, Марум изменял ее полярность на выходе и наблюдал формы искровых разрядов. Рисунки этих разрядов в виде крупноформатных гравюр приложены к его «Описанию очень большой электрической машины».¹⁶ Летом 1785 г., находясь в Париже, Марум ездил в Пасси к Франклину, который с 1776 г. жил в этом столичном пригороде в качестве фактического по-

Голландский физик Мартинус ван Марум.

сланника молодой заокеанской республики. Несмотря на то, что Франклин готовился к отъезду домой в Соединенные Штаты, он принял Марума, который рассказал ему о своих опытах в Харлеме и показал рисунки искровых разрядов. В заключение беседы Франклин сказал: «Все это подтверждает мою теорию об одном электрическом флюиде, и давно уже пора отвергнуть теорию двух видов флюидов».¹⁷

Самые поучительные опыты были, однако, впереди. С 1786 г. Марум экспериментировал, используя свою машину в сочетании с батареей из 25 лейденских банок, изготовленных из богемского стекла высотой 500 мм и соединенных параллельно с суммарной емкостью около 0.2 мкФ. В его распоряжении находилась еще одна батарея, состоящая из 9 секций по 15 банок меньшего размера общей мощностью 0.1 мкФ. Искры, получаемые Марумом при разряде батарей достигали длины до 600 мм. Напряженность электростатического поля контролировалась квадрантным электрометром конструкции Джорджа Адамса.¹⁸ Без преувеличения можно сказать, что эта

установка была первой в мире высоковольтной лабораторией, которой пользовались также коллеги Марума из других городов страны. В июне 1814 г. при посещении Александром I Нидерландов Марум демонстрировал русским гостям свою установку в действии.¹⁹

При всем разнообразии опытов, выполненных в Музее Тейлера в течение ряда лет, они сводились в основном к изучению теплового и химического действия искрового разряда. В 1785 г. Марум, обнаружив, что воздух под действием электрической искры приобретает запах и окислительные свойства, открыл озон. Он же своими тщательными опытами показал, что, вопреки имеющему широкое хождение мнению, электричество не усиливает процесса испарения. Голландский физик расплавлял одинаковой длины проволоки миллиметровой толщины из различных металлов и показал, что проводимость меди выше, чем свинца, железа и других металлов. Поэтому он рекомендовал изготавливать молниеотводы из меди. Производились опыты электроискрового обжига различных «земель». Настойчивыми были исследования влияния электрической искры на магнитную стрелку, преследующие всю ту же заповедную цель — обнаружить взаимосвязь между электричеством и магнетизмом.

Нам следует остановиться еще на эпохальном открытии Алессандро Вольты в самой преддверии XIX в. химического источника электричества. Сообщение об этом появилось в октябре 1800 г. в одном голландском еженедельнике, спустя три месяца после публикации статьи Вольты «Об электричестве, возбужденном простым соприкосновением проводящих тел различного рода» в июльском выпуске «Philosophical Transactions». В декабре того же года амстердамский фармацевт Вилем ван Барневельд воспроизвел опыт Вольты, построив гальванический элемент из 60 серебряных и стольких же цинковых пластинок, разделенных между собой смоченными в воде, а впоследствии в серной кислоте, суконными прокладками. Доискиваясь причины возникновения электричества в приборе Вольты, ван Барневельд высказал догадку, что электричество генерируется вследствие разложения воды на составные части.²⁰ Журнальное сообщение об опытах Барневельда появилось весной 1801 г.

Плодотворными были исследования источника электрического тока Марумом, который узнал о приборе Вольты из адресованного ему письма президента Лондонского

королевского общества Джозефа Бэнкса от 14 июня 1800 г. Как известно, еще 20 марта Вольта сообщил Бэнксу первому о сделанном им открытии. В августе и повторно в октябре 1801 г. итальянский ученый обратился к Маруму с просьбой при помощи его машины идентифицировать статическое электричество с электричеством гальваническим, т. е. с электрическим током. Такая проверка была осуществлена в ноябре того же года Марумом совместно с профессором Кильского университета Христианом Пфаффом. Было доказано единство обоих видов электричества, что, однако, признавалось далеко не всеми естествоиспытателями эпохи, в том числе и самим Марумом до производства этих ноябрьских опытов. Он показал также, что зарядка батареи лейденских банок от гальванических элементов происходит гораздо интенсивнее, чем при использовании электростатической машины. По предложению Марума прибор Вольты был назван «вольтовым столбом».²¹

Что касается химии, то именно во второй половине XVIII в. произошел коренной переворот в этой области естествознания. До конца 70-х годов господствовала флогистонная теория. Ее основоположником был профессор медицины и химии Йенского и Галльского университетов Георг Эрнст Шталь, изложивший свое учение наиболее полно в изданных в 1723 г. «Основаниях догматической и экспериментальной химии». В редакторских примечаниях к русскому переводу «Истории химии» М. Джуа отмечается: «Шталь был прекрасно знаком с техникой получения металлов из руд и с практикой пробирного искусства. Тесная связь между этими производственными познаниями Штalia и разработкой им теории флогистона (т. е. по существу, окислительно-восстановительных реакций) совершенно несомненна, на что, однако, историки химии еще не обращали должного внимания».²² По Штально, «флогистон — составная часть всех горючих тел, выделяющаяся при горении или обжигании. Химики XVIII в. считали своей главной задачей изолировать гипотетический флогистон».²³ Однако все эти «неудачные» попытки, собственно, и привели к основополагающим открытиям в химии. Были открыты газы — кислород, водород, азот, углекислый газ, или, как его называли тогда, «связывающий воздух», короче, зародилась пневматическая химия. В 70-х годах Антуан Лоран Лавуазье провозгласил *ubi et ubi*, что обжигание металлов и горение

суть реакции соединения, а не разложения, сформулировал свою теорию горения, которой была парализована и сведена на нет флогистика. Он же в 1783 г. доказал, что вода не простое вещество, не элемент, что ее можно разложить на составные ингредиенты и вновь синтезировать. Все это, а также достижения аналитической химии, позволившие классифицировать простейшие тела, привело к тому, что называют революцией в химии.

После смерти Бургава и до 70-х годов XVIII в. в Нидерландах наблюдался застой в химических исследованиях. Толчком для их возобновления и продолжения теперь уже на новом познавательном уровне явились труды Лавуазье. Его идеи не сразу получили признание в стране, и это естественно. Наиболее убежденным и последовательным противником флогистики стал все тот же Марум, посетивший, как уже говорилось, Париж в 1785 г., где из первых рук, от самого Лавуазье ознакомился с основами новой теории горения. До встречи с французским ученым Марум упорно придерживался флогистонных представлений; он считал даже, что электрический флюид Франклина не что иное, как разновидность флогистона!

У себя в Музее Марум продублировал большинство опытов Лавуазье и его последователей и в 1787 г. выпустил «Основы учения г. Лавуазье» — первую в Голландии печатную работу, посвященную новой теории. Развитию в стране химических знаний способствовала организация в 1791 г. в Амстердаме Общества голландских химиков, инициаторами которого были Адриан Паэтс ван Трооствейк, Ян Дейман и Петер Ньюланд. В 1789 г. первые двое, пользуясь электростатической машиной, пытались произвести электрохимическое разложение воды. Они пропускали через воду разряды, усиленные введенными в цепь лейденскими банками. Разрывая цепь для образования искр, они наблюдали выделение из воды какого-то газа. Это был, конечно, не электролиз, а результат действия высокой температуры, вызываемой электрическим разрядом вдоль пути искры.

С выходом в свет в 1800 г. на голландском языке в переводе профессора Утрехтского университета (открыт в 1634 г.) Николаса де Фремери «Начального курса химии» Лавуазье флогистонная гипотеза была окончательно отвергнута в Нидерландах.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что во второй половине XVIII в. в Голландии получили развитие и такие

дисциплины, как науки о Земле, которыми плодотворно занимался профессор в Лейдене Иоханнес Люлофс, в области метеорологии — ван Свинден. Европейскую известность приобрели труды по медицине профессоров Гронингенского университета анатома Петруса Кампера и Лейденского университета Иеронимуса Гаубиуса лейб-медика штатгальтера. Гаубиус поддерживал научную переписку с упоминавшимся Санчесом.²⁴ С 1754 г. Гаубиус был почетным членом Петербургской Академии наук.

Такой или приблизительно такой была научная жизнь в Соединенных провинциях, когда Д. А. Голицын с середины 70-х годов решил посвятить себя естествознанию, добросовестно выполняя до своей отставки многотрудные обязанности российского посланника. В определенном смысле этой перемены в своей жизни он бросил вызов русской аристократии, так как до Голицына никто из русских вельмож не «опускался столь низко», чтобы заниматься физикой или химией. Правда, можно назвать химика и минералога графа А. А. Мусина-Пушкина, но он на несколько лет позже Голицына занялся науками. Что касается директора Петербургской Академии наук и президента Российской Академии княгини Е. Р. Дашковой, то она была лишь на редкость разумным администратором научных учреждений.

Уже упоминалось, что еще в Париже Д. А. Голицын находил время следить за успехами науки и техники. В Голландии этот интерес перешел в настоящую страсть, которая привела его в один ряд с видными естествоиспытателями той эпохи. Голицын не был корифеем науки, которой он был предан бескорыстно последние 30 лет своей жизни, и здесь есть резон привести высказывание известного русского библиографа С. А. Венгерова: «Совершенно неправильно думать, что именно большие люди всегда прокладывают „новые пути“. Ничего они не прокладывают, а только блеском своего дарования освещают тропы, проторенные до них. Они только углубляют то, что вырабатывает коллективная мысль века».²⁵ Если отбросить полемический задор, то нельзя не согласиться, что в этой сентенции много справедливого. Поэтому, имея в виду вклад Д. А. Голицына в науку, мы не можем присоединиться к мнению историка науки Т. И. Райнова, который с высоты знаний XX в. высокомерно называет Голицына «дилетантствующим дипломатом».²⁶ Да, он не был профессиональным ученым, но в таком случае дилетантами

были и Франклин, и Пристли, и Румфорд, и многие другие естествоиспытатели XVIII в.

Научные склонности Д. А. Голицына были разносторонними — электричество, химия, геология, минералогия, вулканология, медицина. И в этом отношении он был также сыном своего века. Среди 455 естествоиспытателей и математиков XVIII в. разных стран ученых, работавших более чем в одной области науки, оказалось около 28 %. Так было и в предыдущем веке, однако во второй половине XVIII в. этот процент стал выше.²⁷

Голицын регулярно читал текущую естественно-научную литературу, и многое, что выходило в свет в этой области, лежало на полках его книжных шкафов. Он переписывался со многими учеными и руководителями научных учреждений, изыскивал всякие возможности, чтобы наладить тесные связи с нидерландскими учеными, работавшими в разных городах. Мы располагаем ксерокопиями 22 писем Голицына к Свиндену (1776—1789 гг.) и 24 — к Маруму (1777—1794 гг.), а также ксерокопиями выдержек из писем в Брюссельскую Академию наук за 1778 и 1779 гг. Эти документы, написанные крупным характерным почерком, искренни, интересны, насыщены актуальной научной тематикой; стилист не нашел бы в них изъянов вкуса. Впервые вводимые в научный оборот, они, равно как и все эпистолярное наследие Д. А. Голицына, позволяют полнее представить себе образ восприимчивого ко всему новому, творчески мыслящего, нетерпимого к пустословию ученого и человека.

Не позднее 1776 г. Голицын обзавелся собственной лабораторией, но он считал полезным ассистировать при производстве физических и химических опытов другим ученым, в частности Маруму, порой экспериментировал самостоятельно в чужих лабораториях. Вряд ли какой-нибудь ученый, будь то из голландцев или приехавший в Гаагу из-за рубежа, не наносил визита Голицыну и не работал у него в лаборатории. Ограничимся пока одним, ранним примером. Упоминавшийся выше Магеллан, который некоторое время был в Лейдене, 31 октября 1776 г. писал Санчесу в Париж: «Я получил записку князя Голицына из Гааги о том, что он ждал меня и срочно покидает деревушку под Бредой, где отдыхал с княгиней, чтобы непременно встретиться со мной в Гааге».²⁸ Встреча состоялась к обоюдной пользе.

Электричество было той областью прирождения,

с которой начались самостоятельные шаги Д. А. Голицына в науке. Еще исполняя свою должность в Париже, он вне всякого сомнения присутствовал при проведении, так сказать, электрических опытов в виде спектаклей в стиле барокко,²⁹ даваемых Жаном Нолле для развлечения апатичного и пресыщенного Людовика XV. Для вдумчивого человека, каким был Голицын, эти демонстрации были прежде всего поучительными, возбуждавшими интерес дипломата к чтению печатных трудов по электричеству, вероятно, и книг самого Нолле, изданных в 1753—1764 гг. Вполне возможно, что российский посланник в конце 60-х годов слушал публичные лекции физика Жозефа Сиго де ла Фона, который первым во Франции разъяснял учение Франклина об электричестве. С воззрениями американского ученого Голицын мог ознакомиться и непосредственно из французских переводов «Опытов и наблюдений над электричеством», изданных в 1752, 1756 и 1773 гг.

Встретиться с Франклином Голицыну не пришлось, так как тот в качестве представителя отделившихся от британской короны американских колоний приехал в Париж в 1776 г., когда Голицын работал уже в Голландии. Прибытие Франклина во Францию явилось подлинной сенсацией. Российский посланник И. С. Бярятинский 15 декабря 1776 г. с поспешностью доносил вице-канцлеру И. А. Остерману: «Франклеин (Франклин,— Г. Ц.) приехал вчерась в Париж. Публика столь им занята, что ни о чем ином более теперь и не говорит, как о причинах его сюда приезда, и столько разных известий, что и знать не можно, на чем подлинно основаться. . . Говорят, что он . . . прислан от Американских независимых Соединенных Провинций трактовать с Францией и желает ведать, как его здесь примут. . . Вчерашнего дни от полиции дан приказ, во всех кофейных домах и трактирах чтоб не рассуждать об американских делах».³⁰

Подвижническая смерть Г. В. Рихмана в 1753 г. во время наблюдений за грозovým электричеством надолго отвратила ученых экспериментировать в этой области. Д. А. Голицын в числе немногих естествоиспытателей возобновил такие исследования, без которых изучение электрических явлений было бы далеко не полным. Его интерес к «естественному» электричеству имел и семейную подоплеку. Его дальний родственник, сын верховника С. Д. Голицын в 1738 г. был убит ударом молнии в окрестностях Казани; обстоятельство не столь частое и ordinarily

ное, чтобы о нем не вспоминали при случае в семейном кругу.

Сопоставляя имеющиеся данные, можно сказать, что к изучению электричества Д. А. Голицын приступил не позднее лета 1775 г. Опыты производились как в кабинетных, так и полевых условиях на дюнах вблизи дома Хендрика Фагеля, секретаря суда. Помощником был молодой ученый-метеоролог член Голландского общества наук Пьер Дантан, родом из Женевы. При поездках в Лондон он выполнял роль связного между Голицыным и английскими учеными, в частности Магелланом. Он же, Дантан, привозил физические приборы для Голицына.

Результаты своих изысканий Д. А. Голицын впервые изложил и обобщил в большом письме из Гааги от 28 января 1777 г., адресованном Франклину в Париж, о появлении которого в столице Франции Голицын узнал довольно быстро по дипломатическим каналам. Российскому посланнику в Голландии еще не запрещалось иметь каких-либо сношений с представителями Континентального конгресса, как официально именовали себя в то время посланцы США. И тем не менее для надежности, а больше для представительства свое письмо, представляющее по существу научную статью, Голицын направил Франклину через Кералию, который был знаком с филаделфийцем по его кратковременному посещению Парижа в 1767 г. Об этом документе, хранящемся в Архиве Американского философского общества, стало известно из статьи, напечатанной в 1947 г. в «Трудах» Общества, где на языке оригинала, т. е. на французском, приведены лишь начальные строки голицынского послания.³¹ В русском переводе и впервые полностью оно опубликовано в 1980 г.³² Не установлено, ответил ли Франклин Голицыну — время для этого было неподходящее, до победы американцев над англичанами под Саратогой было еще далеко. Вероятнее всего, что Франклин не счел нужным ответить, хотя Кералию 21 марта 1779 г. напоминал американскому физiku об этом.

В своем письме Д. А. Голицын прежде всего извещает адресата, что он «один из самых искренних почитателей» Франклина, и признает: «Вы прекрасно доказали существование положительного и отрицательного электричества и различие производимого ими действия; более важные дела, вероятно, помешали Вам завершить эту работу, а именно объяснить нам причину такого различия».

Начинающий русский естествоиспытатель дал понять, что он усмотрел пробелы в франклиновской теории. Опираясь на результаты своих наблюдений, Голицын пытается восполнить эти пробелы и пишет: «Теперь вот к чему привели меня собственные опыты: 1. Атмосфера положительного электричества более напряженная или более бурная (если мне будет позволено так выразиться), т. е. кроме завихрений, свойственных всякой атмосфере, она обладает еще и лучами. Это происходит потому, что в наэлектризованном теле, выделяющем ее, имеется избыток электрических флюидов. Поэтому при встрече с другим телом оно его отталкивает или отдает ему часть своего электричества. 2. Атмосфера отрицательного электричества более спокойная: она образует завихрения лишь вокруг самого тела. Поэтому при встрече с другим телом она притягивает его к себе (в обоих случаях речь идет о встрече с ненаэлектризованными телами)». ³³ Мы видим, что Голицын также не внес ясности в этот вопрос.

Во второй части письма Голицын рассуждает об атмосферном электричестве и грозозащите: «Что касается громоотводов, то думаю, что всякое тело притягивает электричество лишь тогда, когда оно уже находится в его атмосфере. Причина, по которой высокие предметы чаще поражаются молнией, чем расположенные ниже, естественно заключается в том, что они раньше оказываются в его атмосфере. Разительный пример тому — Спа». В этом бальнеологическом курорте в Арденнах (в теперешней Бельгии) Голицын наблюдал частые грозы, которые, как он писал Франклину, не причиняли вреда расположенному в низине городку. «Местные жители, — продолжал Голицын, — объясняют это охранительной силой колокольного звона, но стоит оглядеться, чтобы понять, что их защищает. Спа расположен между двумя параллельными горными хребтами... Следовательно, с какой бы стороны ни появилась туча, ее атмосфера встречается прежде всего с горами. Поэтому молния беспрепятственно ударяет в горах и всегда шадит Спа... Коль скоро громоотвод находится в атмосфере, последняя выбирает на его вершине место, которое к ней располагается ближе всякого другого. Таким образом, все лучи атмосферы устремляются туда, и громоотвод становится для электричества тем же, чем зажигающее стекло для солнца. Фокус стекла собирает солнечные лучи; громоотвод собирает лучи атмосферы, или, вернее, само электричество». ³⁴

В письме от 30 января 1777 г., делясь со Свинденом соображениями по поводу своих исследований электрических явлений и сознавая, что ему осталось только «подбирать колосья после жатвы», Голицын известил голландского физика, что «только что послал Франклину свои наблюдения по электричеству, и если он их одобрит, то, значит, я кое-что сделал». Далее он вкратце изложил содержание процитированного выше письма Франклину.³⁵

Ко времени написания этих строк и вплоть до середины XIX в. в науке преобладало представление о предупреждении, а не локализации молнии при помощи высоких электрических стержней. Считали, что они обладают превентивным свойством как бы отсасывать из грозовых туч электрическую материю и тем самым обезвреживать их. Так думал чешский физик Прокоп Дивиш, удостоверявшийся в эфekte острия и соорудивший в 1754 г. независимо от Франклина первый в Европе заземленный молниеотвод.³⁶ Сто лет спустя непреременный секретарь Парижской Академии наук Франсуа Араго скажет: «Громотводы в том виде, как их ныне устраивают, имеют . . . свойство мало-помалу извлекать из грозовых облаков грозовую материю, их наполняющую, и проводить ее без всякого взрыва и, так сказать, тихомолком, помощью кондуктора в недра земли».³⁷ Такого взгляда в начале своих наблюдений придерживался и Франклин. В 1749 г. он писал, что «вертикальные железные прутки, заостренные как иглы», могут тихо отводить «электрический огонь» из тучи «еще до того, как она приблизится на ударное расстояние».³⁸ Позже, в 1767 г., Франклин, описывая действие применяемой в Америке грозозащиты, полагал, что устройство должно воспринимать на себя уже развивающуюся молнию.³⁹ Нам неизвестно, читал ли Голицын эти последние высказывания американского ученого, во всяком случае он, Голицын, придерживался правильного взгляда на принцип действия молниеотвода — принцип локализации молнии, хотя для обоснования приводил не совсем удачную аналогию с зажигательным стеклом.

Заканчивая изложение письма Голицына Франклину, нельзя обойти молчанием следующее место: «Некоторые физики отрицают, что электричество обладает атмосферой. По-моему, милостивый государь, если бы даже электричество не порождало таковую, атмосфера земли (естественно окружающая все тела) электризовалась бы при появлении в ней предметов, в которых накопилось электри-

чество».⁴⁰ В этом высказывании есть зачатки концепции электростатического поля вокруг точечного заряда, что было уже новшеством.

На годичном публичном собрании Петербургской Академии наук, состоявшемся 17 октября 1777 г., было объявлено, что «чрезвычайный посланник е. и. в. при высокодержавных Соединенных Провинциях князь Дмитрий Голицын» представил на суд Академии «интересный мемуар по электричеству». На этом же собрании директор Академии С. Г. Домашнев предложил избрать Голицына почетным академиком.⁴¹ На следующий день, 18 октября, конференц-секретарь И. А. Эйлер сообщил своим коллегам: «Среди разных статей, поступивших в Академию на обсуждение, этот мемуар во всех отношениях привлек внимание академиков и снискал их одобрение. Вот уже в течение ряда лет князь уделял свой досуг изучению природы и особенно исследованию удивительных свойств и действий электрического огня. Он прилагал все усилия, чтобы расширить наши познания в этой области, и новые опыты, которые он задумал и осуществил, навели его на соображения столь же любопытные, сколь разумные и оригинальные. Эти опирающиеся на опыты систематизированные и ясно изложенные соображения и составляют предмет мемуара князя Голицына. . .».⁴² Академик Л. Ю. Крафт довел до сведения Конференции краткое содержание работы Голицына.

В вышеприведенном похвальном слове И. А. Эйлера можно усмотреть не только дань учтивости по отношению к сиятельному вельможе. Сын Леонарда Эйлера хорошо разбирался в вопросах электричества,⁴³ да и сама Академия в целом, имея в своем активе труды Ломоносова, Рихмана, Эпинуса, могла по достоинству и без обиняков оценить труд Голицына. Газетное извещение о мемуаре Голицына раньше всего появилось в немецком издании «Санктпетербургских ведомостей».⁴⁴ В 1778 г. работа вышла в свет отдельной брошюрой под заглавием «Письмо о некоторых предметах электричества, адресованное императорской Академии наук в Санктпетербурге».⁴⁵ В 1780 г. «Письмо» было опубликовано в академическом журнале,⁴⁶ и в том же году появилось в немецком переводе.⁴⁷ Можно только пожалеть, что мемуар не издали на русском языке. Однако факт выхода в свет брошюры в Петербурге получил огласку и в русских газетах. Так, в рубрике «Разные известия» столичной газеты можно

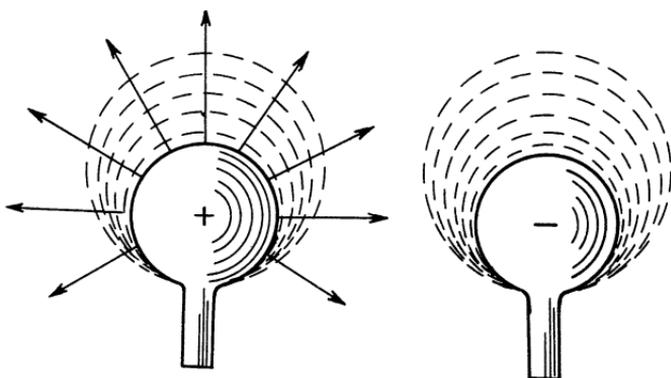
прочитать: «В книжной лавке Санкт-Петербургской имп. Академии наук вступили в продажу следующие вышедшие из печати книги: ...2. Lettre sur quelques objets d'électricité, ..., т. е. письмо о некоторых предметах электризации, писанные (на французском языке) к имп. Санкт-Петербургской Академии наук от его сиятельства князя Дмитрия Александровича (Алексеевича, — Г. Ц.) Голицына. . . Любопытные испытатели естества, находя в представленных в сем письме новых электрических опытах, произведенных толь знаменитым любителем наук, новые, весьма любопытные откровения, желают, чтобы всегда науки обогащаемы были подобными исследованиями разных в естестве сокровенностей».⁴⁸

13 октября 1778 г. «любопытные испытатели естества», т. е. академики, на публичной ассамблее утвердили избранного Д. А. Голицына почетным академиком.⁴⁹ Отныне и до конца жизни он чувствовал себя кровно связанным с высшим научным учреждением своей страны и по мере своих сил и возможностей старался быть полезным Академии наук. Находясь в творческом общении с европейскими учеными, будучи лично знаком со многими из них, Голицын, выполняя свой патриотический долг, постоянно извещал своих коллег с берегов Невы о важнейших событиях в научной жизни — от астрономии до медицины, посылал им новинки научной литературы, в том числе и свои труды. Его письма в Академию наук, их сохранилось не более дюжины (1783—1801 гг.), пересылаемые обычно через знакомых дипломатов — русских и иностранных, имели тем большую значимость, что на рубеже XVIII—XIX вв. по обычным каналам в Россию не поступала литература извне.⁵⁰ За границей Голицын, конечно же, пропагандировал достижения русских ученых, о которых он узнавал из поступающих к нему из Петербурга журналов и книг. В этом плане характерно его высказывание в письме к Свиндену от 6 апреля 1780 г. Препровождая ему в Фрэнкер полученные из России «Заметки» и «Письма» о полярных сияниях, Голицын писал: «Больше всего меня радует видеть наших петербургских академиков всегда готовыми поставлять зависящие от них сведения для прогресса науки и трудов самих ученых, стараясь отвечать на все запросы последних».⁵¹ Поступившую от Голицына информацию Свинден использовал в «Диссертации о беспорядочных движениях магнитной стрелки».⁵²

Д. А. Голицын близко к сердцу принимал события,

происходившие в Петербургской Академии наук. Узнав из письма конференц-секретаря И. А. Эйлера о серьезных неурядицах в Академии, вызванных неумелым и грубым правлением директора С. Г. Домашнева, ученый горько сетовал в ответном письме от 20 января 1783 г.: «Я получил письмо от 18 декабря (н. ст.) прошлого года, которое Вы сооблаговостили мне написать. То, что Вы говорите о распрах в нашей Академии, причиняет мне тем большее огорчение, что бесконечно усугубляет злополучные обстоятельства (его отставку, — Г. Ц.), в которых я теперь нахожусь. Я всегда питал отвращение к ссорам, беспорядку, в особенности, когда они проникают в корпорацию, призванную просвещать людей. Мне казалось, что если бы согласие и доброе единомыслие были бы изгнаны с земли, то именно в лоне какой-то академии они обрели бы себе убежище. Получается, однако, иначе, и я сожалею об этом от всего сердца. Будьте добры выслать мне последние выпуски мемуаров нашей Академии с первыми же судами, идущими в Амстердам, или в адрес агента нашего двора г. Ольдекопа, если только не представится okazji сделать это поскорее через посредство курьера или путешественника. Как бы мало я ни был занят в настоящее время науками, ученые люди, с которыми я некогда установил сношения, все еще время от времени сообщают мне о некоторых прекрасных опытах. Прилагаемые копии трех „Писем“, которые превзошли мои ожидания, дадут Вам представление о трех авторах».⁵³ То были письма на медицинские темы, которых мы не будем касаться.

Вернемся, однако, к «Письму о некоторых предметах электричества». Эта первая печатная работа Голицына в развернутом виде излагает его мысли в письме Франклина. Статья начинается с уведомления, что она является плодом многолетних занятий в области электричества, которым автор «предавался с рвением, не избегая ни трудностей, ни хлопот». «Я не претендую, впрочем, — пишет Голицын петербургским академикам, — создать какую-то систему (теорию, — Г. Ц.); моя единственная цель — сообщить несколько новых идей, степень достоверности которых может быть установлена только такими выдающимися физиками, как вы, милостивые государи». И далее: «Г-н Франклин первым нашел, что имеется два рода электричества: положительное и отрицательное. Физики, которые опровергают его систему, фактически спорят о словах, так как их смоляное и стеклянное электричество

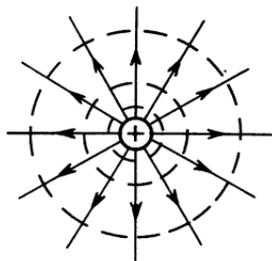
«Электрические атмосферы» вокруг положительно и отрицательно заряженного тела.

По рисунку Д. А. Голицына.

и т. п. отличаются лишь названиями. На этой именно основе, милостивые государи, я бы хотел рассуждать с вами.⁵⁴ Такая довольно релятивистская интерпретация теории могла бы покоробить как Франклина, так и его противников, и она согласуется с приведенным выше более поздним скептическим мнением Лихтенберга.

Считая более приемлемым однофлюидный подход к электрическим явлениям и придерживаясь «атмосферных» представлений Франклина, Д. А. Голицын в «Письме» дополняет их идеей о лучах, исходящих от положительно заряженного тела. Здесь можно усмотреть зачатки воображаемой картины электростатического поля. Характерен рисунок Голицына в сопоставлении с современной стандартной моделью, изображающей силовые линии поля точечного электрического заряда. На этой модели прерывистыми линиями показаны эквипотенциальные поверхности, которые как бы соответствуют волнистым окружностям, или, по выражению Голицына, «завихрениям», а радиальные лучи не что иное как силовые линии в теперешнем толковании электростатических явлений. За истекшие двести лет «иконография» явления осталась практически та же, изменились лишь наши взгляды на природу электричества и соответственно терминология. Правда, у Голицына не хватило последовательности распространить свою лучевую концепцию на отрицательно заряженное тело, которое, хотя и обладает атмосферой, однако не имеет лучей, пока не «получит приращения электрического флюида».

Современное изображение электрического поля точечного заряда.

В обоснование своих умозаключений автор статьи вкратце описал свои опыты с лейденской банкой. Резюмируя теоретический раздел статьи, Голицын еще раз констатировал: «... не имеется двух родов электричества, существенно отличающихся друг от друга, а есть лишь две электрические модификации», и «электрические явления обязаны электрическим атмосферам».⁵⁵ А вот почему возникают эти «атмосферы» — ответа у него нет. И не могло быть ни у него, ни у его современников. Оценивая ретроспективно феноменологическую теорию электричества, предложенную Д. А. Голицыным, можно отвести ей место в ряду, по крайней мере, десятка концепций, варьирующих флюидную теорию.

Во второй части «Письма о некоторых предметах электричества» Голицын касается свойств высоко поднятого острия как грозозащитного приспособления и вновь ссылается при этом на горный ландшафт вокруг Спа. Представляет интерес его сообщение об опытах с воздушным змеем, который ему удавалось поднимать на 100, 300, 400 туазов (200, 600, 800 м). За 20 лет до того француз Жак де Рома поднял змей на высоту 165 м. Касаясь природы атмосферного электричества, Голицын отметил: «Я рассматриваю облака как накопители или скорее как лейденскую банку, которая собирает электричество, распространенное в нашей атмосфере... Солнце сушит верхний слой воздуха над облаками и делает его непроводящим. Эйлер, которого я очень уважаю и ценю, в „Письмах к одной немецкой принцессе“ писал, что электричество облаков всегда положительно, другие же полагают, что оно отрицательно, а я думаю, что оно попеременно может быть и тем и другим».⁵⁶

Последние абзацы своей работы Голицын отвел опытам, показавшим, что подвергшиеся электризации куриные

яйца на сутки быстрее высиживаются насадкой, чем контрольные. Как указывал он в другом месте, подобные опыты были начаты Ашаром в Берлине. Это была дань зародившимся в 40-х годах попыткам связать электрические явления с биологическими процессами, будь то эксперименты Дивиша по ускорению всхожести растений в электростатическом поле или же зачаточные приемы электротерапии, введенные молодым ученым из Галле Христианом Краценштейном, впоследствии членом Петербургской Академии наук и профессором Копенгагенского университета.

В 1781 г. в Петербурге была напечатана работа Д. А. Голицына «Наблюдения за естественным электричеством посредством воздушного змея», которая была представлена Л. Ю. Крафтом своим коллегам 16 ноября 1778 г.⁵⁷ Она помечена «Гаага, 25 сентября 1778 г.» и охватывает исследования, начатые 4 июня 1775 г. и оконченные в начале 1778 г. В работе преследовались две конкретные цели: по возможности всесторонне изучить феномен атмосферного электричества и использовать его в качестве даровой природной силы для зарядки лейденских банок. Опыты с запускаемым с помощью лебедки змеем щитовидной формы, контролируемые электрометром Тибериуса Кавалло, производились Голицыным и его помощником Дантаном на дюне высотой 25 м над уровнем моря; электрометр находился на террасе дома упоминавшегося Фагеля. Наблюдения велись «при любых ветрах, в любое время года и в различные часы суток; никогда мы не прекращали нашего опыта, не обнаружив очевидного признака электричества, то сильного, то слабого, но всегда ощутительного, как в сухую, так и в сырую погоду; и ночью и днем мы видели поблескивание электрических искр и заряжали банки». Голицын уточняет: при влажной погоде, когда атмосфера насыщена парами, змей следует поднимать гораздо выше, чем в сухую погоду, чтобы получить «электрические сигналы» и «редко мы добивались этого на высоте менее 45—60 м».⁵⁸

Экспериментаторы установили, что необязательно наличие грозových туч, чтобы в атмосфере возникло электрическое поле, что оно существует всегда. Вывод сам по себе не новый, об этом во всеуслышание было сказано еще в середине века М. В. Ломоносовым. Однако Голицыну делает честь другое его наблюдение, что в спокойную погоду атмосфера имеет положительный заряд,

который меняется при грозе на противоположный.⁵⁹ Оригинальной была и высказанная Голицыным в «Письме о некоторых предметах электричества» мысль об аналогии между наэлектризованным облаком и лейденской банкой. Мы, конечно, не можем требовать от естествоиспытателя XVIII в., чтобы эту гипотезу он развил до конца и уподобил бы систему Земля—атмосфера сферическому конденсатору, однако сама догадка говорит о прозорливости Голицына. О его проницательности говорят и соображения о полярных сияниях, сущность которых весьма занимала ученый мир. Д. А. Голицын писал: «Мы считаем, что аналогия, которую воображают между северными сияниями и электричеством, еще недостаточно подтверждена, чтобы в это поверить; наши опыты не дали ничего определенного в этом отношении. Мы знаем, что северные сияния возмущают магнитную стрелку, но мы не замечали, чтобы они воздействовали на электрические сигналы, получаемые от машины (воздушного змея, — Г. Ц.)».⁶⁰ Другими словами, наш ученый склонялся к магнитной первопричине полярных сияний. На такой вывод Голицына сослался Свинден в «Диссертации о беспорядочных движениях магнитной стрелки».⁶¹ Возвращаясь к проблеме полярных сияний, Голицын в письме к Свиндену от 9 декабря 1779 г. подчеркивал: «Я полагаю, что северные сияния образуются в очень высокой области, над самой атмосферой земного шара, там, где воздух чрезвычайно разрежен».⁶²

Что касается опытов по «добыванию» электричества с неба для практических целей, то Голицын признается, что попытки заряжать 34 лейденские банки ни в обычную, ни грозовую погоду не привели к устойчивому результату «по причине колебаний и изменчивости» атмосферного электричества. «В заключение, — пишет Голицын, — я должен обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что страна, в которой я делал эти наблюдения, низменна и всегда влажна; воздух в ней беспрестанно наполнен парами, при заходе солнца (время, в которое я производил некоторые из своих наблюдений) обыкновенно подымается густой туман. В странах более высоких, вероятно, следует ожидать гораздо более интересных явлений».⁶³

К идее извлечения электрической энергии из атмосферы для практических надобностей, в частности для получения селитры электрическими разрядами, много лет спустя обратился русский общественный деятель и изобретатель В. Н. Каразин. Мы не знаем, читал ли он напечатанную

в «Acta» работу Голицына, факт тот, однако, что 14 февраля 1818 г. Каразин подал находившемуся в Москве Александру I записку «О приложении электрической силы верхних слоев атмосферы к потребностям человека», в которой излагался проект «низведения» электричества с помощью двух воздушных шаров с поверхностью 90 и 180 м² с высоты 4 км. Записка была передана на рассмотрение в Петербургскую Академию наук и изучена непременно секретарем Н. И. Фуссом. Его письменное заключение было резко отрицательным и завершалось так: «Сверх того, опытами, деланными за 40 лет тому назад в Гааге покойным князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным с электрическим змием, доказано уже, что трудно удастся заряжать батарею электричеством из верхних слоев атмосферы по причине перемен электрических, беспрестанно существующих в верхних странах атмосферы».⁶⁴

Было бы странно, если бы в 70-х годах, когда Д. А. Голицын столь прилежно занимался электрическими исследованиями, он не обратился бы к волновавшему многих вопросу о сходстве электричества и магнетизма. Голицын и Свинден совместно разрабатывали программу и ставили опыты по обнаружению ожидаемого в ученом мире влияния электричества на магнетизм. Свинден отзывался о русском коллеге как об ученом, «обладающем большими познаниями в физике», который «благодаря своим способностям занимает одно из первых мест среди лучших физиков».⁶⁵ Опыты производились на аппаратуре, принадлежавшей Голицыну, ибо то, что имелось у Свиндена, не было эффективным. Аппаратура Голицына состояла из двухдисковой электростатической машины с диаметром дисков 450 мм, двух батарей, состоящих из 64 лейденских банок каждая, и малой батареи из 4 банок. Свинден отмечал, что с помощью этих приборов «легко плавилась латунная проволока». Но это был не предел. 28 февраля 1778 г. Голицын сообщил Свиндену, что «сконструировал электрическую машину с двумя дисками диаметром по 800 мм», и 19 апреля ему же: «Моя новая машина обладает поразительной силой: только одна ее искра убивает птицу».⁶⁶ Той же весной, 10 марта, Голицын писал директору Брюссельской Академии наук аббату Джону Нидхэму: «В настоящее время я имею очень сильную электрическую машину и думаю, что таковой больше нет в Европе; она с двойным диском диаметром 800 мм каждый. 14-го этого месяца я должен выполнить несколько эксперимен-

тов, из них некоторые впервые, в присутствии принца и принцессы Оранских». ⁶⁷ Из этого сообщения следует, что русский ученый имел дело с самой крупной по тем временам электростатической машиной, — факт, обойденный молчанием в историко-научной литературе. Более мощная машина Марума была построена на несколько лет позже.

Опыты по выявлению действия электричества на магниты не достигли цели, хотя Свинден и Голицын были более близки к ней, чем кто-либо до них. Принципиальная некорректность их опытов заключалась в том, что магнитная стрелка находилась в плоскости искрового разряда; ученые не сообразили осуществить разряд над или под магнитной стрелкой, тогда, надо думать, стрелка вздрогнула бы. . . Отрицательные результаты, к которым пришли экспериментаторы, и дали основание Свиндену столь категорично отказаться от идеи родства двух физических ипостасей электромагнитного поля. Научоведы справедливо утверждают, что «никакой уровень компетенции сам по себе еще не гарантирует правильности заключений». ⁶⁸ Придерживаясь современной нам шкалы оценок, «нобелевскому уровню» в данном контексте соответствовало бы лишь великое открытие Ханса Эрстеда, совершенное почти полвека спустя в столице другого небольшого государства Европы — Дании. Здесь уместно будет сказать, что Голицын не скрывал своего отрицательного отношения к фантастическим предположениям об электрическом происхождении землетрясений и тому подобным «озарениям».

Работы Голицына в области электричества привлекли внимание не одних только петербургских академиков, включивших его в свою корпорацию. Императорско-королевская Академия наук и изящной словесности в Брюсселе, как она называлась в XVIII в., сочла полезным для себя избрать русского естествоиспытателя в иностранные члены. Название этой академии говорит о ее принадлежности к монархии австрийских Габсбургов. Ведь Бельгия почти в нынешних ее границах со столицей Брюсселем, называвшаяся Брабантом, или Южными Нидерландами, в начале XVIII в. в результате войны за Испанское наследство перешла под господство австрийских Габсбургов. В 1772 г. императрица Мария Терезия основала в Брюсселе Академию наук, просуществовавшую до занятия города французами в 1794 г. и возобновленную в 1816 г. Академия имела свой печатный орган «*Mémoires. . .*».

Первые контакты Д. А. Голицына с Брюссельской Академией наук датируются декабрем 1777 г. В протоколе заседания брюссельских академиков, состоявшегося 13 января 1778 г., зафиксировано: «Князь Голицын только что увеличил число корреспондентов. Он взял на себя труд переправить в Петербургскую Академию наук «Мемуары» нашей Академии и просил директора сообщать ему об опытах и открытиях, которые могут быть сделаны по электричеству и связывающему воздуху, обещая со своей стороны присылать свои сообщения».⁶⁹ И уже 10 февраля брюссельским ученым была представлена переписанная копиистом работа Голицына по электричеству.⁷⁰ Ровно через месяц они узнали, что Голицыну будет «чрезвычайно приятно место иностранного члена», — так он ответил на предложение об избрании его в Брюссельскую Академию. Академическое собрание решило, что Голицын как своими трудами, в частности по электричеству, так и работами других авторов, которые он посылает в Академию, достоин чрезвычайного избрания, т. е. досрочного его избрания, до наступления уставного месяца — октября. В протоколе от 3 апреля 1778 г. есть запись, что австрийский полномочный министр (наместник) Штаремберг письмом от 17 марта дал согласие на чрезвычайную процедуру избрания Голицына иностранным членом; было проведено тайное голосование, и все голоса были «за».⁷¹

Голицын добросовестно выполнял обязанности иностранного члена Брюссельской Академии наук. Снабжал ее русской научной литературой, извещал петербургских коллег о работах бельгийских естествоиспытателей. Так, 15 мая 1778 г. он пишет в Брюссель, что петербургские академики благодарят члена (впоследствии неперменного секретаря) Брюссельской Академии наук Теодора Манна за его статью, посланную в Россию, о способе предохранения деревянных жилищ от огня.⁷² 20 августа 1792 г. на академической конференции был оглашен полученный от Голицына мемуар того же Манна о сильных морозах и попытках определения их периодичности.⁷³ Любопытно письмо Голицына в Брюссель от 5 мая 1779 г., из которого бельгийские ученые узнали, что «в Петербурге придумали вогнутое зеркало, которое с помощью лишь одной плоски светит на расстояние несколько верст; вогнутость диаметром в один аршин (пять аршин равны трем французским локтям) светит до четырех верст, что равно одному французскому лье».⁷⁴ Похоже, что это первое сообщение, про-

Непременный секретарь Брюссельской Академии наук Теодор Манн.

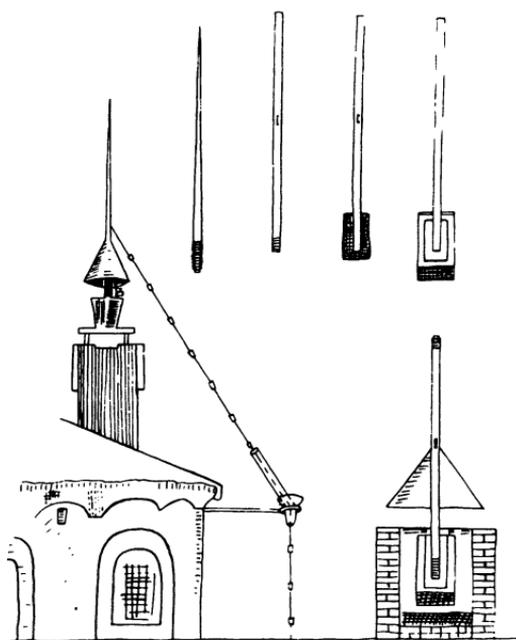
Гравюра П. Роджерса по рисунку Л. Джонса.
Королевская библиотека им. Альберта I, Брюссель.

никшее за рубеж, об изобретении И. П. Кулибиным фонаря с зеркальным отражателем.⁷⁵ Голицын считал также своим долгом рекомендовать иностранных ученых в члены брюссельской научной корпорации. В октябре 1779 г. по его представлению в ее члены был принят Свинден, с чем Голицын поздравил голландского коллегу письмом от 13 ноября.⁷⁶

Мы уже видели, что в распоряжении Голицына была мощная электростатическая машина и батарея из 128 лейденских банок, которую он мог заряжать до 35 делений по электрометру Хенли.⁷⁷ Пользуясь этой аппаратурой, Голицын серией опытов подтвердил, что наиболее быстро и эффективно батарея разряжается при приближении к ней остря, а не разрядника закругленной или плоской формы. Следовательно, как считали многие физики, в их

числе и сам Голицын, надежная и действенная защита зданий от грозового электричества может быть обеспечена только остроконечными заземленными молниеотводами. Не ломился ли русский ученый в открытую дверь? Отнюдь нет! В те годы английский физик член Королевского общества Бенджамин Вильсон, поддержанный группой единомышленников, выступил против уже общепринятых заостренных молниеприемников, предложив конструкцию с тупым круглым наконечником. В 1777 г. такой громоотвод был установлен на одном из общественных зданий Лондона. Более того, в Берлине по идее Ашара начали ставить стержни, оканчивавшиеся «металлической тарелкой». Поэтому доскональные опыты Голицына в защиту остроконечных молниеотводов были как нельзя кстати. Их результаты и состояние вопроса он осветил в статье, подписанной 6 июля 1778 г. «Письмо о форме молниеотводов». 9 ноября она была оглашена на заседании брюссельских академиков и опубликована через два года.⁷⁸

Не довольствуясь экспериментированием и теоретическими рассуждениями, Голицын по своему проекту построил грозозащитное устройство, которое тоже оказалось незамеченным в трудах историков науки. В архиве Брюссельской Академии наук⁷⁹ хранится рукопись Голицына, озаглавленная «Описание молниеотвода на замке Росендал в Гелдерне».⁸⁰ Она была представлена Академии 9 ноября 1778 г. и напечатана только в переводе на немецкий.⁸¹ Установка Голицына являлась разновидностью одностержневого с заостренным концом молниеотвода. Принцип, которого придерживался ученый при возведении устройства, заключался в изоляции его металлических частей от кровли и стен защищаемого сооружения. Этим предотвращалась возможность повреждения здания при нагревании токоотвода до температуры плавления или каления от удара молнии. Поэтому-то основание молниеприемника было утоплено в заполненном смолой сосуде, который в свою очередь был погружен в деревянный ящик, устланный толченым стеклом (старинная модель опорного изолятора наружной установки). Что касается токоотвода, то, пропущенный через стеклянную воронку (прообраз проходного изолятора), он отделялся от стены при помощи штанги и был опущен в ров с водой, окружавший замок. Такая предосторожность (изоляция молниеотвода в целом) была, конечно, излишней для данного конкретного случая, однако следует заметить, что, по современным

Милниеотвод конструкции Д. А. Голицына на замке
Росендал в Голландии.

С рисунка Д. А. Голицына.

техническим нормам, грозозащита взрывоопасных и пожароопасных помещений должна выполняться именно с разобренным от объекта устройством-дивертором или же должна быть предусмотрена изоляция.

Некоторые ученые обратили внимание на сообщения об установке Голицына. 2 января 1782 г. Свинден писал ему в Гаагу: «Во время моей болезни я получил письмо от г. Кастильона из Берлина.⁸² Это известный ученый, который усердно занимался громоотводами, и по его способу были поставлены несколько стержней. Он меня убедительно просил доставить ему краткое описание и рисунок громоотвода, который Вы, Ваше сиятельство, установили в Росендале. Но так как я не имею ни того, ни другого, вынужден покорнейше просить Вас, Ваше сиятельство, сделать одолжение сообщить мне об этом, чтобы я смог выполнить просьбу этого уважаемого человека. Я надеюсь, что важнейшие и полезнейшие, несомненно, прежде всего для нашей республики дела, которыми Вы, Ваше сиятель-

ство, так обременены нынче, все же позволят Вам найти минуту времени, чтобы вспомнить об электрических стержнях». ⁸³ Несмотря на перегруженность Дмитрия Алексеевича посольской работой, он все-таки улучшил «минуту времени», чтобы ответить Свиндену и отправить ему материалы по грозозащите для переотправки в Берлин Кастильону. ⁸⁴ Они были использованы и Свинденом в его «Сборнике мемуаров». Очевидно, что в январе 1782 г. ни берлинский физик, ни Свинден не читали немецкого перевода «Описания молниеотвода. . .».

Сказанным не ограничивалось участие русского естествоиспытателя в делах Брюссельской Академии наук. Когда в 1789—1790 гг. во время Брабантской революции против австрийского господства наступили тяжелые для Академии дни, он, будучи уже частным лицом, принимал все зависящие от него меры, чтобы спасти это учреждение от развала. После того как Австрия вновь подчинила себе Брабант и наместником этой «австрийской колонии в Европе» в декабре 1790 г. был назначен граф Франсуа Мерси Аржанто, бывший до того австрийским посланником в Париже, Голицын, знавший его лично, 18 января 1791 г. писал секретарю Академии Манну: «Нет большой заслуги склонить к покровительству наукам такого рассудительного и такого просвещенного министра, как граф де Мерси. И Академия в моих хлопотах в ее пользу не должна видеть ничего другого, кроме истинного и искреннего уважения, которыми я проникнут к многим ее членам и в частности к Вам, милостивый государь. Я уверен, что г. де Мерси не оставит Брабант, не укрепив это учреждение. . .». ⁸⁵ Из письма от 16 сентября Манну мы узнаем, что Голицын принял меры, чтобы Типографское общество в Брюсселе не чинило препятствий к своевременному выходу в свет академических трудов. ⁸⁶ Далее мы читаем: «Я умираю от желания проехать через Брюссель при моем возвращении отсюда (из Ахена, — Г. Ц.) в Голландию. Я смогу остановиться там только на несколько часов и сделаю это исключительно для того, чтобы иметь удовольствие и честь повидать Вас . . . и нескольких членов Академии. Я буду сохранять строжайшее инкогнито, чтобы не быть обязанным появиться при дворе (наместника, — Г. Ц.)». ⁸⁷ Под именем русского офицера Ерапова Д. А. Голицын 16 октября 1791 г. проезжал через Брюссель и встречался с тамошними учеными. Кто знает, может быть, вследствие его стараний Академия наук в Брюсселе просуществовала

еще три года. Французские оккупационные власти закрыли ее в 1794 г. Неспроста, видимо, на юбилейной выставке Академии, открывшейся в Брюсселе в 1973 г., нашлось место и для рукописей Д. А. Голицына.

Занимаясь электрическими исследованиями, Голицын не мог не слышать о проводившихся в Харлеме работах Марума. Он даже обязан был знать о них, потому что в 1777 г. его избрали членом-директором Голландского общества наук — самый ранний знак признания заслуг Голицына ученой корпорацией.⁸⁸ Судя по переписке, ставшей более частой после открытия Музея Тейлера, о чем говорилось в начале главы, отношения между обоими учеными были уважительными, основанными на общности научных интересов и взглядов. Д. А. Голицын не раз обращался с рекомендательными письмами, податели которых, иностранные ученые, стремились через Дмитрия Алексеевича быть принятыми Марумом для ознакомления с его Физическим кабинетом или получения от него научной информации. В этом отношении типично письмо видного парижского геолога Никола Демаре к французскому поверенному в делах в Гааге, впоследствии посланнику в Берлине, Кайяру. Демаре просил содействия в получении от Голландского общества наук сведений по географии Нидерландов и Голландской Индии, а также экземпляра книги по землеведению Люлофса. Французский дипломат счел за лучшее в свою очередь обратиться за содействием к русскому коллеге, хотя уже бывшему. 31 мая 1790 г. Голицын переслал Маруму запрос Демаре, присовокупив свое ходатайство, а из письма Голицына от 24 июля следует, что харлемский физик ответил на все вопросы французского ученого.⁸⁹ Но не это и подобного рода посредничество для нас главное во взаимоотношениях Голицына и Марума. Мы рассмотрим лишь то, что имеет прямое касательство к научным устремлениям русского естествоиспытателя, и вернемся к электрической проблематике.

В самом раннем письме, датированном 30 ноября 1777 г., Д. А. Голицын извещал Марума, что согласен с его мнением, высказанным в письме от 24 ноября, о влиянии температуры помещения на результаты опытов по электризации куриных яиц, о чем уже говорилось выше. В том же письме Голицын приглашал Марума приехать к нему в Гаагу, пожить в его доме и поэкспериментировать в домашней лаборатории.⁹⁰ В то время у Марума еще не

было таких условий. 23 мая 1791 г. Голицын пишет из Гааги Маруму: «Я получил, милостивый государь, письмо от 15-го текущего месяца, которое Вы соблаговолили мне написать, с описанием электрической машины Вашего изобретения, чем я бесконечно Вам обязан. Я прочитал его с величайшим вниманием, и машина показалась мне весьма разумно продуманной и очень искусно и рассудительно построенной. . . Я бы очень хотел ее увидеть и особенно принять участие в исследованиях, которые Вы намечаете выполнить в будущем месяце с большой электрической машиной, но я уезжаю отсюда самое позднее 2 июня в Германию, и мне не остается другого, как просить Вас не забыть сообщить мне о результатах».⁹¹

Печатную листовку с описанием этой, построенной в 1791 г. электростатической машины Голицын не преминул послать в Россию в письме от 9 февраля 1792 г. на имя директора Петербургской Академии наук Е. Р. Дашковой.⁹² Листовка на французском языке с тремя рисунками озаглавлена: «Письмо г. ван Марума г. Жану Ингенхоузу. . . , содержащее описание электрической машины, построенной по новому и простому способу и совмещающей в себе многие преимущества обычной конструкции».⁹³ В 1792 г. Голицын побывал в Харлеме и ознакомился с новейшими химическими опытами Марума и наблюдал за работой новой электростатической машины. Вернувшись в Гаагу под свежим впечатлением увиденного, Голицын 27 мая написал подробный отчет конференц-секретарю И. А. Эйлеру. Касаясь электрической установки, Голицын подчеркивал, что машина «самая сильная и наиболее удобная . . . для получения электричества каждого рода».⁹⁴ Письмо это было получено в Петербурге с большим опозданием — 12 августа. Усовершенствованная машина Марума не произвела особого впечатления на русских ученых — машины трения уже изживали себя. Внимание физиков в конце столетия было приковано к опытам Луиджи Гальвани, опубликовавшего в 1791 г. «Трактат о силах электричества при мышечном движении». В научный обиход вошел термин «гальванисты».

Электрофизиологические опыты Гальвани и его последователей не могли не привлечь внимания и Голицына, которое проявилось, в частности, в письме к Маруму от 9 декабря 1793 г. К письму была приложена рукопись лувенского врача Иберти с описанием опытов, выполненных одним из гальванистов Эудженио Валли. Он экспери-

ментировал с препарированными конечностями голубя, кошки, лягушки и других животных, чтобы подтвердить правоту взглядов Гальвани. Иберти писал: «Эти и многие другие эксперименты, которые производились без электрической машины, свидетельствуют о том, что флюид (электрический, — Г. Ц.) играет весьма большую роль в телах животных».⁹⁵ А роль эта, согласно Гальвани, сводилась к следующему: «. . . животное электричество накапливается в неравновесном состоянии в мышечных тканях; через нерв, соприкасающийся с мышцей, оно переходит в металлическую дугу (экспериментатора, — Г. Ц.), а через нее вновь возвращается в мышцу. Иными словами, мышцы и нервы . . . образуют как бы две обкладки лейденской банки».⁹⁶ Препровождая рукопись Иберти на обсуждение Маруму, Голицын, не будучи гальванистом, в упомянутом письме от 9 декабря задавался вековечным вопросом — что же такое электричество? Полагая, что оно является элементарной субстанцией, Голицын сомневался, первично ли оно, подобно свету, или представляет собой частный случай света.⁹⁷ Сомнения, которые делают честь вопрошавшему!

Между тем 90-е годы XVIII в. оставили след в обуржуазившейся Голландии и в политическом отношении. Вдумчивый наблюдатель Георг Форстер, о нем мы ещё скажем ниже, в 1790 г., путешествуя по Голландии, вторично побывал в ее столице, которая в этот раз выглядела так: «Население Гааги смешано настолько, что, судя по его образу жизни, нравам и обычаям, едва ли можно прийти к заключению, что его можно считать голландским народом. К моему большому удовольствию, я теперь почти не замечал на улицах нищих, которых двенадцать лет тому назад было так много, что прохожий едва мог защититься от их назойливости. Зато ныне бросаются в глаза многочисленные военные; все утро различные полки маршируют под нашими окнами; весь день они постоянно на виду; в любом обществе вы встретите офицеров».⁹⁸ По меткому выражению историка А. Сореля «наступил момент, когда поток французской революции вырвался с французских берегов и готов был затопить всю феодально-монархическую Европу».⁹⁹ Все это ясно видел и чувствовал Голицын. 29 апреля 1792 г. он пишет Маруму из Гааги об «удивительном кризисе, охватившем Европу», который может отсрочить намеченное им на май посещение Харлема. Находясь в Мюнстере у жены, он 22 июня извещает того же

адресата, что не уверен, что «в этом году поедет в Ашаффенбург; ¹⁰⁰ на Нижнем Рейне и в Нидерландах назревают важные события, которые могут задержать меня вблизи театра военных действий». ¹⁰¹

С весны 1793 г. революционная Франция, вдохновляемая лозунгом: «Мир хижинам, война дворцам!», находилась в состоянии войны чуть ли не со всеми государствами Европы, включая Голландию, объединившимися в 1-ю коалицию. После победы, одержанной 26 июня 1794 г. под Флерюсом, Брабант со столицей Брюсселем отошел к Франции. Война придвинулась к границам Голландии. Газета «Московские ведомости» 24 сентября писала: «Положение в Нидерландах является крайне печальным. У духовенства и дворянства не оставалось ничего более, кроме глаз, для оплакивания своего несчастья. Народ, доведенный до отчаяния, находится повсюду в смятении». ¹⁰² В мае 1795 г., когда уже виден был бесславный конец коалиции, в Голландии свергли штатгальтера, и она под названием Батавской республики стала союзницей Франции.

Россия, формально не входившая в коалицию и не выставившая при Екатерине ни одного солдата против Франции, с июня 1792 г., а юридически с февраля 1793 г. разорвала дипломатические, торговые, культурные и всякие иные отношения с Францией. Всем французам, кроме сторонников Бурбонов, было предписано покинуть пределы России, а российским подданным — выехать из Франции и зависимых от нее стран. Все, что исходило из Франции, считалось крамольным, подрывающим устои крепостнической России. На все французское было наложено табу, в некоторых учебных заведениях даже запретили преподавать французский язык. Из дворцов и особняков выбрасывали бюсты недавних кумиров Вольтера и Дидро. ¹⁰³

В таких обстоятельствах Д. А. Голицын вынужден был перед самым приходом французов в Голландию покинуть страну. Он переселился в немецкий город Брауншвейг (Брунсвик), находящийся на полпути между Мюнстером и Берлином. Он успел перевезти на новое местожительство свою библиотеку, о пополнении которой постоянно заботился. Перевез он и не менее дорогую для его сердца минералогическую коллекцию. Встает вопрос, почему Голицын не вернулся на родину? Тут несколько причин, и дать однозначный ответ — невозможно. С воцарением Павла I Д. А. Голицын надеялся, что о нем вспомнят и призовут ко двору, но этого не случилось.

Опальному вельможе не оставалось ничего другого, как жить за границей. Серьезной препоной к возвращению в Россию была и обоснованная боязнь, что его, как испытанного друга французских просветителей и автора проектов об освобождении крестьян, вполне могли бы объявить неугодным двору со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, он был очень привязан к своей жене и особенно дочери, от которых не хотел уезжать.

Вернемся, однако, к научным занятиям нашего героя. Выше вскользь говорилось о химических опытах, которые показывали ему в Харлеме. Химия привлекла Д. А. Голицына как наука, без которой, и он прекрасно это понимал, нельзя было бы всерьез посвятить себя минералогии — зарождавшейся на его глазах научной дисциплине, всецело поглотившей его и принесшей ему к концу жизни широкое и заслуженное признание. Характерно, что эпиграфом к последнему изданию своего капитального труда по минералогии он изберет высказывание французского геолога Деодата Доломье: «Именно под началом химии минералогия смогла проникнуть во все внутренние тайны ископаемых и добиться важнейших знаний об их составе».¹⁰⁴

Приобщение Голицына к химическим наукам началось с пневматической химии, об успехах которой, в частности об открытии в 1774 г. Джозефом Пристли кислорода («дефлогистированного воздуха»), он узнал непосредственно из Лондона. Описывая свое пребывание в Гааге, Магеллан в упоминавшемся уже письме от 31 октября 1776 г. осведомил Санчеса, что 29 октября он и Гаубиус обедали у Голицына, в домашней лаборатории которого он, Магеллан, намеревается произвести «некоторые опыты с различными родами воздуха, пользуясь наиболее простым и совершенным способом доктора Пристли».¹⁰⁵ А 20 ноября в письме Свиндену Голицын выразил сожаление, что тот не смог приехать в Гаагу и посмотреть на «прекрасные опыты г. Пристли», выполненные с помощью приборов, приобретенных Голицыным, и что для их демонстрации «г. Магеллан (из Королевского общества) нарочно приехал сюда из Лондона. Опыты проводились в течение трех дней в присутствии гг. Гаубиуса, Хемстерхейса и Алламана».¹⁰⁶ Далее Голицын со знанием дела описал опыты с углекислым газом, окисью азота, кислородом.¹⁰⁷ В последующие годы он экспериментировал сам и выполнил большой цикл работ в области пневматологии.

Магеллан был весьма расположен к Голицыну и по мере возможности информировал его о научных новостях. Например, из письма князя Свиндену от 28 февраля 1778 г. выясняется: «... он (Магеллан, — Г. Ц.) ... написал мне, что аббат Фонтана случайно открыл вещество, которое помещенное под колокол поглощает весь воздух. Это секрет, но он мне обещает его раскрыть».¹⁰⁸ Речь шла об опытах с активным углем (адсорбентом).

Живя еще в Париже, Д. А. Голицын несомненно слышал о первых шагах на поприще науки молодого Лавуазье. Будучи уже в Голландии, т. е. территориально ближе к Франции, чем кто-либо в те годы из русских ученых, Голицын, чутко отзываясь на передовые воззрения в науке, ранее своих соотечественников знакомился с издававшимися в революционные годы трудами Лавуазье и его единомышленников.¹⁰⁹ Ему не терпелось воочию убедиться в истинности кислородной теории, поэтому он стремился в Харлеме ассистировать Маруму при дублировании им основополагающих опытов великого французского ученого.

В письме Маруму из Гааги от 22 декабря 1791 г. Голицын сетовал, что не смог «быть свидетелем прекрасного опыта по соединению двух воздушных (кислорода и водорода, — Г. Ц.)» и просил сообщить о результатах. Голицын приехал в Харлем лишь через полгода, а покамест довольствовался присылаемыми ему Марумом печатными материалами с описанием усовершенствованного им аппарата, предложенного Лавуазье в конце 80-х годов, и названного газометром. Он представлял собой установку, состоящую из специально сконструированных точных весов с емкостями для газов, системой трубок, кранов и насадок, и предназначенная для непрерывного поддержания постоянного давления газов. По словам Лавуазье, изобретенный им и улучшенный инженером Жаном Мёнье «аппарат для маневрирования различными видами воздушных» стал «необходимым предметом оборудования лаборатории и физического кабинета, где хотят вести точные опыты».¹¹⁰ С помощью газометра и вспомогательной аппаратуры Лавуазье выполнил ряд важнейших исследований, в частности заложил основы техники кислородного дутья, впервые в 1782 г. применив паяльную лампу с таким дутьем, совместно с Мёнье производил опыты по синтезу и разложению воды и получению водорода.¹¹¹

Устройство и действие этой аппаратуры были известны Голицыну по первоисточникам, поэтому, имея марумовские печатные материалы, он мог вынести суждение о газометре Марума. 28 января 1792 г. Голицын пишет голландскому ученому: «Глубоко признателен Вам, милостивый государь, за присланные мне печатные экземпляры „Описания“ Вашего газометра . . . и Вашу готовность изготовить для меня подобный прибор под Вашим наблюдением. Я перешлю их всем научным обществам, с которыми я поддерживаю некоторые отношения, и сочту своим прямым долгом рекомендовать ассоциировать Вас в Петербургскую Академию, равно как и в другие академии, членом которых я состою. Ходатайствовать о человеке, обладающем такими достоинствами и талантами, какими обладаете Вы, милостивый государь, делает честь предлагающему».¹¹² Далее, Голицын, который уже обзавелся химической лабораторией, вновь просит заказать для него газометр, при этом дает указания по качеству исполнения.

Уверовав в добротность газометра Марума, Голицын еще до поездки в Харлем спешит уведомить русских ученых о новинке. Сохранилась копия его письма от 9 февраля 1792 г. Е. Р. Дашковой, которое было прочитано в академическом собрании 12 апреля (ст. ст.). Он извещал: «Вам известен, милостивая государыня, опыт г. г. Лавуазье, Фуркруа и других о горении дефлогистированного воздуха и горючего воздуха. Он только что был повторен в Харлеме г. ван Марумом. Я счел своим долгом сообщить об этом, посылая Вам недавно опубликованный им печатный материал по этому вопросу. Из описания Вы узнаете среди прочего, каким образом посредством изобретенного им газометра он облегчил выполнение этого опыта. Если бы Вы пожелали получить один из этих приборов (либо для себя лично, либо для Академии), цена которых весьма умеренная, то я поручу г. ван Маруму изготовить таковой под своим наблюдением. Я бы взял на себя смелость здесь рекомендовать Вам того же г. ван Марума в случае, если Вы пожелали бы обеспечить добросовестным и одаренным корреспондентом нашу Академию наук: это ученый, который может оказать ей честь и быть очень полезным».¹¹³ Оставаясь верным своему интересу ко всему, что происходит в научной жизни России, Голицын добавляет: «Я узнал, милостивая государыня, что Вы работаете над Российским словарем, и что уже вышло несколько томов. Умоляю Вас выделить мне один экземпляр, послав его моему брату

обер-егермейстеру с распоряжением переслать мне. Он будет иметь честь возместить Вам стоимость».¹¹⁴ Действительно, к началу 1792 г. вышло уже три тома «Словаря Академии Российской, производным порядком расположенного», начатого в 1789 г. под эгидой Российской Академии. Мы не знаем, получил ли Дмитрий Алексеевич в далекой Гааге просимый словарь.

Письмо Голицына и приложенное описание газометра произвели впечатление на руководство Академии наук, и, согласно указанию Дашковой, все академики были обязаны расписаться в специальной ведомости в том, что они прочитали изложение опытов Марума. В этом документе есть росписи 15 академиков и адъюнктов, в том числе И. А. Эйлера, Л. Ю. Крафта, И. И. Лепехина, Я. Д. Захарова, Т. Е. Ловица, В. М. Севергина.¹¹⁵

Весной 1792 г., несмотря на «удивительный кризис, охвативший Европу», поездка Голицына в Харлем все же состоялась. 11 мая он писал Маруму: «Мы с удовольствием и благодарностью, милостивый государь, приняли выбранный Вами день — будущую среду, чтобы приехать к Вам в Харлем и иметь честь отобедать у Вас. Так как мы двинемся в путь в почтовом возке, который мы найдем только для себя, то прибудем в Харлем самое позднее к полудню».¹¹⁶ Как видим, у обедневшего князя не было даже собственного выезда. Что касается его спутников, то речь шла о неких «господах Аранжо и Камара». Голицын горел желанием увидеть подтверждавшие теорию Лавуазье «прекрасные опыты» Марума. По возвращении в Гаагу 27 мая Голицын напишет ему, что вполне убедился в преимуществах его аппаратуры (химической и электрической) и благодарит за оказанный ему и его спутникам прием. В тот же день Голицын делится свежими впечатлениями от пребывания в Музее Тейлера с конференц-секретарем И. А. Эйлером: «Имею честь послать Вам при сем, милостивый государь . . . два экземпляра второго письма ван Марума о газометре,¹¹⁷ из коих один . . . для Академии. Я надеюсь, что „Первое письмо“ того же ученого о газометре, которое я послал княгине Дашковой¹¹⁸ через посредство нашего здешнего посланника (С. А. Колычева, — Г. Ц.), доставлено ей. На днях я присутствовал при опытах г. ван Марума в Харлеме, где дело шло о том, чтобы установить: 1) действительно ли сжигание двух воздухов дает воду и 2) удобнее ли в обращении его газометр, чем таковой г. Лавуазье. Я могу Вас

заверить, что это сжигание дало нам чистую воду, содержащую лишь бесконечно малую дозу кислоты — эффект, зависящий, по-моему, от нечистоты жизненного воздуха (дефлогистированного воздуха). Вы знаете, как трудно его добыть совершенно чистым, несмотря на все предосторожности. Что касается самого прибора, то мне он показался гораздо более простым в обращении, чем прибор г. Лавуазье, но мне кажется, что он не столь точен, как этот последний, где количество воздуха определяется на весах, в то время как в газометре г. ван Марума сжигание производится в приемнике и определяется лишь по объему, который, как Вы знаете, постоянно изменяется по причине сгущения и разрежения воздуха». ¹¹⁹ Заканчивая письмо, Голицын как обычно напомнил о высылке ему очередного тома «Мемуаров нашей Академии».

По приведенному выше отзыву о газометрах видно, что Д. А. Голицын хорошо разбирался в тонкостях химической аппаратуры. Об этом свидетельствует и его письмо в Академию от 4 января 1780 г.: «Г. Ашар предложил термометр для измерения высоких температур. Он состоит из двух частей висмута, одной части олова и одной части свинца. Если бы было возможно сделать фарфоровую трубку достаточно прозрачную, чтобы через нее можно было видеть, на какой точке такой сплав остановится, прибор был бы лучше». ¹²⁰ Ранее Ашар писал Голицыну о своих исследованиях в области экспериментальной минералогии. 15 января 1778 г. Л. Ю. Крафт «представил и огласил Академической конференции «выдержку из письма, адресованную князю Голицыну, берлинского академика Ашара, в которой содержится описание опыта этого химика по искусственному получению кристаллов». ¹²¹ Как предложил Домашнев, воспроизвести этот оригинальный опыт с имевшимися приборами тут же перед собравшимися академиками не удалось. ¹²² Получить искусственные кристаллы петербургским ученым не удалось и позже. Неудача постигла и Голицына, который весной 1780 г. известил Академию, что «несмотря на повторные усилия получить, следуя способу берлинского химика г. Ашара, кристаллы горного хрусталя с помощью связывающего воздуха и квасцовой земли, они пока не имели успеха». ¹²³ Пытался ли Голицын продолжить у себя в Брауншвейге эти опыты, не известно.

Помыслы Голицына, направленные на изучение минералогии и минералогической химии, не могли оставить его

равнодушным к химии аналитической, достигшей при его жизни поразительных успехов. Эти свершения были делом крупнейших химиков эпохи. Благодаря своим связям со многими из них, Голицын едва ли не первым среди русских ученых узнавал о том или ином сенсационном открытии нового металла или полуметалла, что, по тогдашней терминологии, означало ковкий и хрупкий металл. И он спешил посылать отчеты, иной раз весьма подробные, об этих новостях в свою Академию наук.

Одно из таких сообщений, адресованное И. А. Эйлеру и датированное 15 февраля 1791 г., было послано с нидерландским посланником в Петербурге бароном Хэгером. Приводим здесь ту часть письма Голицына, которая была опубликована в академическом журнале. «Теперь о событиях, милостивый государь, которые, возможно, изменят все наши представления о химии, минералогии и т. п. Граф Зикинген, которого Вы должны знать по его прекрасным исследованиям платины, сообщил мне и г. Г. Форстер это подтвердил, что выплавлены: 1) платина в корольках . . . с присадкой, 2) молибден, вольфрам и марганец также в корольках с чистым углем без флюса и 3) восстановлены, видимо, в металлические корольки тяжелая земля (барит, — Г. Ц.), земля из Эпсома (горькая соль, эпсомит, — Г. Ц.) и кальцит или известь. Все это происходило в Вене и Хемнице,¹²⁴ где г. г. Рупрехт и Тонди творили эти чудеса. Были споры о корольках, полученных из простых земель.¹²⁵ Г. Саварези, пенсионер неаполитанского короля в Хемнице, полагал даже, что их можно извлечь также из древесного угля без каких-либо добавок; он уверял, что уже призвел такой опыт. Тотчас об этой же новости объявил г. Клапрот в „Письме“, напечатанном по-латыни. Меня, однако, уверяют, что г. Рупрехт совсем недавно повторил, скорее проверил в присутствии г. Саварези этот опыт с древесным углем, но ничего не добился, в то время как опыты с чистыми землями известняковой, тальковой, магнизиальной и глинистой вполне удались, и г. Веструмб из Хамельна (ныне в ФРГ, — Г. Ц.) повторил их публично. Итак, отныне нет больше земель, и все в нашем земном шаре металлическое. Это открытие сообразно идеям французских химиков: сам г. Лавуазье его предсказал. Г. Борн признает это за непреложную вещь в новой минералогии, названной им *Lytofilasium*».¹²⁶

Упомянув «самого» Лавуазье, Голицын имел в виду, вероятно, следующее высказывание французского уче-

ного из его «Начального курса химии»: «Можно предвидеть, что земли скоро перестанут причислять к простым веществам; они — единственные вещества этого класса, которые не обладают стремлением к соединению с кислородом. . .».¹²⁷ Эту точку зрения можно найти и в письме Крелля от 20 августа 1790 г. в Петербургскую Академию наук.¹²⁸ Что касается восстановления в «металлические корольки» барита, эпсомита и кальцита, то истинность этой информации не бесспорна. Со школьной скамьи мы знаем, что лишь в 1808 г. Гемфри Дэви электролитическим способом получил металлический барий, магний и кальций. Впрочем, стоит обратить внимание на сообщение Голицына, тем более, что венгерские историки науки пишут следующее: «Рупрехт был первым, кто утверждал, что так называемые земли (оксиды щелочно-земельных металлов) содержат металлы, которые он пытался восстанавливать олифой и, по его словам, успешно».¹²⁹

Через семь лет, 21 марта 1798 г., теперь уже из Брауншвейга, Голицын извещал Эйлера: «Позвольте мне, милостивый государь, через Ваше посредство сообщить Академии о новых открытиях, которыми г. Клапрот и г. Воклен обогатили минералогию. Вы знаете, что первый открыл, по меньшей мере, два новых полуметалла, именно уран и титан. Я не буду повторяться, так как многие журналы уже сообщали об этом. Г. фон Борн в своем „Каталоге ископаемых, собранных мадмуазель Рааб“ говорил о белом золоте и сером золоте из Надьяга и Оффенбанья в Трансильвании.¹³⁰ Г. Мюллер назвал их *augum problematicum* и *augum graphicum*. Г. Клапрот извлек из первого (из 1000 частей) 72 части железа, 2,5 золота и 925,5 нового металла, названного им теллуrom. А из 100 частей *augum graphicum* он извлек теллура 60 частей, золота 30, серебра 10. . . Этот металл имеет белый цвет, его удельный вес 611,5. Таким образом, это самый легкий металл.¹³¹ Он плавится легче, чем королек сурьмы, и труднее, чем свинец. Сгорая, он дает белое пламя, а также голубоватое. Он обладает большой ломкостью и в изломе обнаруживает крупные пластинки с блестящими плоскостями». Затем идут другие новости. «Металл, открытый г. Вокленом, назван хромом по причине своей живой окраски (не металла, а его солей, — Г. Ц.). Он едкий и ломкий; извлечен из красного свинцового шпата или из сибирской красной свинцовой руды (крокоита, — Г. Ц.). Он представлен и в качестве кислоты, которую г. Воклен сумел

восстановить в настоящий металлический королек... Тот же г. Воклен открыл в аквамарине и берилле из Сибири новую землю, которая еще не получила названия. Анализ этого аквамарина дал: кремния 69, квасцов 21, новой земли 9, оксида железа 1 часть на 100 частей... Вы уже знаете, милостивый государь, что г. Клапрот за последние два—три года открыл две новые земли, которые он назвал циркониевой и стронциевой». ¹³²

Голицын ошибся, приписывая Клапроту открытие оксида стронция. «Стронциевая земля» была обнаружена в 1790 г. шотландским врачом Эдером Кроуфордом. Возможно, в 1793 г. Клапрот продублировал работу шотландца. Сообщение об оксиде бериллия, извлеченного Вокленом, соответствует фактам и явилось новостью для русских ученых. Что же касается двуокиси циркония («циркониевой земли»), то она была выделена Клапротом в 1789 г., и в России знали об этом. Важные последствия имели сообщение Голицына о хrome. Услышанное академиками 7 апреля 1798 г., оно послужило толчком для плодотворных поисковых работ русских химиков. И уже в мае того же года академик Т. Е. Ловиц доложил своим коллегам, что он получил хром как из крокоита, так и из хромистого железняка, найденных в Сибири. ¹³³ Мы видим, что открытием, по меньшей мере, двух элементов ученый мир обязан сибирским минералам, образцы которых в конце XVIII в. при содействии Голицына попадали на лабораторные столы европейских химиков.

В приведенных выше письмах упоминаются некоторые ученые, имена которых редко встречаются в историко-научной литературе, поэтому здесь, по-видимому, следует дать небольшие справки об этих ученых, подчеркнув их связи с Голицыным.

Немецкий естествоиспытатель французского происхождения Франц Ашар (Ахард) с 1776 г. был учеником и сотрудником известного химика Андреаса Маргграфа, сторонника флогистонной теории, после смерти которого в 1782 г. Ашар унаследовал его пост директора физического класса Берлинской Академии наук. Ашар известен тем, что, основываясь на пионерских изысканиях Маргграфа, разработал и внедрил в промышленное производство технологию получения сахара из свеклы, что явилось ударом для монополии американского тростникового сахара. Ашар некоторое время занимался грозозащитой берлинских домов.

Анатом и физиолог Петрус (Петер, Пьер) Кампер, почетный член Петербургской Академии наук с 1778 г., воспитывался в кругу друзей своего отца — голландских ученых Бургаве, Мушенбрека, Гравезанда. Учился в Лейденском университете. Занимал кафедру профессора медицины и естествознания в университетах Франекера, Амстердама, Гронингена. Одним из видных учеников Кампера по Гронингенскому университету был М. ван Марум. В последние годы жизни Кампер жил в своем имении Кляйн Ланкум близ Франекера, где у него был кабинет натуралий. Труды Кампера посвящены анатомии, хирургии, ветеринарии. Благодаря ему в Голландии была введена прививка от оспы и ящура. Он ранее Кювье открыл закон корреляции — закон соответствия всех частей организма выполняемым ими функциям. Широкую известность получила работа Кампера по анатомии орангутанга, опубликованная в 1780 г., которую не раз упоминал Голицын в своих письмах. Бывая в Гааге, Кампер гостил у русского ученого и поддерживал с ним дружеские отношения.

Яркой фигурой радикального крыла немецких просветителей был натуралист, писатель и публицист Георг Форстер. Ф. Энгельс писал, что он «. . . в отличие от всех своих соотечественников, до самого конца подерживал французскую революцию. . .».¹³⁴ Высоко ценил его А. И. Герцен. В 1765 г. Форстер подростком сопровождал своего отца географа и ботаника Иоганна Форстера, впоследствии почетного члена Петербургской Академии наук, в путешествии по Поволжью — до озера Эльтон. Вернувшись в Петербург, Форстер около года учился в Академической гимназии, единственном учебном заведении, которое он когда-либо посещал. Он обладал исключительными способностями. Подростком, правда, не без помощи отца, он перевел на английский язык «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова, изданный в 1760 г. Перевод под заглавием «Сокращенное хронологическое изложение русской истории» вышел в свет в Лондоне в 1767 г., куда после России судьба забросила Форстеров, и где началась новая и богатая событиями полоса их жизни. Им посчастливилось участвовать в качестве натуралистов во втором кругосветном путешествии Джеймса Кука (1772—1775 гг.). Г. Форстер стал первым биографом великого мореплавателя. Его труды о Куке, изданные в 1777—1781 гг. в Англии и Германии, принесли автору заслуженную славу и вошли в классику географической литературы.

В 1775 г. Форстеры в поисках заработка вернулись на континент. В Париже Г. Форстер радушно был принят Жоржем Бюффоном, приступившим уже к печатанию «Дополнений» к своей «Естественной истории». Затем — первое в жизни Форстера посещение немецких земель, защита докторской диссертации в Галльском университете (1779 г.), где его отец уже работал профессором на медицинском факультете. Некоторое время Г. Форстер преподавал естествознание в академической гимназии Касселя. В 1784 г. он был приглашен на кафедру медицины Вильнюсского университета, который в 1781—1803 гг. назывался Главной школой Великого княжества Литовского. Форстер внес «значительный вклад в преподавание естественных наук... он подвергал критике систематику К. Линнея, сопровождая лекционный материал иллюстрациями из своих коллекций... и впервые в Главной школе стал излагать сведения по палеонтологии... Он посеял первые семена эволюционной теории».¹³⁵ Не ужившись, как он писал Камперу, в анархической обстановке последних лет существования Речи Посполитой, преследуемый бывшими иезуитами, окопавшимися в Главной школе, Форстер в 1787 г. покинул Литву и перебрался в Майнц, где заведовал библиотекой курфюрста. Перед этим он получил лестное приглашение от российского правительства быть научным консультантом и историографом намечавшегося кругосветного путешествия под командованием капитана 1-го ранга Г. И. Муловского, которое, однако, не состоялось из-за начавшейся в 1787 г. русско-турецкой войны.¹³⁶ Форстер всей душой приветствовал вступление в октябре 1792 г. французских революционных войск в Майнц и стал руководителем Майнской коммуны, делегатом которой он выехал в Париж, где в 1794 г. умер от воспаления легких.

Голицын и Форстер познакомились в 1778 г. во время первого посещения немецким ученым Голландии, еще в бытность Голицына посланником. Вначале их отношения были неровными, доходящими до размолвки. Кампер, хорошо знавший обоих, способствовал их примирению, о чем говорит письмо Голицына Камперу от 5 сентября 1780 г.¹³⁷ В 1790 г., путешествуя вместе с своим протеже, геттингенским студентом Александром Гумбольдтом, по Нидерландам, Форстер, проезжая через Гаагу, останавливался у Голицына. Гумбольдт был представлен русскому естествоиспытателю.

Жорж Луи Леклерк де Бюффон.

Почетным членом Петербургской Академии наук был и австро-чешский ученый Игнац Борн. Уроженец трансильванского города Дьюлафехервар (Карлсбург, ныне Алба-Юлия в Румынии), Борн получил образование в Пражском университете. В 1770 г. он возглавил горное ведомство Австрийской империи и во многом способствовал развитию горно-добывающей промышленности в стране. Изобрел способ амальгамирования для извлечения золота и серебра. Научные труды Борна, на которые не раз ссылался Голицын, посвящены систематике ископаемых. Русский ученый подверг критике работу Борна «Методический и толковый каталог коллекции ископаемых мадмуазель Э. Рааб», в котором усмотрел слишком громоздкую и произвольную классификацию минералов. В истории чешской культуры исключительно важное значение имело Частное научное общество, основанное Борном в Праге в 1774 г. и преобразованное в 1784 г. в Королевское чешское научное общество, которое на протяжении десятилетий выполняло функции высшего научного учреждения чешско-моравских земель.

Заслуги профессора Прусской артиллерийской академии в Берлине Мартина Клапрота и парижского академика Луи Воклена в развитии химии общеизвестны,

и Голицын как в своих письмах в Петербургскую Академию наук, так и печатных трудах воздал им должное. Добавим лишь, что он посылал Клапроту в Берлин образцы наиболее интересных своих минералогических находок, а также минералы из России для анализа.

С именем профессора Антона (Антала) Рупрехта связаны годы взлета кафедры химии в Шельмецбаньской горной академии, где во второй половине XVIII в. училось много иностранцев. В числе других учениками Рупрехта были испанцы Фауст д'Элуар, открывший в 1783 г. вольфрам, и Мануэль дель Рио, который в 1801 г. обнаружил ванадий. О взглядах Рупрехта на «земли» говорилось выше. Горный инженер Франц Мюллер фон Рейхенштейн, уроженец Надьсебена (ныне Сибиу в Румынии), учился в Венском университете, затем в Шельмецбаньской академии. В 1779 г. он был назначен управляющим всеми горными заводами Трансильвании. Сообщение о том, что в 1782 г. им в минерале надьягите обнаружен новый элемент, вызвал сомнения у Рупрехта, полагавшего, что Мюллер имел дело с сурьмой. Для разрешения спора этот минерал был послан на проверку Торберну Бергману, профессору Упсальского университета, однако шведский химик скончался, не успев закончить своей экспертизы. Клапрот, отличавшийся, по словам Голицына, редкой точностью своих анализов, в январе 1798 г. подтвердил правоту Мюллера и назвал новый «металл», значившийся как *aurum problematicum*, теллуrom. Д. А. Голицын неукоснительно в марте того же года сообщил об этих «крестинах» своим соотечественникам.

Имперский граф Карл Зикинген длительное время находился на дипломатической работе в Париже, где и познакомился с Голицыным. Выйдя в отставку, он поселился в Мангейме и увлекся химическими исследованиями. В 1782 г. он опубликовал работу о тугоплавкости платины. В Германии, независимо от Зикингена и одновременно с ним, платину изучал Ашар.

Андреа Саварези многие годы работал на горных предприятиях Венгрии, оставил описание рудников в Надьяге, занимался минералогической химией. В последние годы жизни он руководил крупным пороховым заводом в Неаполитанском королевстве. Другой итальянец, Маттео Тонди, учился в Шельмецбаньской академии у Рупрехта, вместе с которым исследовал минералы. Затем работал ассистентом у Доломье в Музее естественной

истории в Париже. Впоследствии возглавил кафедру минералогии в Неапольском университете.

Назовем еще двух ученых, с которыми сблизился Д. А. Голицын в последние годы своей жизни. Город Брауншвейг, столица одноименного герцогства, вошедшего после наполеоновских войн в состав Пруссии, ко времени переезда туда Дмитрия Алексеевича славился основанной в 1745 г. гимназией повышенного типа — «Коллегиум Каролиnum». К концу века это учебное заведение стало средоточием небольшого сообщества местных естествоиспытателей, врачей и математиков. Душой этого неформального кружка ученых был питомец Лейдена и Геттингена, с 1766 г. профессор Каролиnumа, основоположник зоогеографии Эберхард фон Циммерман, иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1794 г. В 1778—1783 гг. в Лейпциге вышел в свет его трехтомный труд «Географическая история людей и распространенных четвероногих животных». В лице Циммермана Голицын, уже безнадежно больной, нашел преданного друга и помощника. В 1797 г. Циммерман был в Петербурге, посетил Академию наук. Письмом от 7 ноября того же года Голицын благодарил И. А. Эйлера за теплый прием, оказанный его другу в России.

В брауншвейгский круг знакомцев Голицына входил и почетный член Петербургской Академии наук с 1786 г. Лоренц Крелль. В начале своей деятельности он преподавал химию и минералогию в Каролиnumе и стал известен исследованиями фосфора и некоторых кислот. В 1773—1810 гг. он жил по соседству в Хельмштедте, где занимал кафедру философии в университете этого города, основанном в 1576 г. Последние годы жизни Крелль был профессором химии в Геттингене. Он вошел в историю науки главным образом как основатель и редактор журнала «Chemische Journal» (1778—1781 гг.) и «Chemische Archiv» (1783 г.), но в основном изданием 40 томов «Chemische Annalen für die Freunde der Naturlehre, Arzneygelehrtheit, Haushaltungskunst und Manufacturen» (1784—1803 гг.). Этот журнал, являвшийся по существу летописью химии того времени, имел характер международного повременного издания, в котором можно встретить и работы («Письма») русских ученых, в частности Т. Е. Ловица, Д. А. Голицына, А. А. Мусина-Пушкина. Труды самого Крелля печатались в «Nova Acta».

¹ *Naan J. A. B.* De Hollandsche Maatschappij der Wetenschappen 1752—1952. Haarlem, 1952, s. 289, 390.

² *Копелевич Ю. X.* Возникновение научных академий. Л., 1974, с. 30.

³ *Франклин В.* Опыты и наблюдения над электричеством. М., 1956, с. 57, 75 (далее: *Франклин*).

⁴ *Ноте*, р. 73, 74.

⁵ *Дорфман Я. Г.* Эпинус и его трактат о теории электричества и магнетизма. — В кн.: *Эпинус Ф. У. Т.* Теория электричества и магнетизма. Л., 1951, с. 436.

⁶ *Goetz D. Georg Christoph Lichtenberg.* Leipzig, 1980, S. 48.

⁷ *Лихтенберг Г. К.* Афоризмы. М., 1964, с. 54.

⁸ Об откликах современников на труды Эпинуса см.: *Ноте*, р. 189—224.

⁹ По истории естествознания в Голландии во второй половине XVIII в. см. ст.: *Snelders H. A.* Physics and chemistry in the Netherlands in the period 1750—1850. — *Janus*, 1978, 1—3, р. 1—16 (далее: *Snelders*).

¹⁰ *Бэкон Ф.* Собр. соч., т. 2. СПб., 1874, с. 15.

¹¹ *Swinden J. H. van.* Recueil de Mémoires sur l'analogie de l'électricité et de magnétisme couronnées et publiés par l'Académie de Bavière traduit du Latin et de l'Allemand, augmentés de Notes, et de quelques Dissertations nouvelles. T. 1. La Haye, 1784, р. XV (далее: *Swinden*).

¹² *Swinden.* Во втором томе помещены конкурсные работы на ту же тему Георга Штейгленера и Лоренца Хюбнера, а также свинденовские «Замечания о системе г. Эпинуса», в третьем томе — «Диссертация о беспорядочных движениях магнитной стрелки» и еще две статьи Свиндена. В 1785 г. вышло второе издание трехтомника. Эти книги имеются в ГПБ.

¹³ *Swinden*, р. 504, 505.

¹⁴ *Мешен П., Деламбр Ж.* Основы метрической десятичной системы. М.; Л., 1926, с. 61.

¹⁵ *Studies et bijdragen over Teylers Stichting het tweede eeuwfest.* Haarlem, 1978.

¹⁶ *Marum M. van.* Description d'une très grande machine électrique, placée dans le Museum de Teyler à Haarlem, et expériences faits par le moyen de cette machine. Haarlem, 1785.

¹⁷ *Dibner B.* Early electrical machines. — *Electr. Engng.*, 1957, 9, р. 798.

¹⁸ *Marum M.* Première Continuation des expériences faites par le moyen de la machine électrique Teylerienne. Harlem, 1787, р. 8.

¹⁹ *Шельтема Я.* Император Александр I в Голландии и Саардаме в 1814 г. — РС, 1915, № 11, с. 225.

²⁰ *Snelders*, р. 11.

²¹ Там же, с. 12.

²² *Джуа М.* История химии. М., 1975, с. 129 (далее: *Джуа*).

²³ Там же, с. 107.

²⁴ *Hamers-Duyngen S. W. van.* Hieronimus David Gaubius, zijn correspondentie met Antonio Nuñez Ribeiro Sanches en andere tijdgenoten. Amsterdam, 1978 (далее: *Hamers*).

²⁵ *Венгеров С.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пгр., 1915, с. XV.

²⁶ *Райнов Т. И.* Русское естествознание второй половины XVIII в. и Ломоносов. — В кн.: *Ломоносов.* М.; Л., 1940, с. 376.

- ²⁷ Там же, с. 343.
- ²⁸ *Haters*, s. 153.
- ²⁹ О проявлении стиля барокко в антураже электрических опытов см.: *Fraunberger F. Elektrische Spielereien im Barock und Rokoko. München, 1967.*
- ³⁰ *Россия и США*, с. 37.
- ³¹ *Dvoichenko-Markoff E. Benjamin Franklin, the American Philosophical Society, and the Russian Academy of Sciences.—Proc. APS, 1947, 91, p. 252.*
- ³² Письмо российского посланника в Гааге Д. А. Голицына представителю Континентального конгресса в Париже Б. Франклину. — *Россия и США*, с. 38, 39.
- ³³ Там же, с. 38.
- ³⁴ Там же, с. 39.
- ³⁵ BRL, № 144, л. 1 об.
- ³⁶ *Цверва Г. К. Прокоп Дивиш. М.; Л., 1965, с. 45—65.*
- ³⁷ *Араго Ф. Гром и молния. СПб., 1859, с. 335.*
- ³⁸ *Франклин*, с. 62, 63.
- ³⁹ Там же, с. 233.
- ⁴⁰ *Россия и США*, с. 39.
- ⁴¹ Протоколы, III, с. 327, 328; Академические ведомости, 1777, № 85, 24 октября; Московские ведомости, 1777, № 89, 7 ноября.
- ⁴² Протоколы, III, с. 329.
- ⁴³ Р. Хоум считает, что премированная в 1755 г. Академией наук конкурсная работа по теории электричества принадлежит не Л. Эйлеру, как полагают многие историки науки, а его сыну Иоганну Альбрехту. См.: *Home R. W. On two supposed works by Leonard Euler on electricity. — Archives Intern. d'Histoire Sci., 1975, 25, N 96, p. 3—7.*
- ⁴⁴ St. Petersburgische Zeitung, 1777, № 86, 27 Okt.
- ⁴⁵ *Gallitzin D. Lettre sur quelques objets d'électricité, adressé à l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersburg. SPb., 1778, p. 16 (далее: Lettre).*
- ⁴⁶ Acta, 1777/1780, p. 17—38.
- ⁴⁷ *Gallitzin D. von. Sendschreiben an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften zu St. Peterburg über einige Gegenstände der Electricität. Münster; Leipzig, 1780, S. 1—24 (далее: Sendschreiben).* С этой статьей сброшюрованы под общим переплетом и другие работы Голицына, переведенные на немецкий язык; пагинация сплошная, поэтому ссылки даются на *Sendschreiben*.
- ⁴⁸ Санкт-Петербургские новости, 1778, № 75, 18 сент., с. 652.
- ⁴⁹ Протоколы, III, с. 374, 378.
- ⁵⁰ *Шумигорский Е. Павел I. — Русский биографический словарь. Т. «Павел—Петр». СПб., 1902, с. 57.*
- ⁵¹ BRL, № 457, л. 1.
- ⁵² См. гл. 3, прим.¹².
- ⁵³ Библиотека Гаргуского университета, ф. Sch., 1095, л. 1, 1 об. (Публикуется впервые).
- ⁵⁴ *Lettre*, p. 5.
- ⁵⁵ Там же, с. 7.
- ⁵⁶ Там же, с. 12, 13.
- ⁵⁷ Протоколы, III, с. 388.
- ⁵⁸ *Golitzin D. Observations sur l'électricité naturelle par le moyen d'un Cerf-volant, adressé à l'Académie. — Acta, 1778/1781, p. 80 (далее: Observations).*
- ⁵⁹ Там же, с. 81.

- ⁶⁰ Там же, с. 83.
- ⁶¹ *Swinden*, t. 3, p. 205.
- ⁶² BRL, № 413, л. 1.
- ⁶³ *Observations*, p. 83, 84.
- ⁶⁴ В. Н. Каразин и господство над природою. — РА, 1892, кн. 2, с. 85; *Слюсарский А. Г.* Василий Назарович Каразин. Харьков, 1952, с. 40—42.
- ⁶⁵ *Swinden*, t. 1, p. 493.
- ⁶⁶ BRL, № 239, л. 1 об., 2; № 251, л. 1 об.
- ⁶⁷ *Extraits*, л. 3.
- ⁶⁸ *Татаринов Ю. Б.* Оценки фундаментальности научных работ как метод в истории естественных и технических наук. — Из истории энергетики, электроники и связи, 1981, вып. 11, с. 115.
- ⁶⁹ *Mailly E.* Histoire de l'Académie Imperiale et Royale des sciences et belles-lettres de Bruxelles. Т. 34. 1883, p. 217 (далее: *Mailly*).
- ⁷⁰ ААВ, без шифра, л. 1—20. Рукопись не имеет заглавия, но есть помета: «Этот мемуар был напечатан в Петербурге в 1778 г.». Имеется в виду «Lettre».
- ⁷¹ *Mailly*, p. 217.
- ⁷² *Extraits*, л. 4.
- ⁷³ Протоколы, IV, с. 305; ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 71, л. 165.
- ⁷⁴ *Extraits*, л. 6.
- ⁷⁵ *Раскин Н. М.* Иван Петрович Кулибин. Л., 1962, с. 137—143.
- ⁷⁶ BRL, № 421, л. 1.
- ⁷⁷ Первый электрометр (указатель напряжения) в 1742 г. сконструировал Г. В. Рихман. Спустя 20 лет англичанин Вильям Хенли модернизировал прибор русского физика.
- ⁷⁸ *Gallitzin D.* Lettre sur la forme des conducteurs électriques — *Mém. Acad. Bruxelles*. Т. 3. 1780, p. 1—12.
- ⁷⁹ В настоящее время полное название: Королевская Академия наук, словесности и изящных искусств Бельгии.
- ⁸⁰ *Gallitzin D.* Description du conducteur électrique placé sur le chateau de Rosendal, en Gueldres. — ААВ, 1—6.
- ⁸¹ *Gallitzin D.* Die Beschreibung eines electrischen Wetterableiters der bey Schlosse Rosendal in Geldern angebracht wurden ist. — *Sendschreiben*, S. 39—42.
- ⁸² Джан Франческо Кастильон — профессор Утрехтского университета, с 1764 г. член Берлинской Академии наук, где в 1787 г. возглавил математический класс.
- ⁸³ BRL, № 732, л. 2.
- ⁸⁴ Письмо от 14 января 1782 г. — BRL, № 736, л. 1.
- ⁸⁵ *Mailly*, p. 615.
- ⁸⁶ Там же, с. 616.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ В 1916 г. членом Голландского общества наук был избран еще один из представителей этого славного рода — выдающийся русский геофизик академик Б. Б. Голицын.
- ⁸⁹ АНМВ, № 3, л. 1—3; № 4, л. 1.
- ⁹⁰ Там же, № 1, л. 1.
- ⁹¹ Там же, № 7, л. 1.
- ⁹² ЛО ААН, ф. 1. оп. 3, № 71, л. 95, 95 об.
- ⁹³ Там же, л. 90—94 (Джон Ингенхоуз — английский врач и естествоиспытатель, в последние годы жизни был лейб-медиком австрийского императора).
- ⁹⁴ Там же, л. 96—100, 165 об.

- ⁹⁵ АНМВ, № 21, л. 5.
- ⁹⁶ Лбоци М. История физики. М., 1970, с. 194.
- ⁹⁷ АНМВ, № 21, л. 1.
- ⁹⁸ Forster G. Ansichten vom Niederrhein. Leipzig, 1979, S. 447 (далее: Forster).
- ⁹⁹ Джеджула К. Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972, с. 291 (далее: Джеджула).
- ¹⁰⁰ Город в Баварии, в окрестностях которого добывались различные минералы, и куда часто ездил Голицын.
- ¹⁰¹ АНМВ, № 13, л. 1; № 17, л. 1.
- ¹⁰² Джеджула, с. 6.
- ¹⁰³ Там же, с. 203—278.
- ¹⁰⁴ Dolomieu D. Sur la philosophie minéralogique. Paris, 1801, p. 36.
- ¹⁰⁵ Hamers, s. 153.
- ¹⁰⁶ Жан Алламан — физик, профессор Лейденского университета.
- ¹⁰⁷ BRL, № 132, л. 1, 1 об.
- ¹⁰⁸ Там же, № 239, л. 1 об.
- ¹⁰⁹ О том, как воспринималось учение Лавуазье в России, см.: Соловьев Ю. И., Ушакова Н. Н. К истории утверждения кислородной теории в России. — ВИЕТ, 1957, вып. 3, с. 76—80.
- ¹¹⁰ Дорфман Я. Г. Лавуазье. М.; Л., 1948, с. 203, 225, 305.
- ¹¹¹ Бескислотный способ получения водорода уже после смерти обоих ученых (Мёнье был убит в бою, Лавуазье казнен) использовался во французской армии для заполнения водородом баллонов аэростатов. В военных действиях воздушный шар впервые был применен в битве при Флерюсе 26 июня 1794 г.
- ¹¹² АНМВ, № 11, л. 1.
- ¹¹³ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 71, л. 95; Протоколы, IV, с. 293.
- ¹¹⁴ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 71, л. 95, 95 об.
- ¹¹⁵ Там же, л. 87.
- ¹¹⁶ АНМВ, № 15, л. 1.
- ¹¹⁷ «Второе письмо г. ван Марума г. Бертоле, содержащее описание очень простого газометра и аппарата для производства с малыми затратами опыта по составлению воды постоянным сжиганием». — ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 71, л. 88, 89.
- ¹¹⁸ См. гл. 4, прим.¹¹³.
- ¹¹⁹ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 71, л. 165; Протоколы, IV, с. 304.
- ¹²⁰ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 64, л. 227; Протоколы, III, с. 451.
- ¹²¹ Протоколы, III, с. 345. Письмо не сохранилось.
- ¹²² Раскин Н. М. Химическая лаборатория М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962, с. 286 (далее: Раскин).
- ¹²³ Протоколы, III, с. 466.
- ¹²⁴ Хемниц (Шемниц), по-венгерски Шельмецбанья, ныне город Банска Штьяница в Словакии.
- ¹²⁵ В XVIII в. «простыми землями», считавшимися простыми веществами, называли различные оксиды металлов.
- ¹²⁶ Extrait d'une lettre de S. E. Monsieur le prince Demetrius de Golitzin, datée de la Haye le 15 Fevrier 1791. — Nova Acta, 1791/1795, 9, p. 31, 32; ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 71, л. 7; Протоколы, IV, с. 255.
- ¹²⁷ Джуа, с. 143.
- ¹²⁸ Раскин, с. 289.
- ¹²⁹ Erdey-Grúz T., Trencsényi-Waldapfel I. Science in Hungary. Budapest, 1965, p. 32.

¹³⁰ Трансильвания с XVII в. входила в состав Венгрии, в 1920 г. отошла к Румынии. Надьяг и Оффенбанья ныне, соответственно, Сэкерлэмб и Бая-Маре.

¹³¹ По тем временам, действительно, это был самый легкий металл. Удельная плотность теллура 6.25 г/см^3 .

¹³² ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 72, л. 263, 264.

¹³³ *Раскин*, с. 324; см. также: *Раскин Н. М.* Аполлос Аполлосович Мусин-Пушкин. Л., 1981, с. 120 (далее: *Раскин*, 1981).

¹³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 572.

¹³⁵ История Вильнюсского университета. Вильнюс, 1979, с. 50, 62.

¹³⁶ Первая русская кругосветная экспедиция, возглавляемая И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисянским, была осуществлена в 1803—1806 гг.

¹³⁷ *Forster J. G.* Briefwechsel. Th. 2. Leipzig, 1829, S. 753.

Зрелость ученого

На стезю минералогии Д. А. Голицын вступил в 80-х годах. Как и большинство новоявленных учёных в этой области, он начал с полевых работ, собирательства, которое для него отнюдь не было данью моде. В низменной Голландии ему нечего было делать в этом направлении, поэтому он старался выезжать в гористые местности Германии. Излюбленным местом его поисков являлись потухший вулкан Ункель неподалеку от Бонна и плато Шпессарт в округе города Ашаффенбург в Баварии. Здесь он многие годы собирал минералы. Голицынская коллекция пополнилась и за счет поступления минералов из России, и в этом заслуга прежде всего академика П. С. Палласа. 7 октября 1790 г. Голицын писал Маруму: «Я только что получил очень интересные минералы из Сибири: аквамарины, одиночные и в оболочке; кристаллический малахит; золотоносные пириты в оболочке; золотоносный хрупкий кварц; огромный кусок роговой обманки из серебряного рудника; камень русского лабрадора и многое другое. Если Вы приедете сюда, милостивый государь, я буду рад показать их Вам».¹

Бывая в различных городах, Голицын не упускал случая ознакомиться с экспонатами местного музея или частными коллекциями и попутно приобрести себе что-либо любопытное. В письме (без даты) некоему адресату Голицын просил сообщить Маруму, что в Маастрихте «есть прекрасный минералогический кабинет. . . , который продается по очень низкой цене».² Голицын не был скарредным собирателем. Он щедро одаривал своими сокровищами других ученых, посылал известным химикам на анализы новонайденные минералы.

Ко времени переезда из Гааги в Брауншвейг собрание минералов Голицына, стоившее ему немало личного труда

и денег, поражало количеством, разнообразием и редкостью образцов. Г. Форстер, посетивший Голицына весной 1790 г. и отметивший в своих путевых очерках успехи «научного просвещения» в Голландии, писал в частности: «Кроме влияния, оказываемого на своих соотечественников Хемстерхейсом, Кампером и Лионне,³ рвание, с которым бывший русский посланник князь Дмитрий Голицын в течение многих лет приобретал основательнейшие познания во всех отраслях физики, а недавно и в минералогии, бесспорно способствовало тому, что эти науки, а также и те, кто себя им посвятил, предстали в лучшем свете в глазах здешней публики. Минералогический кабинет князя является собранием знатока, который сам его собрал и сохранил, что бывает нечасто и в своем роде поучительно. Мы (Г. Форстер и А. Гумбольдт, — Г. Ц) удивлялись привезенной из Бразилии полторафутовой глыбе гибкого песчаника Пейреска; ⁴ эксперименты князя убедили нас, что разложившиеся виды гранитов Зибенгебирга вблизи Бонна еще сильнее притягиваются магнитом, чем базальты».⁵ Такой отзыв о русском естествоиспытателе приобретает тем больший вес, если учесть, что Форстер и Голицын были политическими антиподами.

Минералогия как раздел рудознания насчитывала много веков своего развития, однако ее становление в качестве научной дисциплины датируется второй половиной XVIII в. Это ясно представлял себе Голицын, который как один из ее творцов близко принимал к сердцу трудности этого процесса и был неудовлетворен состоянием тогдашней минералогии. Если даже сделать скидку на присущую ему повышенную эмоциональность, то и тогда перед нами предстает личностная драма ученого. Действительно, он приступил к работам по описательной минералогии в годы, когда в науке господствовал принцип так называемой естественно-научной систематизации ископаемых, предложенный в 1774 г. еще в Лейпциге будущим инспектором Фрейбергской горной академии Абрамом Вернером и развитый его учениками и единомышленниками. Интересно уточнить, как толковали систему Вернера русские естествоиспытатели, начавшие свою деятельность непосредственно после смерти немецкого ученого в 1817 г. Ординарный профессор Петербургской медико-хирургической академии П. Ф. Горяинов указывал, что она «отличается преимущественно уважением в минералах наружных признаков, постигаемых всеми нашими наружными

чувствами. . . Вернер, хотя думал, что существенные различия видов ископаемых состоят в химических свойствах их, был уверен, что сии химические внутренние их свойства столь явственно отражаются в наружных их принадлежностях, что по сим последним всегда может быть определено истинное различие ископаемых видов».⁶

Экспериментальная химия сама по себе, несмотря на все ее успехи, вызывавшие благоговение не у одного только Голицына, оказалась не в состоянии без помощи «извне» проникнуть настолько глубоко в строение минералов, чтобы можно было найти надежные критерии для их систематизации и создания упорядоченной и рациональной номенклатуры. Бессильной была решить задачу и стехиометрия — искусство измерения химических элементов, которая зародилась в самом конце XVIII в. и вначале не была воспринята специалистами. Потребовался иной подход, и он был предложен французскими учеными Жаном Луи Ромэ-Делилем и Рене Жюстом Гаюи (Аюи). В 1783 г. Ромэ-Делиль опубликовал «Кристаллографию, или Описание форм, присущих всем телам минерального царства», через год вышел в свет «Опыт теории структуры кристаллов» Гаюи, а в 1801 г. его же четырехтомный «Курс минералогии». Известный кристаллограф и историк науки И. И. Шафрановский пишет о Гаюи: «Свои открытия в области структурной кристаллографии он широко применил для классификации минералов. Основой минералогической классификации Гаюи является следующее его положение: минералогический вид отвечает совокупности всех тех минералов, которые имеют одинаковые интегрирующие молекулы и которые составлены из одних и тех же элементов, соединенных между собой в одинаковых соотношениях. Как видим, минералогическая классификация Гаюи являлась по сути дела кристаллохимической и по идее предвосхищала современную нам систематику минералов».⁷ Тем не менее следует признать без большой натяжки, что за истекшие два столетия в классификации ископаемых еще не утвердился единый и обязательный для всех классификаторов канон, хотя никто не спорит с тем, что в основе систематизации минералов лежат их химические и структурные признаки (см. табл.).

За пятнадцать последних лет своей жизни, именно в эти годы Д. А. Голицын напряженно занимался изучением ископаемых, он опубликовал, по меньшей мере, одиннадцать печатных трудов по минералогии, которые заслу-

ПРИМЕРЫ КЛАССИФИКАЦИИ МИНЕРАЛОВ ЗА 200 ЛЕТ

№ п/п	А. Г. Вернер, 1774 г.	№ п/п	Д. А. Голицын, 1792 г.	№ п/п	П. Ф. Горяинов, 1835 г.	№ п/п	А. Г. Бетехтин, 1950 г.	№ п/п	А. А. Головинов, 1975 г.
1	Классы Земли и камни	1	Разряды Кварцевые	1	Классы Металлиты	1	Разряды Самородные элементы и интерметаллические соединения	1	Типы Простые вещества (металлы, полуметаллы, неметаллы) Сульфиды
2	Соли	2	Металлы и полуметаллы (самородные)	2	Силициды	2	Карбиды, нитриды и фосфиды	2	
3	Горючие тела	3	Кальциты	3	Галиты	3	Сульфиды, сульфосоли и им подобные	3	Оксиды и гидроксиды
4	Металлы	4	Продукты растительного и животного мира	4	Пириты	4	Галогениды	4	Соли кислородных кислот
		5	Кислоты и соли	5	Оксиды	5	Оксиды	5	Галогениды
		6	Смешанные вещества	6	Кислородные соли	6	Кислородные соли		
		7	Металлы и полуметаллы. минералогические						
		8	Продукты вулканической деятельности						

женно снискали ему международный авторитет в этой области, а потом были прочно забыты. Из этих работ три можно отнести к области знаний, которую теперь мы называем вулканологией, а две — капитальные работы по минералогии. Ранее всех других из этих 11 работ в 1788 г. был опубликован «Мемуар о некоторых потухших вулканах Германии».⁸ Затем вышли в свет «Письма» Камперу и Форстеру.⁹ Согласно письму ученого, 12 экземпляров этих «Писем» были посланы Петербургской Академии наук. В 1792 г. Голицын выпустил свою крупную работу «Трактат, или Сокращенное и методическое описание минералов»,¹⁰ которую с полным основанием можно назвать учебником минералогии. При жизни автора книга выдержала три издания (1792, 1796, 1801 гг.), по-смертно — два (1808 и 1815 гг.). Это о чем-то говорит!

На первых же страницах «Трактата» Голицын предвещает, что будет следовать идеям Жоржа де Бюффона. С прославленным французским натуралистом Голицын встречался в 60-х годах в Париже, чаще всего в салоне Неккер. В последующие годы Голицын переписывался с французским ученым, посылал ему различные раритеты. В 1789 г., через год после смерти Бюффона, Голицын признавался Камперу: «Что до меня, то я чту и всегда буду чтить память г. де Бюффона; это дань уважения его таланту, его познаниям, его дарованию и, позволю себе добавить, проявление моей признательности за его благосклонность, которой он меня лично удастаивал».¹¹ В 1783—1788 гг. Бюффон издал пятитомную «Естественную историю минералов». В этом последнем своем труде он рассматривал минералы «как документы прошлого природы; он стремился понять их возникновение, „генезис минералов“ . . . видя в последовательном порядке минералов земной коры отражение „поступи Натуры“».¹² Другими словами, и в отношении минералогии французский ученый руководствовался выдвинутым им принципом историзма, который «Бюффон распространил на всю область, научно захваченную естествознанием, на всю видимую природу. . . благодаря такому расширению области приложения *истории*, совершился перелом в европейском обществе в понимании значения *времени*».¹³ Голицын, может быть, глубже, чем многие его современники понял значимость этого принципа.

«Трактат» явился разработкой предложенной Бюффоном концепции: «Я уже разъяснял суть своей система-

TRAITÉ
OU
DESCRIPTION
ABRÉGÉE ET MÉTHODIQUE
DES MINÉRAUX.

*Présent à l'Académie Impériale & Royale des Sciences
& Belles-Lettres de Bruxelles, qui l'a jugé digne
de faire partie de ses propres Mémoires & de leur
servir de Suite.*

PAR LE PRINCE D. DE GALLITZIN,

Membre honoraire de cette Académie, & de celles des Sciences
& des Arts de Pétersbourg, de Stockholm, &c. &c.

в Императорском Академическом.

A MAESTRICHT,

Chez J. P. ROUX & COMPAGNIE, Imprimeurs-Libraires, associés.

1792.

Титульный лист «Трактата по минералогии» Д. А. Голицына.

тизации в „Письме“ г. Форстеру (Гаага, у Гроота, 1790). Но я уверен, что многие не читали его, поэтому повторяю. . . Генезис, или филиация, тел в царстве минералов — вот принцип, который я предпочел и которого буду придерживаться насколько смогу. Я считаю этот метод предпочтительнее перед другими не только потому, что это идея великого человека, но потому, что он ведет к истинной цели. Она заключается в наивозможном упрощении классификации объектов этого царства, уменьшении числа видов, которые могут быть не более, чем разновидностями, и облегчении изучения минералогии, которую засоряют посредством многоступенчатого деления. Итак, я распределил эти тела на 8 разрядов, или родов, которые в свою очередь подразделил на классы и разновидности».

Голицынская классификация (см. таблицу) далека от совершенства. Понимая это, он констатировал: «Я знаю, что сказанное отнюдь не рекомендация некоей группе ученых следовать идее г. де Бюффона. Но только потому, что великий человек допустил несколько ошибок в своем трактате о минералогии, можно ли делать из этого вывод, что его труд лишен всяких достоинств и не принимать некоторых его идей, хотя они неопровержимо справедливы?».¹⁴

Нет смысла пересказывать и тем более обсуждать с современных позиций основной текст «Трактата», где в духе выбранной им классификационной схемы Голицын сообщает подробнейшие сведения о свойствах почти всех известных в ту пору минералов, сопровождая это краткими историческими справками. Названия каждого вида он дает на латинском, французском, русском и немецком языках. При чтении этого курса бросается в глаза основательное знание автором предмета изложения, его начитанность и всесторонняя эрудированность.

В предисловии ко второму, дополненному и снабженному предметным указателем изданию «Трактата» Д. А. Голицын писал: «Что до причин, побудивших меня выпустить новое издание трактата по минералогии, то приведу важнейшие из них. Наиболее искусные химики сообщили об открытии многих тел из царства минералов. Это оливин, сиенит, шифер-шпат, лучистый камень г. Вернера (актинолит, — Г. Ц.), апатит г. Клапрота, руды серого и белого золота, названные г. Борном молибденовым серебром, гранатит швейцарских минералогов и др. Я узнал о них лишь после публикации моего труда, который из-за этого оказался не полным, что и заставило меня приступить к новому изданию, куда я включил упомянутые тела, согласно их принадлежности к разрядам, или уподобил тем минералам, с которыми они наиболее схожи. Насколько все-таки бесполезно для науки увеличивать количество видов, я понял после того, как сам впал в ту же ошибку, обособляя фарфоровый шпат (пегматит, — Г. Ц.), перидот (хризолит, — Г. Ц.), минеральную серу и т. п., тогда как первый относится к полевым шпатам, второй к шерлам, последняя — к пиритам».¹⁵

Все же небезынтересно ознакомиться с описанием хотя бы одного образца минералов в «Трактате» Д. А. Голицына. Под рубрикой «Первый разряд. Кварцевые» можно прочитать, в частности, следующее: «Если существ-

вует на нашей Земле камень, который мы должны рассматривать как наиболее древний из всех, то это только кварц, который образует важнейшие части гранитов, являющихся основой всех горных пород и всех других тел царства минералов, — утверждение настолько всем известное, что не требует даже доказательств». Тем не менее Голицын решил подкрепить свое несколько категоричное суждение ссылкой на авторитет петербургского академика. «Судя по тому, — говорит знаменитый Паллас, — что мы знаем о Шведских, Тирольских и Аппенинских Альпах, о горах, окружающих Богемию, Кавказских и Сибирских горах, равно как и об Андах, можно принять за аксиому, что высочайшие горы земного шара, которые образуют горные хребты, состоят из породы, называемой гранит, основой которого всегда служит кварц, более или менее смешанный с полевым шпатом, слюдой и краплениями базальтов. . . Эта древняя горная порода и песчаник, происходящий от ее обломков, образуют основу всех континентов».¹⁶

Чтобы иметь более полное представление о характере и объеме информации, которую Голицын считал обязательной для авторов, пишущих о минералах, обратимся к его небольшому сочинению «Письмо г. советнику и профессору Креллю, или Замечания на „Систематический и толковый каталог коллекции ископаемых мадмуазель Э. Рааб г. Борна“». «Я и впредь буду утверждать, — писал Голицын, — то, что уже ранее говорил в моем „Письме Форстеру“, . . . что тела царства минералов должны рассматриваться и изучаться во всех плоскостях, не ограничиваясь лишь одной или двумя; т. е. нужно к химическому анализу прилагать сведения об их размещении в горных цепях, равно как и о формах кристаллизации минералов, их плотности, однородности, плавкости, твердости и горючести. И лишь после всестороннего изучения минералов можно гарантировать приемлемое и правильное их распределение, допуская при этом простое разделение на ряды (если хотите, на классы, семейства или виды) и разновидности. Такое деление сможет охватить все известные нам доселе ископаемые и гораздо менее засорить память и ум, чем все эти бесконечные отделы и подотделы».¹⁷

В «Письме Креллю» Голицын полемизирует с Борном, главным образом по причине его приверженности к нептунизму Вернера. В те годы в ученом мире разгорелась длившаяся многие годы бескомпромиссная дискуссия

между представителями двух геологических концепций — нептунизма и плутонизма. Сторонники первого направления пытались доказать, что все горные породы, включая базальты и граниты, образовались путем осаждения или кристаллизации первичного океана, а рудные жилы появились после того, как воды океана ушли вглубь по образовавшимся в осадочных породах трещинам и на своем пути отложили руды тяжелых металлов. Плутонисты, придерживавшиеся, как выяснилось позже, более прогрессивных воззрений шотландского ученого Джеймса Геттона, полагали, что геологические процессы вызваны внутренней энергией Земли, превращениями горных пород, обусловленными «подземным огнем», в частности вулканической деятельностью.¹⁸ Этот спор был опозитизирован Гете в диалоге греческих мудрецов во второй части «Фауста»: плутонист Анаксагор утверждает, что «След извержений — гор зигзаги», на что нептунист Фалес отвечает: «Вся жизнь проистекла из влаги». Словопрение продолжается и заканчивается победой Фалеса.¹⁹ Сам Гете склонялся то к одной, то к другой теории.

Конкретным предметом спора были базальты и граниты — их генезис. Этот конфликт на том или ином уровне продолжается и по сей день. Академик А. Л. Яншин пишет: «Базальты и граниты — это тема многих волнующих дискуссий и споров среди геологов. Ведь от того, как исследователь отвечает на вопрос о происхождении гранитов, зависит и его позиция по ряду центральных проблем геологической истории Земли».²⁰ Д. А. Голицын с самого начала разногласий был приверженцем магматического происхождения базальтов. Более того, он считал, что базальты — глубинные породы. В том же «Письме Креллю», возражая Борну, он писал: «Я, признаюсь, не вижу достаточных оснований исключать базальты из семейства вулканических пород, и можно, по меньшей мере, сказать, что подход, используемый г. Борном, несостоятелен... Базальты ... образовывались в недрах вулканов, не важно каким путем, оставаясь до времени неподвижными в местах зарождения».²¹

«Письмо Креллю» представляет интерес еще и потому, что Голицын, отстаивая свои позиции в споре с Борном по поводу залегания порфиринов, ссылаясь на работу петербургского академика, а до того профессора Петровской гимназии в Митаве (ныне Елгава, Латвийская ССР) минералога И. Я. Фербера. В «Размышлениях об относитель-

ной древности горных пород и земных пластов, из которых состоит кора земного шара»²² Фербер не разделял взглядов талантливого русского минералога Ф. П. Моисеенко в отношении идентификации последним залегающих в Циннвальде (ныне в Чехословакии) пород с порфирами.²³ Борн, видимо, читал изданное в Лейпциге в 1779 г. на немецком языке «Минералогическое сочинение об оловянном камне» Ф. П. Моисеенко²⁴ и был согласен с мнением 25-летнего русского ученого в этом частном вопросе. Получается любопытная цепочка имен: Борн—Голицын—Фербер—Моисеенко. Еще один пример плодотворной циркуляции научных идей.

В заключение своей работы Голицын, как учтивый оппонент, воздал должное Борну, не зная, что чешский ученый умер за шесть лет до появления «Письма Креллю»: «Как бы то ни было, г. Борн имеет несомненно огромные познания и большие достижения в минералогии; и его „Каталог“, несмотря на свои погрешности, навсегда останется превосходной работой в этой области. Как минералог он хорошо выполнил свою задачу, но я хочу сказать Вам откровенно, — изменив тональность, продолжал Голицын, — что я не увидел в нем ни одной из тех черт, которые свойственны физику-геологу. . . Существуют два подхода к наблюдению минералов: минералога и геолога. Первый . . . не добивается ничего другого, как только определить и получше охарактеризовать разряд, вид и разновидность ископаемого. . . Физик-геолог идет гораздо дальше: к исследованию минералога он добавляет исследование залегания, распределения и взаимных связей ископаемых в недрах Земли. Исходя из этого, он приходит к выводам, раскрывающим тайну строения и материального состава нашего земного шара. Чистый минералог, какое бы место он ни занимал в науке, не сможет никогда привести нас к открытиям подобного рода, если он не приобщится к геологическим знаниям. Пожелаем, чтобы обе эти науки всегда шагали вместе».²⁵

С обуревавшими его сомнениями насчет состояния минералогии Голицын не мог не делиться со своими соотечественниками. В упоминавшемся письме от 7 ноября 1797 г. в Академию наук он писал: «Если г. Клапрот, кажется, проанализировал все минералы, как это он намеревался сделать, то следует сжечь все то, что было написано до сего времени по этому вопросу. Вы не представляете себе, как заблуждались о составных частях большин-

ства из них. Это крупнейший химик, поразительно точный и тщательный, весьма трудолюбивый, почти целиком отдавшийся анализу минералов, поэтому только от него следует ожидать истины, ибо, как стало известно теперь, преславные Кронстедт, Бергман и др. занимались этим попутно».²⁶ Оставим на совести Голицына это не совсем справедливое высказывание о шведских ученых. В письме от 21 марта 1798 г. он, подчеркивая, что за последние несколько лет было открыто «8 новых земель и металлов», сетовал: «Минералогия, столь этим обогащенная, с другой стороны обеднела. Нам, авторам трудов по минералогии, не остается ничего лучшего, как бросить наши работы в огонь; в настоящее время нет ни одного, в котором минералы были бы хорошо распределены».²⁷ Такого примерно мнения о тогдашней классификации придерживался и Гаюи: «в натуральной истории не найдется другой ассоциации веществ, столь плохо рассортированных и столь чуждых друг другу. Может показаться, что минералоги задались целью объединить наибольшее количество возможных ошибок на минимальном участке».²⁸

О существенных недостатках и некорректности тогдашней классификации минералов Голицын писал и в вышедшей в 1799 г. брошюре «Второе письмо г. Креллю, или Размышление о современной минералогии». «Минералогия, — читаем мы, — была одной из наименее развитых наук в Европе... Но хотя были открыты, и даже совсем недавно, новые простые земли, новые минералы, металлы и полуметаллы, мы все очень мало знаем о природе тел минерального царства. В этом отношении мы не продвинулись существенно вперед с времен Бернара Палисси, умершего в 1584 г. (в 1589 г., — Г. Ц.).²⁹ Правда, выпущено уже много трудов по минералогии, но одни из них не более, чем произвольные определения минералов, следовательно, неверные; другие являются, так сказать, лишь сводом не имеющих ничего общего друг с другом разнородных тел, разбитых на классы, или на семейства, виды и т. п. в соответствии с собственными представлениями каждого автора. Чтобы достичь точных знаний о составных частях минералов, прибегали к помощи химии. Ее вполне обоснованно рассматривали как самую надежную путеводительницу. Искуснейшие химики Кронстедты, Бергманы, Шееле, Кирваны и другие не пренебрегали содействовать ей; они со рвением оказывали свою помощь минералогам; они сами занимались минералогией и проанализировали боль-

шую часть минералов. Казалось, наконец, что литология стала, по крайней мере, достаточно изученной и разъясненной; действительно, какие могли быть сомнения, что химический анализ, являющийся ничем иным как, так сказать, рассечением, анатомированием минеральных тел, не приведет химиков к точному познанию их составных частей? . . . То ли потому, что химики еще не нашли подходящих средств, ведущих к распознаванию состава минералов, то ли по другим, не известным мне причинам, результаты их анализов, соответственно, так мало согласуются между собой, что теперь не знают, как относиться ко всему тому, что было сделано и сказано о минералах; от этого происходит путаница, которая тем более значительна, что слава этих ученых до такой степени способствовала почтительности к их ошибкам, что никому не приходило в голову проверять их, и ошибки накапливались до бесконечности. . . Нужен целый том, чтобы привести доказательства этих ошибок, и многие из них уже указаны мною в „Трактате“ и особенно в хельмштедтском издании 1796 г.».³⁰

Иллюстрацией к приведенному отрывку могут служить слова Сальери:

«Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию».³¹

Задолго до написания «Моцарта и Сальери» Голицын всей своей одухотворенной натурой осознал, что, кроме «рассечения», наука нуждается еще и в озарении. . .

С собственно минералогическими работами Д. А. Голицына органически переплетаются его сочинения по вулканологии, которые, наряду с разделом «Об огнедышащих горах и о происходящих от них опасностях» в книге петербургского академика С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1756 г.), должно считать первыми вулканологическими трудами, вышедшими из-под пера русских ученых. 7 ноября 1784 г. Голицын писал Свиндену из Гааги: «Я стал минералогом выше головы и теперь усиленно занимаюсь вулканами; этим летом я ездил по Германии и там побывал на потухших вулканах. Вы, конечно, осведомлены о них, но Вы, быть может, не знаете об их огромном количестве. Их продукты крайне разнооб-

разны — есть все. . . Я собрал интересную коллекцию». ³² Как раз тем же ноябрем помечен упоминавшийся выше «Мемуар о некоторых потухших вулканах Германии», который 18 февраля 1785 г. был оглашен на заседании брюссельских академиков и через три года напечатан в их печатном органе. ³³ В этой работе, не переиздававшейся отдельной книжкой и оставшейся незамеченной из-за ее публикации в малораспространенном бельгийском журнале, ³⁴ Голицын первым обстоятельно описал ряд вулканических построек неогеновой и антропогеновой систем на территории нынешней ФРГ. Он заявил, что не мог обозреть все вулканические области, простирающиеся до границ Швейцарии, а предпочел ограничиться «доскональным и неспешным» изучением потухших вулканов по течению Рейна ниже Андернаха, в Гессене, в бассейне Фульды вблизи Геттингена. Здесь следует сказать, что выдающийся русский минералог В. М. Севергин, будучи студентом Геттингенского университета, в 1789 г. изучал те же потухшие вулканы вокруг Геттингена, которые описал Голицын, и пришел к тем же выводам о происхождении базальтов, что и его предшественник. Статья Севергина была представлена в Петербургскую Академию наук 8 июля 1790 г. ³⁵ Читал ли Севергин мемуар Голицына о вулканах, — неизвестно. Но независимо от этого пришло время пересмотреть утверждения наших историков науки о приоритете Севергина в этом вопросе. ³⁶

Д. А. Голицын поражался тому, что ему первому пришлось всерьез заняться этими потухшими вулканами, предметом, находившимся в «полном пренебрежении»: «Молчание натуралистов в отношении потухших вулканов Германии казалось бы менее удивительным, если бы речь шла о двух или трех, к тому же отдаленных друг от друга вулканах. Но их число поразительно большое, их продукты очень разнообразны и они постоянно на виду; материалы, которые выделяли эти вулканы, использовались в течение веков не только для устройства мостовых в больших городах и дорог, строительства соседствующих с ними городов и деревень, но и для продажи в далекие края». ³⁷ Это обстоятельство отмечено и в монографии современного лейпцигского ученого Х. Раста. ³⁸ Пытаясь выявить причину такого «молчания», Голицын небезосновательно указывал на младенческий возраст как минералогии, так и науки о вулканах, на терминологическую путаницу, что препятствовало подлинно научному подходу к решению

проблемы. «Одним словом, — резюмировал он, — ученые пока еще столь мало согласны друг с другом в вопросе о наименовании минералов, что когда аббат Жиро-Сулави имеющийся в его коллекции камень разбил на четыре куска и показал их четырем коллегам, то получил четыре разных названия». ³⁹ Мы уже видели, что стремление к точности в унификации минералов красной нитью проходит и в более поздних трудах Голицына. Отзываясь с похвалой о французских натуралистах, исследовавших потухшие вулканы в Оверни, Лангедоке, Дофине и других областях Франции, он подчеркивал, что нельзя пренебрегать этой отраслью минералогии, так как она — ключ к познанию истории Земли.

Нет смысла пересказывать мемуар Голицына, в котором, помимо весьма информативной описательной части (упоминаются, между прочим, маары ⁴⁰), можно найти правильные мысли о генезисе вулканитов (лав, базальтов, брекчии и т. п.) как магматических продуктов. В подтверждение своих взглядов он по ходу изложения ссылается на труды Бюффона, Доломье, Гамильтона, полемизирует с непунистами, такими, как, например, Делюк. Он жалеет, что не может установить эпоху активности обследованных им вулканов, так как об этом нет сведений у античных авторов. Их и не могло быть, потому что извержения происходили в доисторические времена.

Статью с такой плутонистской направленностью, как «Мемуар о некоторых потухших вулканах Германии», не напечатали бы во Франции, ибо: «Парижская Академия преследовала каждого вулканиста, как богоотступника, как нового зрага христианства, разрушающего непреложность священного писания, и несчастный Демаре, первый начавший говорить здесь против непунической теории, подвергся этой участи». ⁴¹

Основываясь на своих наблюдениях и рассматривая результаты немногочисленных в ту пору обследований действующих вулканов Везувия и Этны, а также лабораторных опытов, проведенных другими учеными, Голицын наиболее полно и убедительно раскрыл свои вулканологические представления в брошюре «Второе Письмо к профессору Циммерману, члену многих академий, или Замечания на „Путешествия аббата Спалланцани в обеих Сицилиях“». ⁴² В этом «Письме» речь идет о сочинении выдающегося итальянского биолога Ладзаро Спалланцани, ⁴³ который в 1788 г. обследовал названные выше горы,

и, как отмечал Голицын, с вниманием читавший и перечитывавший французский перевод «Путешествий», ни один исследователь так близко не приближался к действующему вулкану и не изучал извержения столь долго, как Спалланцани. Отозвавшись с похвалой о биологических трудах итальянского ученого, Голицын подверг сомнению некоторые его мысли о вулканах, что дало ему повод сформулировать следующие выводы: 1) «вулканический жар» отнюдь не вызван горением подземных толщ каменного угля, как это воображали геологи, и он не идентичен огню, разводимому людьми в различного рода печах; 2) магматический расплав не имеет постоянной «степени тепла» — она зависит от относительного содержания в нем газов, прежде всего кислорода и сернистых веществ, в частности пирита; 3) «вулканический жар», возможно, имеет меньшую температуру, чем жар стекловаренных печей, что объясняется наличием газовой смеси, усиливающей процесс расплавления в вулканах.

Как уже говорилось, Голицын с большим уважением относился к личности и научному творчеству Бюффона. У последнего было много недоброжелателей. Голицын считал своим долгом выступать против критиканов великого французского естествоиспытателя, что наиболее отчетливо проявилось после смерти последнего.

8 мая 1779 г. Голицын писал из Гааги Свиндену: «Только что вышли в свет „Эпохи природы“ г. де Бюффона. Именно это, по-моему, самое лучшее и наиболее смелое из всего того, что сделал этот знаменитый ученый. . . Достаньте, прошу Вас, эту книгу, и Вы не оторветесь, читая ее. Он считает необозримо древним наш земной шар, и нужно видеть, как он пытается примирить свою систему с Библией. Я прекрасно понимаю, почему он откладывал до своей старости печатание этого тома.⁴⁴ Ведь было бы невероятно, если бы священники не наказали его за это. Однако я думаю, что в надежде на его скорую кончину, они воздержатся».⁴⁵

Противниками Бюффона были не только клерикалы, но и некоторые ученые, придерживавшиеся ортодоксальных взглядов. Среди них выделялся названный выше английский естествоиспытатель швейцарского происхождения Жан Андре Делюк, занимавший в Лондоне придворную должность чтеца английской королевы. Он оставил след в истории метеорологии. Но Делюк не довольствовался метеорологией. Он жаждал быть причастным к решению

самых кардинальных проблем естествознания, в частности вопроса о происхождении Земли. В конце 70-х годов, во время войны за независимость США, он был направлен английским правительством с особым поручением в Гаагу, где он одновременно приступил к работе над серией «Писем» по истории Земли.

Д. А. Голицын, бывший в курсе всех дел гостя из Англии и знавший его лично, 13 ноября 1779 г. писал Свиндену: «Здесь находится г. Делюк и работает, чтобы одарить нас своей историей земли. . . Очень возможно, что сам господь бог вдохновил его или Природа посвятила его в свои тайны. Однако, мне пока не нравится, как он грубо и оскорбительно говорит о г. де Бюффоне. По отношению к нему он сейчас ведет себя точно так же, как г. Пинто⁴⁶ относится к американцам: стоит при нем произнести имя де Бюффона, чтобы вывести его из равновесия, увидеть его бурно разглагольствующим и признать его бахвалом и человеком крайне невежественным в естествознании. Увы! Быть ученым еще не все; нужно еще быть хорошо воспитанным».⁴⁷ Голицын не сгушал красок. Вот что пишет о Делюке американский историк науки: «Его репутация у современников была намного лучше его истинных способностей. . . Он был яростным спорщиком и обладал замечательной способностью к самообману или, скорее, полной неспособностью к критике собственных идей».⁴⁸

В 1779—1780 гг. Делюк издал «Письма физические и моральные об истории Земли и человека» в пяти томах. По прочтении второго тома Голицын 9 декабря 1779 г. поделился с ван Свинденом своими впечатлениями: «Г. Делюк продолжает свой труд и хочет доказать нам, что г. де Бюффон лишен здравого ума. . . Что касается самого сочинения, то я ручаюсь, что оно написано плохо, еще хуже первого тома, который Вы уже прочитали. Физический раздел предназначен для пятого тома, который еще не начат. Вы согласитесь со мной, что он хочет, чтобы мы в поте лица сперва проштудировали четыре скучнейших тома, заполненных комплиментами некоей королеве, напыщенными речами против тех, кто осмеливается рассуждать о сотворении земного шара, неуместными восторгами о пустячных вещах и т. п. . . Как можно допустить, что нет ничего древнее того, что сказал Моисей, и это только потому, что г. Делюк утверждает, что наш земной шар очень современен? Одним словом, он хочет, чтобы мы

слепо следовали всему тому, что этот Моисей нам изрек о сотворении мира». ⁴⁹ Наконец, письмо от 6 апреля 1780 г. к тому же адресату: «Сочинение Делюка завершено. . . Я ручаюсь Вам, что это самое заурядное сочинение из когда-либо вышедших в свет. Оно скверно написано, скверно обосновано, скверно задумано и прежде всего — ошибочно. . . Что касается его системы (теории, — Г. Ц.), то можно умереть со смеху, и я все еще недоумеваю, почему он назвал это системой». ⁵⁰ Далее в письме идет уничтожительная критика нептунистическо-креационистских «откровений» Делюка. Из процитированных, впервые публикуемых писем, помимо критики Делюка, легко усмотреть неприятие Голицыным религиозных догматов и его отрицательное отношение к дилювианистам.

В 1790—1793 гг. в издаваемом в Париже Жаном Метери «*Journal de physique*», который до 1785 г. назывался «*Journal de l'abbé Rozier*», были напечатаны несколько статей Делюка, в которых он с резкими нападками обрушился не только на умершего уже Бюффона, но и на других передовых французских естествоиспытателей. В том же журнале печатались статьи химика Бальтазара ле Сажа, также направленные против всего прогрессивного в тогдашнем естествознании. Видимо, эти публикации переполнили чашу терпения Голицына, который, прекрасно зная, что собой представляют Делюк и ле Саж как ученые, вновь решил выступить в защиту Бюффона, против косности, пустословия и ретроградства в науке.

Несмотря на начавшееся с 80-х годов XVIII в. охлаждение официального Петербурга ко всему французскому, имя Бюффона, избранного в 1776 г. почетным членом Петербургской Академии наук, оставалось притягательным для русских естествоиспытателей. «Всеобщую и частную естественную историю» изучали М. В. Ломоносов, П. С. Паллас и другие русские ученые, ее изучали и начинающие, например А. А. Каверзнев. По приказу Екатерины II российские академики приступили к переводу названного труда. За 1789—1808 гг. вышли в свет всего 10 из 44 томов «Естественной истории», причем без крамольных «Эпох природы». С тех пор Бюффона не переводили на русский язык. ⁵¹ Однако с середины века в русской периодической печати, в частности в выходящих «иждивением императорской Академии наук» «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих», стали появ-

Защитеніе г. де Бюффона отъ несправедливыхъ и неблагопристойныхъ нареканій г. Делюка и Сажа.

Г. Делюкъ, по сущей великости души, безъ сомнѣнія, щадя при жизни г. де Бюффона *покрывавше чубленные свѣдѣнія о славы его лавры*, (какъ онъ въ изъясненіи въ одномъ изъ своихъ писемъ) не хранивъ уже болѣе нѣхъ снисхожденій къ памяти достопочтеннаго и заслужившаго шовико шинаъ ученика сего Мужа. Не безъ удивленія читавшій въ XIV письмѣ его къ г. *Мастеря* сіи весьма примѣшныя слова. „Хорошо описываютъ г. де Бюффона, называя его *Французскимъ Плиніемъ!* ибо онъ не болѣе разсуждалъ дредливо сего *Естественнаго слова*: онъ не имѣлъ, такъ скажешь, никакаго пракшическаго познания о *земныхъ происшествіяхъ*; воображеніе увлекало его, онъ дивашася за все, что только могло его льстивши, и онъ думалъ, какъ и многіе другіе, что не оповѣшешу на возраженіи, можешъ предать ихъ азбвению. Онъ столько былъ возхищенъ ударомъ огнива, и проч., . . .

До чего не простирается предразсужденіе основанное на зависти и соревнованіи!
Г.

Первая страница статьи Д. А. Голицына
«Защитеніе г. де Бюффона».

ляться фрагменты из «Естественной истории» и других работ французского натуралиста. Этот научно-литературный журнал, называвшийся в 1789—1796 гг., в последние годы своего существования, «Новыми ежемесячными сочинениями», опубликовал «Защитеніе г. де Бюффона от несправедливых и неблагопристойных нареканій г. Делюка и Сажа». Автор не был назван. Указано только, что «переведено студентами Д. Величковским, Н. Федоровым, П. Кедриным и И. Сидоровским». ⁵²

На эту анонимную работу впервые обратил внимание Т. И. Райнов. Отметив, что в 90-х годах «уже выходили и тома русского перевода „Естественной истории“», Райнов,

имея в виду «Защитение», продолжал: «Помещение ответа Бюффона может рассматриваться как выражение известного расположения со стороны руководства журнала». ⁵³ По Райнову, получается, что именно сам Бюффон дал «ответ» своим критикам. Иными словами, «Защитение» написал никто иной как сам ученый. Другой исследователь И. И. Канаев, упоминая это сочинение, писал: «Анонимный автор оспаривает грубые, клеветнические выпады против Бюффона уже после его смерти. Любопытна защита Бюффона у нас в 1793 г.», т. е. в год якобинской диктатуры. ⁵⁴ Нам удалось установить, что «Защитение» является переводом с французского анонимно изданной в 1793 г. в Гааге небольшой книги «Défense de M. de Buffon». ⁵⁵ В нашей стране имеется, по всей видимости, лишь один ее экземпляр, хранящийся в Библиотеке Академии наук в Ленинграде под шифром IDd/142. На форзаце книги дарственная надпись: «Командору Ньёпору от автора князя Голицына» (без даты). В библиографических словарях прошлого века указывается, что это произведение написал Д. А. Голицын, но ничего не говорится о переводе, помещенном в академическом журнале. ⁵⁶

Итак, негодование Д. А. Голицына на Делюка, Сажа и иже с ними вылилось в анонимно изданный памфлет, который является единственным сочинением ученого, переведенным на русский язык. Эпиграфом к своей книге Голицын выбрал сентенцию французского географа Этьена Мариве: «Битвы любителей наук должны быть как старинные турниры; благородное обоюдное стремление к славе должно приводить их лишь к соревнованию, но отнюдь не соперничеству, и никогда — к вражде; только руководствуясь этим, подобает вступать на это славно поприще». В русском переводе эпиграф опущен.

Текст «Защитения» начинается ироническим пассажем: «Г. Делюк по сущей великости души, без сомнения, шадя при жизни г. де Бюффона покрывавшие убеленные сединою власы его лавры, . . . не хранит уже более тех снисхождений к памяти достопочтенного и заслужившего толико титул ученого сего мужа». ⁵⁷ Далее Голицын приводит наиболее характерные места из работ Делюка и Сажа и по пунктам критикует, можно даже сказать, высмеивает высказывания этих авторов, о чем мы уже получили представление из писем Голицына Свиндену. Читаем далее: «Никогда критика не была язвительнее, жесточе и менее прилична человеку, доставившему честь человечеству, и

когого память будет любезна ученым, доколе науки пребудут усовершеняемы и почитаемы . . . знаю токмо, что страсть его к познанию и наукам, а наипаче к естественной истории и физике заблаговременно в нем оказалась, что он много странствовал, переездил и исследовал довольно гор и проч., часто, как человек с дарованиями, сличая наблюдения Палласа, Соссюра, Циммермана и пр., рассматривая и совокупляя события, возвешенные именитыми сими мужами, выводил надежнейшие заключения, лучше объяснял вещи, нежели многие другие». ⁵⁸ Касаясь обвинений в заимствовании Бюффоном достижений других, Голицын резонно писал: «Сия укоризна есть из тех, коих бы ныне никакой почти писатель избежать не мог. Как никто не мог видеть и приметить всего сам собою, и как число наблюдателей и наблюдений уже нарочито возросло с того времени, как умы устремилися к наукам; то можно бы о каждом заимствовавшем мысль или наблюдение у другого сказать, что он к этому прицепился и проч.». ⁵⁹

Голицын не оставил без ответа и нападки Делюка на петербургского академика П. С. Палласа, который якобы знает только «азийские горы» и поэтому, дескать, не может судить об Альпах или Аппенинах. Наш герой отдельно остановился и на выпаде французского химика: «Г. Саж объявил в Физическом Розиеровом журнале (ч. 39, с. 137, август 1791), что, к счастью наук, творения г. де Бюффона не суть учебные, невзирая, однако ж, на то, что ученые всех стран, трудящиеся в усовершенении наук, продолжают оказывать к оным всегда уважение, несмотря на вкравшиеся в них ошибки. Я препроводил нарочитую часть жизни моей в знакомстве с Кампером, Алламаном и другими; знаю довольно ученых в Германии. Они не совсем мнения господ Делюка и Сажа: они думают и говорят откровенно, даже пишут, что сочинение г. де Бюффона со всеми погрешностями есть и пребудет навсегда творение человека с дарованиями, а не сухой, так сказать, журнал, как оный древнего Плиния; это собрание событий, которые вели его к рассуждениям и заключениям, справедливые ли они или ложные, но всегда доказывающие, что он должен был размышлять и вникать глубоко во все то, что витийственное его перо нам начертало». ⁶⁰

В отношении геологического историзма Бюффона Голицын писал: «Уже давно некоторые естествоиспытатели установили, что древняя история земного шара была вписана в верхних слоях Земли; однако именно г. де

Бюффону было суждено показать, что нынешнее устройство Земли имеет непосредственное отношение к тем великим изменениям, которые произошли в различные эпохи». ⁶¹ Голицын отмечал и спорные и неверные, по его мнению, взгляды Бюффона. «Вообще, можно сказать, — читаем мы, — что в гипотезе г. де Бюффона нет ничего неправдоподобнее его идеи об отрывании нашей планеты от субстанции Солнца из-за столкнувшейся с ним кометы». ⁶² Заканчивая свое «Защитение», Голицын с присущей ему широкой мысли констатировал: «Впрочем, его (Бюффона, — Г. Ц.) теория о Земле была не менее правдоподобной, чем все теории его предшественников. . .». ⁶³

Встав на защиту Бюффона, Голицын не мог не подвергнуть критике фантастическую, замешанную на библейских мифах космологическую «систему» Делюка. Автор «Защитения» указывал также на неблагоприятные поступки Делюка, например присвоение им предложенной Бюффоном конструкции волосяного гигрометра.

В научно-популярных академических журналах довольно часто печатались небольшие статьи и заметки Д. А. Голицына, в которых сообщалось в разных новостях, главным образом из области медицины: методы лечения, профилактика заболеваний и т. п. Несомненный интерес представляет одна из его заметок. Вот что он писал: «В числе многообразных употреблений земляных яблоков надлежит полагать еще и следующее. Утверждают, что наилучшее лекарство от цинготной болезни есть земляные сырые яблоки, известные под именем картофелей. Их надлежит есть яблок по пяти в день без всего или, ежели угодно, с салатом. Желательно б было, чтобы такое полезное свойство сих плодов подтверждено было достоверными опытами. В таком случае земляные яблоки учинились бы драгоценнейшим произведением для человека, хотя бы они другой пользы и никакой не приносили». ⁶⁴ Надо думать, что о целебных свойствах сырого картофеля Голицын узнал от голландских моряков, которые лечились клубнями во время длительных морских плаваний.

Из того же номера академического журнала читатель мог узнать о «Печении хлебов из земляных яблоков без всякие примеси другой муки» — новшестве, предложенном французским химиком Огюстом Пармантье. Напомним, что в 1765 г. правительствующим Сенатом было приказано повсеместно разводить картофель, и Голицын своими за-

метками вносил посильную лепту в пропаганду этой культуры.

Голицына интересовали и вопросы агротехники и ветеринарного дела. Он проводил опыты по всхожести растений под воздействием различных газов, о чем сообщал в «Allgemeines Journal der Chemie» А. Н. Шерера.

¹ АНМВ, № 5, л. 3.

² Там же, № 5 а, л. 3.

³ Пьер Лионне — энтомолог, известен трудами по анатомии гусениц.

⁴ Никола Клер Пейреск — французский натуралист XVII в.

⁵ Forster, S. 457.

⁶ Горяинов П. Руководство к преподаванию минералогии. СПб., 1835, с. 32, 34.

⁷ Шафрановский И. И. Рэнэ Жюст Гаюи. — В кн.: Гаюи Р. Ж. Структура минералов. М.; Л., 1962, с. 135.

⁸ Gallitzin D. Mémoire sur quelques volcans éteints de l'Allemagne. — Мém. Acad. Bruxelles, 1788, 5, p. 95—114 (далее: *Mémoire*).

⁹ Gallitzin D. Lettres sur quelques objets de Minéralogie à M. le professeur Petrus Camper. La Haye, 1789, p. 122; Lettres sur quelques objets de Minéralogie à M. G. Forster. La Haye, 1790, p. 54.

¹⁰ Gallitzin D. Traité ou Description abrégée et méthodique des minéraux. Maestricht, 1792, p. 244 (далее: *Traité*).

¹¹ Gallitzin D. Lettres... à M. Petrus Camper. La Haye, 1789, p. 122.

¹² Канаев И. И. Жорж Луи Леклер де Бюффон. М.; Л., 1966, с. 221 (далее: *Канаев*).

¹³ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981, с. 205.

¹⁴ *Traité*, p. IV—V.

¹⁵ *Traité*. . . Nouvelle edition. Helmstedt, 1796, p. 4.

¹⁶ Там же, с. 6. Цит. по кн.: Pallas P. Observations sur la formation des montagnes et les changements arrivés au Globe, particulièrement à l'égard de l'empire de la Russie. Paris, 1799, p. 12. (Обзор, сделанный П. Палласом в Петербургской Академии наук в июне 1777 г., в том же году впервые опубликованный в Петербурге, см. Высоцкий Б. П. Геологические идеи Палласа и теория катастроф Кювье. — ВИЕТ, 1976, вып. 3 (52), с. 59—63).

¹⁷ Gallitzin D. Lettre à Monsieur le conseiller et professeur de Crell ou Observations sur le Catalogue méthodique et raisonné de la Collection de fossiles de M-lle E. Raab par M. de Born. Brunswic, 1797, p. 42 (далее: *Lettre à Crell*).

¹⁸ О начальном периоде полемики см.: Ивакин А. А. Некоторые аспекты оценок исторической роли концепций непутониума и плутониума. — ВИЕТ, 1974, вып. 1 (46), с. 60—62; Laudan R. Consolidation in the Huttonian tradition. Lychnos, 1979, p. 195—206.

¹⁹ Гете И. В. Фауст. М., 1955, с. 395.

²⁰ Яншин А. Земля в кольце астеносферы. — Знание — сила, 1981, № 5, с. 7.

²¹ *Lettre à Crell*, p. 38, 39.

²² *Ferber J. J. Réflexions sur l'ancienneté relative des roches et des couches terreuses qui composent la croûte du Globe terrestres. — Nova Acta, 1784/1788, 2, p. 163—180.*

²³ *Lettre à Crell, p. 30.*

²⁴ Подробнее об этом см.: *Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Федор Петрович Моисеенко. Л., 1974, с. 112—148.*

²⁵ *Lettre à Crell, p. 60, 61.*

²⁶ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 72, л. 224 об.

²⁷ Там же, л. 264 об.

²⁸ *Шаскольская М. П., Шафрановский И. И. Рене Жюст Гаюи. М., 1981, с. 97.*

²⁹ Французский химик-технолог, специалист по фаянсу. В 1580 г. в Париже Палисси издал книгу «Чудесные рассуждения о природе минеральных вод и источников... металлов, солей и солончаков, камней, земель, огня и эмалей», которая считается первым минералогическим сочинением, написанным по-французски. Ранее, в 1530 и 1546 гг., в Базеле были выпущены по-латыни трактаты по минералогии Георгия Агриколы — вероятно, самые первые из такого рода трудов.

³⁰ *Gallitzin D. Seconde Lettre à Monsieur Crell ou Réflexion sur la minéralogie moderne. Brunswick, 1799, p. 3, 4.*

³¹ *Пушкин, с. 357.*

³² BRL, № 935, л. 1 об., 2.

³³ См. гл. 4, прим. ⁸.

³⁴ В библиотеках Советского Союза нет пятого тома «Мемуаров» Брюссельской Академии наук за 1788 г. Автор пользовался ксерокопией статьи Д. А. Голицына о вулканах, любезно присланной из Брюсселя.

³⁵ *Sewerguine B. Observations minéralogique sur quelques montagnes volcaniques des environs de Göttingue. — Nova Acta, 1789/1793, 7, p. 265—277.*

³⁶ См., напр.: Развитие естествознания в России. М., 1977, с. 209; редакторские прим. в кн.: *Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981, с. 343.*

³⁷ *Mémoire, p. 97.*

³⁸ *Раст Х. Вулканы и вулканизм. М., 1982, с. 251, 306.*

³⁹ *Memoire, p. 96.*

⁴⁰ Углубления на поверхности конусообразной формы, нередко заполненные водой, — последствия одноразового слабого извержения.

⁴¹ *Каменский Г. Три системы геологии. — Русский вестник, 1842, № 11, 12, Науки и искусства, с. 14.*

⁴² *Gallitzin D. Seconde lettre à Monsieur le professeur de Zimmermann, membre de plusieurs académies etc., ou Observations sur le Voyage de l'Abbé Spallanzani dans les Deux-Siciles. Brunswick, 1797, p. 36.*

⁴³ *Spallanzani L. Viaggi alle due Sicilee ed in alcune parti dele' Arpenino Pavia, 1792.*

⁴⁴ Голицын имел в виду многотомный фундаментальный труд Бюффона «Всеобщая и частная естественная история».

⁴⁵ BRL, № 360, л. 2.

⁴⁶ Исаак де Пинто — проанглийски настроенный крупный нидерландский купец, разбогатевший на колониальной торговле и рьяно выступавший против восставших американских колоний.

⁴⁷ BRL, № 401, л. 3.

⁴⁸ *Миддлтон У. Э. К. История теорий дождя и других форм осадков. Л., 1969, с. 37.*

⁴⁹ BRL, № 413, л. 2.

⁵⁰ Там же, № 457, л. 2.

⁵¹ Канаев, с. 235.

⁵² Защищение г. де Бюффона от несправедливых и неблагопристойных нареканий г. Делюка и Сажы. — Новые ежемесячные сочинения, 1793, ч. 89, с. 60—93, ч. 90, с. 26—41; 1794, ч. 91, с. 73—94 (далее: *Защищение*).

⁵³ Райнов Т. И. Русские академики второй половины XVIII в. и Бюффон. — Вестник АН СССР, 1939, № 10, с. 128.

⁵⁴ Канаев, с. 231.

⁵⁵ [Gallitzin D.] Défense de M. de Buffon contre les attaques injuste et indécentes de M. Deluc et Sage. La Haye, 1793, p. 58 (далее: *Défense*).

⁵⁶ Митрополит Евгений, с. 151; Геннади, с. 237.

⁵⁷ Защищение, ч. 89, с. 60.

⁵⁸ Там же, с. 61, 64.

⁵⁹ Там же, с. 68.

⁶⁰ Там же, с. 63.

⁶¹ Défense, p. 41 (Здесь и далее перевод с оригинала автора).

⁶² Там же, с. 57.

⁶³ Там же, с. 58.

⁶⁴ Голицын Д. А. Лекарство от цинготной болезни. — Акад. известия, 1779, ч. II, с. 318.

Президент Минералогического общества

Имя Д. А. Голицына становилось все более известным в сообществе ученых. За полтора месяца до начала русско-шведской войны 1788—1790 гг. собрание Шведской Академии наук (основана в 1739 г.), состоявшееся 17 мая 1788 г. под председательством ее президента барона Петера Гедды, избрало Голицына своим иностранным членом. Через десять дней, препровождая диплом, секретарь Академии физик Иоганн Карл Вильке¹ писал русскому коллеге в Гаагу: «Г. князь! Нельзя возделывать науки с таким рвением и отменным успехом, которые снискали Вам уважение ученого мира, и не быть призванным в общества, поставившие себе главной целью развитие наук. Стокгольмская Академия наук, убежденная в пользе, которую она не преминет извлечь из Ваших знаний, не пожелала откладывать далее честь считать Вас, князь, в числе своих членов. Она обнадеживает себя, что выраженное ими единогласно по предложению г. сенатора графа Бунге избрание Вы согласитесь принять, как дань истинному ученому. Вследствие чего Академия поручила мне выслать Вам прилагаемый диплом, и я рад возможности по сему случаю засвидетельствовать Вам, милостивый государь, свое почтение. . .»²

На том же заседании шведские академики избрали иностранными членами французских ученых — математика Деламбра и ботаника Бернара Жюссиё. Вызывает удивление, что представление о Голицыне было сделано членом шведского правительства сенатором Свенном Бунге, не имеющим никакого отношения к естественным наукам. Мы полагаем, что Бунге внял совету своего сына Мортена Бунге, бывшего в 1785—1789 гг. поверенным в делах в Голландии и общавшегося с Голицыным. А тот факт, что, судя по письму Вильке, стокгольмские

академики торопились с избранием Голицына, говорит о том, что надвигавшаяся и развязанная Густавом III реваншистская война с Россией была весьма непопулярна среди шведских ученых.

По получении извещения из Стокгольма Голицын сразу же ответил Вильке. Он, в частности, писал: «Решение Стокгольмской Академии наук ассоциировать меня к числу ее членов делает мне честь и заслуживает моей глубочайшей признательности. Ее отличные ученые труды всегда были для меня предметом изучения и возбуждали восхищение вместе с огромным желанием стараться быть достойным принятия когда-нибудь в столь прославленное Общество. . . Мой ответ, милостивый государь, может показаться Вам слишком запоздалым, однако г. граф Бунге, министр вашего двора при Соединенных Провинциях, может Вам удостоверить, что письмом от 27 мая 1788 г., которое Вы удостоили мне написать, я получил вместе с дипломом Академии только вчера (11 февраля 1789 г., — Г. Ц.). Причины этой задержки мне не ведомы. Примите и пр. князь Дмитрий Голицын».³ Даже для тех времен письмо из Стокгольма в Гаагу шло очень долго — 9 месяцев. Из этого письма мы видим, что молодой Бунге и Голицын были действительно знакомы.

В архиве Шведской Академии наук хранится еще 4 письма Д. А. Голицына к Вильке. В них Дмитрий Алексеевич сообщал о высылке своих трудов в Стокгольм через М. Бунге, а также об успешных опытах Марума с газометром, подтвердивших все выводы французских химиков.⁴

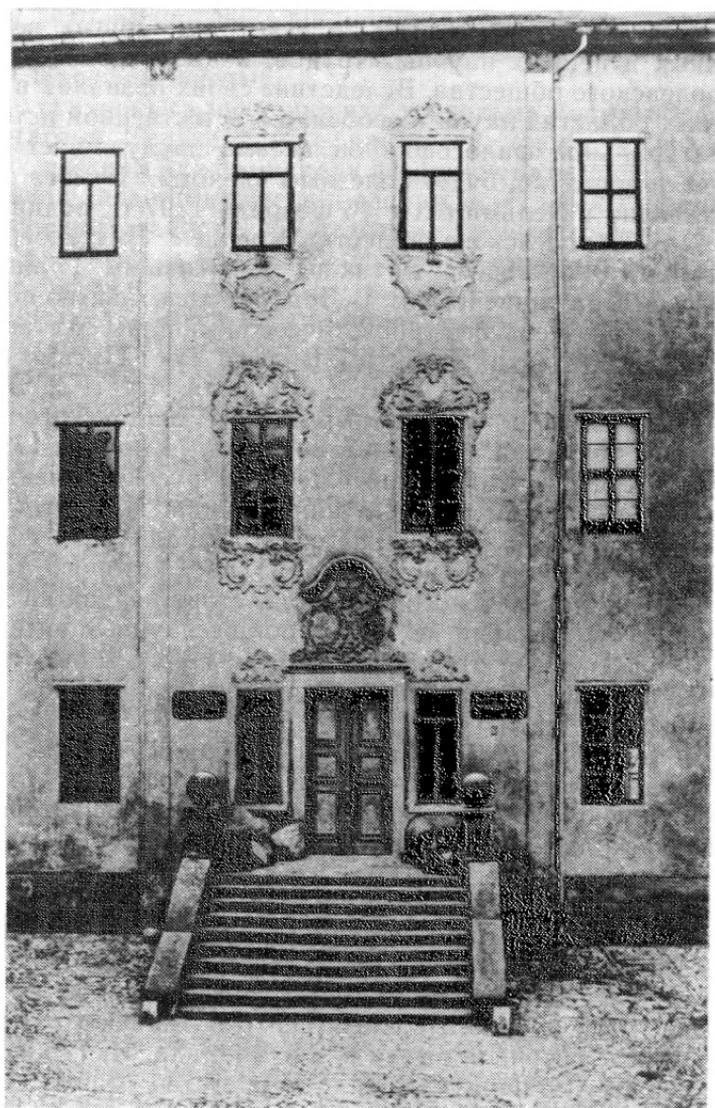
16 января 1793 г., когда был уже опубликован основной труд Голицына по минералогии, он был избран иностранным членом Берлинской Академии наук. Через два с лишним года, 20 октября 1795 г., русский естествоиспытатель под именем Мецената III стал членом старейшей немецкой ученой корпорации — основанной в 1652 г. Германской Академии естествоиспытателей, которая с 1687 г. называется Леопольдиной и существует по сей день с резиденцией в Галле (ГДР).⁵

Любопытен документ, относящийся к избранию Голицына в Лондонское королевское общество. Он гласит: «Мы, нижеподписавшиеся, члены Лондонского королевского общества наук, действуя по личному усмотрению, рекомендуем князя Дмитрия Голицына, русского дворянина и члена императорской Академии наук в Петербурге

и таковых в Брюсселе, Стокгольме, Берлине и пр., автора „Трактата по минералогии“ и некоторых других весьма важных и ценных научных трудов, в иностранные члены Королевского общества. Вследствие своих познаний в различных областях науки и особенно в естественной истории и натуральной философии он весьма заслуживает этой чести и, вероятно, будет полезным членом».⁶ Бумага была составлена в Хельмштедте 16 февраля 1797 г., подписана членами Королевского общества Креллем, Лихтенбергом, Иоганном Форстером, а также приютившим Голицына герцогом Брауншвейгским. В Лондоне ходатайство подписали изобретатель электростатической машины со стеклянным диском Мартин Планта и Вильям Тук.⁷ Письмо было оглашено 27 апреля 1797 г., а 19 апреля 1798 г. Д. А. Голицын был избран иностранным членом Лондонского королевского общества. Через полтора года, 14 ноября 1799 г., такой же чести удостоился еще один русский ученый — химик и металлург А. А. Мусин-Пушкин. Представление было написано в Брауншвейге 22 февраля 1799 г., очевидно, по инициативе Голицына, подпись которого, теперь уже члена Королевского общества, стоит первой на документе. Их связывали не только общие научные интересы, но и родственные отношения: Мусин-Пушкин был женат на двоюродной племяннице Голицына Анне Николаевне Голицыной.

В том же 1798 г. Голицына избрали членом ВЭО, в «Трудах» которого был напечатан его реферат.⁸ Он стал также членом Общества полезных знаний в Эрфурте и был принят в ряды других научных корпораций.

Прежде чем перешагнуть из XVIII в. в век XIX, нам следует мысленно переместиться еще в одно из многочисленных карликовых немецких государств — герцогство Саксен-Веймар и Эйзенах, владетель которого Карл Август превратил свою столицу г. Веймар с 6000 жителей (ныне ГДР) в блистательный центр германского Просвещения, где сверкали имена К. М. Виланда, И. Г. Гердера, И. В. Гете, И. Ф. Шиллера. . . Герцогство славилось еще одним городом — Йеной, в котором в 1558 г. был открыт университет, ныне носящий имя Фридриха Шиллера. В XVIII в. в пору своего второго расцвета университет отличался более широкой и рациональной программой обучения студентов естественным наукам, чем это имело место во многих других высших учебных заведениях немецких земель.

Герцогский замок в Йене, в котором размещался
Минералогический музей.

Снесен в 1904 г.

Касаясь интересующего нас предмета, отметим, что элементы минералогических знаний впервые включил в свой курс естественной истории Иоганн Вальх. После его смерти собранная им коллекция из «трех царств природы» — Кабинет натуралий по инициативе Гете, занимавшего при веймарском дворе важный пост тайного легационного советника, в 1779 г. была приобретена герцогом Карлом Августом и размещена в Йенском замке.⁹ Камни и другие ископаемые из этого собрания составили ядро будущего Минералогического музея в Йене. Хранителем Кабинета натуралий с того же 1779 г. был назначен окончивший в 1770 г. Йенский университет магистр философии Иоганн Георг Ленц, который в 1782 г. впервые ввел в *alma mater Jenensis* преподавание минералогии как отдельной научной дисциплины.

В 1794 г. Ленц получил кафедру на философском факультете университета, что дало ему возможность всецело посвятить себя минералогии, которой он придавал большое практическое значение как основы горного дела. В своей преподавательской работе и опубликованных научных трудах он придерживался взглядов и минералогической систематики Вернера. Чтобы «объединить усилия всех знатоков и друзей минералогии и способствовать расцвету этой науки», Ленцу при поддержке Гете в 1796 г. удалось учредить «Герцогское общество всеобщей минералогии в Йене». Официальное открытие первого в мире минералогического общества состоялось 7 января 1798 г. В его ведение перешел упомянутый Кабинет натуралий, вскоре превращенный в первоклассный по тем временам Минералогический музей, который находился в герцогском замке. Небезынтересно, что устав Йенского минералогического общества, принятый в 1798 г., был взят за основу при учреждении в 1817 г. Петербургского минералогического общества (ныне Всесоюзное минералогическое общество), первым директором которого был профессор Петербургского педагогического института, а до того доцент Йенского университета Л. И. Панснер.¹⁰

По уставу в Йенском минералогическом обществе предусматривались президент и директор, являвшийся фактическим руководителем корпорации. До конца своей жизни бессменным директором был Ленц. Первым президентом Общества был избран молодой венгерский магнат Д. Телеки, но через несколько недель после избрания

он умер, не оставив ровно никаких следов своей деятельности. Среди почетных членов Минералогического общества были известные естествоиспытатели, как немецкие, так и иностранные, например Гете, Гаюи, Клапрот.

Минералогические труды Д. А. Голицына не могли не привлечь внимания Ленца, по предложению которого в мае 1799 г. проживавший в Брауншвейге русский ученый был избран почетным членом социетета. 13 мая Голицын написал Ленцу: «Милостивый государь, я глубоко признателен Вам за полученный мною диплом почетного члена Минералогического общества в Йене и за письмо, которое Вы были столь любезны написать мне по сему случаю. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение и самую искреннюю благодарность членам этого уважаемого Общества, которые оказали мне честь поданными голосами. Знак их уважения меня очень радует, и я приложу все старания, чтобы быть его достойным и впредь. . . Г. проф. Циммерман любезно взял на себя труд переслать Вам, милостивый государь, 6 экземпляров недавно опубликованной моей работы, касающейся исключительно минералогии. Это мои рассуждения о современном состоянии этой науки в Европе. Если мои предыдущие сочинения на ту же тему смогут Вас заинтересовать, то я позабочусь Вам их послать».¹¹ Голицын имел в виду «Второе письмо Креллю», о котором уже говорилось.

Летом 1799 г. встал вопрос о выборе президента Минералогического общества. Русский аристократ, правда, совсем не богатый, но с блестящей репутацией ученого-минералога и физика был вполне подходящей личностью, чтобы занять почетный и ко многому обязывающий пост главы этой корпорации. Брауншвейгские друзья Голицына, к которым обратился Ленц за содействием, и прежде всего его лечащий врач У. Брюкман, уговорили Дмитрия Алексеевича не отказываться от предложения. 7 июля Ленц известил его, что кандидатура одобрена в высших инстанциях, и 21 июля общее собрание избрало Голицына президентом Йенского минералогического общества.

Ленц и его коллеги не ошиблись в выборе. Голицын отнесся со всей ответственностью к своей новой должности и за оставшиеся четыре года жизни старался ее исполнять как можно лучше, не прерывая при этом своей творческой работы. Можно только сожалеть, что из-за все ухудшавшегося здоровья Голицын не смог побывать

в Йене. Знакомство президента и директора Общества произошло в Брауншвейге, куда приезжал Ленц. В архиве Йенского университета хранятся 25 писем Голицына к Ленцу, вероятно, их было, больше, что говорит о довольно интенсивной переписке между руководителями Минералогического общества.

Голицынские письма в Йену интересны, помимо всего прочего, еще и тем, что в них автор пишет о продолжавшихся связях с Россией, поддерживать которые было не так-то просто при Павле I. В этом плане любопытно письмо от 3 марта 1800 г., в котором Голицын сообщил Ленцу о предстоящем путешествии «опытнейшего химика нашего времени» А. А. Мусина-Пушкина на Кавказ, которому он, Голицын, «не преминул поручить собрать коллекцию красивых минералов для нашего Общества».¹² Через месяц, 3 апреля, Голицын вновь пишет о Мусине-Пушкине в связи с тем, что петербургский химик своими анализами окончательно «проверил и подтвердил» наличие открытого Вокленом и Клапротом хрома в «красной свинцовой руде из Сибири».¹³

Из Брауншвейга в Йену шли не только письма. Русский ученый делился с Минералогическим обществом книгами и минералами из своих собраний, в том числе горными породами, полученными из России. 28 мая 1799 г. Голицын писал Ленцу: «Г. проф. Циммерман дал мне знать, что Вы хотели бы иметь все, что мною опубликовано до сего времени по минералогии. Я был бы рад, милостивый государь, предоставить Вам все эти сочинения, если бы у меня нашлись лишние экземпляры; в настоящее время у меня есть только: „Защитение г. де Бюффона“, „Письмо Креллю“ и два „Письма г. Циммерману“. Что касается моего „Трактата по минералогии“ (вышедшего двумя изданиями, достаточно отличающимися по распределению минералов), то я сам вынес ему приговор, как это Вы можете видеть из моего „Второго письма г. Креллю“. Я ужасно ошибался, думая, что можно уже систематизировать ископаемые согласно их филиации и генезису».¹⁴ Голицын по-прежнему весьма самокритичен. Кстати, это письмо еще раз с очевидностью подтверждает, что памфлет в защиту Бюффона написан Д. А. Голицыным. В библиотеке Йенского университета, куда в свое время перешли фонды Минералогического общества, хранятся шесть трудов русского естествоиспытателя, однако «Défense de Buffon» почему-то нет. В свою очередь Ленц также

посылал Голицыну как минералы, так и свои труды, в том числе изданный в 1796 г. «Mineralogische Handbuch durch weitere Ausführung des Wernerschen Systems», который получил высокую оценку Дмитрия Алексеевича.

В одно из последних обследований плато Шпессарт Голицын обнаружил не известный ему дотоле минерал, образец которого он послал Клапроту на исследование. Анализ, произведенный берлинским химиком, показал, что найденный минерал является разновидностью титановой руды менаканита, или, по современной номенклатуре, ильменорутилом (окисью титана с железом). Голицын отправил в Йену новонайденный минерал с заключением Клапрота. В знак благодарности и по установившемуся обычаю этот минерал Ленц нарек «галлицинитом» (по французской транскрипции фамилии). В письме от 1 июля 1800 г. из курорта Дрибурга в Вестфалии первооткрыватель выразил благодарность своему директору и вместе с тем посоветовал назвать минерал по месту нахождения «шпессартитом».¹⁵ Все же в науке, по крайней мере до конца XIX в., удерживалось наименование, предложенное Ленцом. Так, в французско-немецком минералогическом словаре Панснера сказано: «Галлицинит — по Клапроту, титановая руда»,¹⁶ в Энциклопедии Ларусса: «Галлицинит — минерал, содержащий окись титана с железом, называемый также рутилом».¹⁷ В некоторых справочных изданиях галлицинитом называется госларит — цинковый купорос.¹⁸

Для биографа Д. А. Голицына важное значение имеет его письмо от 16 июня 1800 г. к Ленцу, в котором он просит йенского профессора написать предисловие к его книге, готовой к печати. Речь шла о самой крупной и последней его работе — «Сборнике наименований в алфавитном порядке, принятых в минералогии для земель и камней, металлов и полуметаллов и горных смол. . .». Голицын разъяснял: «Я не имел в виду назвать книгу Словарем, потому что такое заглавие ко многому обязывает, а у меня нет ни сил, ни времени на большее».¹⁹ Книга вышла в свет без предисловия Ленца.²⁰

«Сборник наименований» Голицына, особенно его второе издание, можно поставить в ряд с важнейшими трудами по минералогии, вышедшими на рубеже XVIII—XIX вв. В первом томе коллективной монографии американских авторов «Система минералогии», изданной в 1946 г. (русский перевод вышел в 1950 г.), «Сборник

наименований» Д. А. Голицына приведен в списке основополагающих трудов по минералогии.

В словаре, каковым на самом деле является этот труд, были использованы новейшие взгляды на сущность предмета и собраны почти что исчерпывающие сведения о минералах и горных породах. Можно только поражаться, как тяжело больной человек, прикованный к постели, мог завершить такую обстоятельную работу. В предисловии к второму изданию «Сборника» Голицын писал: «Превосходный „Курс минералогии“ г. де Гаюи, который я ожидал около двух лет, обусловил необходимость нового издания моего „Сборника наименований“ . . . Этот „Курс“ позволил мне осознать мои ошибки. . . Я, не колеблясь, решил руководствоваться этим превосходным трудом как при дефиниции минералов, так и их взаимном сравнении. Я не посмею излагать здесь мое мнение о новой номенклатуре г. Гаюи (кристаллографической, — Г. Ц.); ее обсуждали знаменитые ученые, большинство которых его соотечественники. А когда говорят учителя, ученики должны молчать. Но я переписал номенклатуру кристаллических форм, поскольку кристаллография является самой существенной частью упомянутого труда, и имея в виду, что он еще не получил достаточного распространения в Германии, моя работа может стать полезной тем, кто ее прочтет».²¹

Мы не знаем, какое распространение получил «Сборник» в немецких землях и как отнеслись к нему немецкие ученые. Для нас важно другое. Несколько экземпляров «Сборника» Голицын послал в Петербург, в БАН хранятся оба издания. Препровождая первое издание «Сборника» в Россию, Голицын писал 9 августа 1801 г. президенту Академии наук А. Л. Николаи: «Во время моего пребывания на водах в Дрибурге издатель моего так называемого „Словаря“ г. Циммерман послал Вашему превосходительству 13 экземпляров этого труда, которые он направил через Любек. Прошу Вас, Ваше превосходительство, обязать ученых минералогов нашего отечества откровенно указать мне на ошибки, которые я допустил в этой работе. Я ее рассматриваю как опыт, и критические замечания подлинных знатоков литологии позволят мне выпустить новое издание, которое, таким образом, станет действительно полезной книгой. Я обратился с подобной же просьбой ко всем немецким ученым, имеющим авторские экземпляры моего „Словаря“». ²² Неизвестно, отозвались ли русские минералоги на просьбу Голицына, скорее всего, не

успели, так как второе издание «Сборника» вышло менее чем за год до смерти автора.

Книга Д. А. Голицына не была переведена на русский язык, однако она опосредованно оказала ощутительное влияние на развитие минералогической мысли в России. Обратимся хотя бы к «Подробному словарю минералогическому» В. М. Севергина,²³ к книге, занимавшей видное место среди тех его «произведений, по которым учились русские геологи и минералоги».²⁴ Петербургский академик широко черпал материал из «Сборника» Голицына. Не ссылаясь ни на источник, ни на автора, Севергин текстуально (в переводе на русский) воспроизвел в своем «Словаре» обширные выдержки из «Сборника», так что это сочинение Голицына опять же анонимно, пусть в отрывках, в некотором роде увидело свет на его родине. Ограничимся двумя примерами из множества.

Севергин: «Аквамарин и берилл составляют одно и то же существо, а разложения Вокелена и Шауба,²⁵ как и кристаллографические исследования г. Гаю (Гаюи, — Г. Ц.), доказали, что изумруд перувианский есть также разность аквамарина».²⁶ *Голицын:* «Aigue-marine, Gemma pellucida... L'aigue-marine et le Beril de la Sibirie, sont le même chose, et les analyses de M. Vauquelin et Schaub, de même que les travaux cristallographique de M. Haüy, ont constaté, que l'Emeraude du Perou en etoit aussi une variété, comme je l'avois soutenu dans l'article Emeraude (p. 89) de la 1 edition de ce Recueil».²⁷ Упоминание о первом издании голицынского «Сборника» у Севергина, естественно, отсутствует.

Севергин: «Базальт. Росс., столбчатой камень. . . Писатели не согласуются о причинах призматического вида достопамятного сего камня. Одни приписывают происхождение одного единому действию огня, а другие действию воды. Знаменитый Вернер первое отвергает, утверждая, что оно во всем то же самое, что и происхождение прочих горных пород нашей планеты, и что угловатым видом своим обязан он сжатию вещества, причиненного изсушением оною. Сие мнение однакоже не преодолело, не смотря на множество его последователей: большая часть испытателей природы продолжают почитать базальты и лавы за произведения огня подземного. . .».²⁸ *Голицын:* «Basaltes. . . On n'est point d'accord sur les causes de la forme prismatique de Basaltes; les uns l'attribuent au feu seul, les autres à l'eau. Le célèbre minéralogiste M.

Werner, nie même leur origine volcanique, soutenant qu'elle est en tout la même que celle des autres Roches de notre Planete, et que leur forme polyèdre est due à un retrait de la matière, occasionnée par son déssectement. Cette idée n'a pas prévalu cependant, malgré le nombre de ces partisans: la plupart de naturalistes continuent à regarder les Basaltes et les Laves comme des ouvrages igniformes...».²⁹

Вышеприведенные сличения сделаны не для того, чтобы бросить тень на такого крупного ученого, как В. М. Севергин, тем более, что в предисловии к «Словарю» он писал: «Я охотно признаюсь, что пользовался здесь великою частью исследований иностранных минералогов; но все прилагал рачение мое в выборе их и надлежащем соображении; некоторые статьи принадлежат к собственным моим наблюдениям».³⁰ Заимствования, подобные приведенным образчикам, практиковались, вероятно, многими тогдашними минералогами, что не осуждалось. Жаль только, что в «Словаре» он ни словом не обмолвился о своем соотечественнике. Правда, в своих статьях, опубликованных в «Nova Acta», Севергин отмечал пионерские работы Голицына, в частности исследование плавикового шпата.³¹ Д. А. Голицын в свою очередь в письмах в Академию, например в письме от 7 ноября 1797 г., откликнулся на труды Севергина.³²

Несмотря на свои плодотворные занятия минералогией, Д. А. Голицын не оставался равнодушным к успехам естествознания в других, близких ему областях. Наиболее поразительным научным свершением, современником которого он был в конце жизни, было изобретение химического источника электричества, имевшего непредсказуемые и грандиозные последствия в истории нашей цивилизации. Голицына по праву следует считать первым русским, пытавшимся по горячим следам построить вольтов столб. Как известно, о своем открытии Алессандро Вольта письмом от 20 марта 1800 г. известила президента Лондонского королевского общества Дж. Бэнкса, который огласил эту новость 20 июля. Осенью того же года, когда ученые разных стран с тем или иным успехом конструировали гальванические элементы, Голицын 20 октября сообщил президенту Петербургской Академии наук А. Л. Николаи о своей попытке: «Гальванисты открыли чрезвычайно любопытное электрическое явление. Цинковые пластины, расположенные попеременно с серебрян-

ными пластинами и разделенные влажной фланелью, вызывают удар и даже электрическую искру. Я пробовал произвести опыт с 8 цинковыми и столькими же серебряными пластинами, но он мне не удался; меня, однако, заверили, что нужно иметь, по меньшей мере, по 40 пластин каждого вида. Впрочем, по-моему, все это не является новостью; в третьем письме Вольты Грену³³ сказано, что, применив одну оловянную пластину и одну серебряную, можно в одно мгновение на первом из этих металлов получить положительное электричество, на втором — отрицательное. Правда, здесь нет ни удара, ни искры; но Ваше превосходительство согласится, что эти обстоятельства зависят исключительно от значительного увеличения числа пластин».³⁴ Письмо было оглашено 3 декабря 1800 г.³⁵

Определенно нельзя сказать, пытался ли Голицын собрать вольтов столб из большего количества пластин и получить заметный электрический эффект. Однако есть косвенные указания, что он экспериментировал с этим новым прибором, вероятнее всего собственного изготовления, ибо купить или заказать таковой в Брауншвейге в ту пору было негде и некому. 6 сентября 1801 г. петербургским академиком было зачитано письмо Голицына (оригинал не сохранился), в котором он, сообщая о таком новшестве, как использование химического источника тока в медицине, добавил: «Впрочем, я нахожу в гальванизме гораздо больше сходства с электричеством ската, чем с электричеством машины (трения, — Г. Ц.), и вообще я убежден, что электричество (статическое, — Г. Ц.) и гальванизм — не одно и то же».³⁶ Голицын был близок к истине, когда отождествлял гальванизм с биоэлектричеством рыб,³⁷ но, как и многие его современники, заблуждался, разобщая отдельные виды электричества. Как бы то ни было к этим выводам он, имевший обыкновение делать их только на основании собственных исследований, пришел, надо полагать, эмпирическим путем.

Что касается петербургских ученых, то они только 16 сентября 1801 г. могли своими глазами увидеть в действии вольтов столб из 150 пар серебряных и цинковых пластин, построенный А. А. Мусиным-Пушкиным.³⁸ Мы полагаем, что Мусин-Пушкин, переписывавшийся со своим свойственником Д. А. Голицыным, именно от него узнал подробные сведения об изобретении Вольты.

Будучи президентом Минералогического общества, Д. А. Голицын как и прежде стремился в своих письмах в Петербургскую Академию наук давать правдивую научную информацию, разоблачать никчемные слухи и вымыслы о различных природных явлениях. Вот что он сообщил, например, в письме от 9 августа 1801 г., адресованном Николаи: «Ваше превосходительство слышали о каменном дожде, выпавшем почти два года назад в Зиене (ныне в ФРГ, — Г. Ц.). Я проверил этот факт во время моего небольшого курса лечения, который только что закончил. Событие подлинное, и я имею честь, не мешкая, известить Вас, что в нем нет ничего сверхъестественного. В Геттингене я узнал подробности с трех разных мест наблюдения этого явления. Они согласуются между собой и объясняются физическими причинами без какого-либо добавления чудесного; если, конечно, сама Природа не чудо».³⁹ Весьма примечательная концовка письма!

Из этого же послания мы узнаем о материальных тяготах жизни Д. А. Голицына в Брауншвейге: «Барон Кондоиди был добр послать мне первую треть пенсии за этот год, и я узнал, что две трети за 1800 г. были переданы г. сенатору Козодавлеву.⁴⁰ Этот господин не соблаговолил до сих пор сказать мне об этом хоть слово. . . Сегодня я напишу сенатору Козодавлеву. . . и попрошу переслать мне эти две трети ценным письмом через Гамбург. . . или же передать их Вашему превосходительству или же г. Кондоиди».⁴¹ Вернул ли Козодавлев деньги — неизвестно.

Весьма любопытен постскрипtum все к тому же письму от 9 августа 1801 г., где Голицын уведомлял о высылке своего «Сборника наименований»: «Среди экземпляров моего „Словаря“ Вы найдете латинскую работу по математике одного молодого человека. Я просил г. Циммермана переслать ее Вам, чтобы Вы имели представление об изумительном таланте этого молодого человека. Если наша Академия нуждается в великом математике, то я беру на себя смелость посоветовать Вам, Ваше превосходительство, не упустить его. Он, кажется, из того же теста, из которого Природа сотворила Ньютона и Эйлера».⁴² Голицын имел в виду Карла Фридриха Гаусса, уроженца Брауншвейга и воспитанника Каролинума, затем Геттингенского университета. В 1798 г. возвратившись в родной город, работая там приват-доцентом, Гаусс обогатил науку «Арифметическими исследованиями», напечатанными в 1801 г. Об этой фундаментальной работе «молодого

человека» и писал Дмитрий Алексеевич, который был знаком с Гауссом и мог непосредственно оценить его могучий интеллект. Еще в 1799 и 1800 гг. по просьбе русского ученого Циммерман посылал в Петербург ранние труды Гаусса, но, видимо, они либо не дошли до Академии наук, либо оглашены были после смерти Павла I.

Рекомендация Голицына, подкреплённая последующими ходатайствами друзей Гаусса, возымели действие. Русские ученые высоко оценили «Арифметические исследования» и другие труды брауншвейгского математика, особенно законченную в ноябре 1801 г. работу по вычислению орбиты «потерянной» малой планеты Цереры. 31 января 1802 г. он был избран членом-корреспондентом нашей Академии наук. В тот период она нуждалась в астрономе, который возглавил бы обсерваторию в Кунсткамере (Пулковской еще не существовало). Начались деловые переговоры руководства Академии с Гауссом о его переезде в Россию на очень выгодных условиях.

Стоит здесь добавить, что бременский астроном Генрих Ольберс, открывший Цереру, по данным Гаусса, и затем другую малую планету Палладу, узнав из письма Гаусса от 12 октября 1802 г. о соблазнительных предложениях, сделанных Петербургской Академией наук, приложил все усилия, чтобы отговорить Гаусса от переезда в Россию, что Ольберсу удалось. Как бы то ни было, Д. А. Голицыну первому пришла мысль приобщить Гаусса к русской науке.

Жизнь Дмитрия Алексеевича в Германии, помимо денежных затруднений, усугублялась все ухудшавшимся состоянием его здоровья. Чувствуя приближение конца, он был серьезно озабочен судьбой своей минералогической коллекции и библиотеки. Отправлять все это в Россию при существовавшей в Европе сложной военно-политической обстановке было бы делом весьма ненадежным и дорогостоящим, к тому же именно в это время Голицын вынужден был срочно покинуть дом, в котором жил, и перебраться в более дешевое жилище. Оставался один достойный и приемлемый выход — подарить свои музейные ценности Минералогическому обществу, которое он возглавлял. Нужно ли подчеркивать, с какой радостью Ленц и его сотоварищи восприняли эту новость. Началась новая волна переписки между Брауншвейгом и Йеной.

На письмо Ленца от 3 июля 1802 г. Голицын ответил лишь 29 июля: «Задержка моего ответа. . . была невольной.

Ваше письмо застало меня на смертном одре. Сейчас я выздоравливаю. . . Меня известили, чтобы я дождался любопытного набора теллурических руд, который аббат Арнольд выслал мне из Вены, с тем чтобы преподнести в более полном объеме мою коллекцию нашему почтенному Обществу. Моя коллекция интересна в основном количеством минералов из дальних стран весьма крупных размеров. Например, мой мягкий камень из Бразилии (или эластичный кварц) имеет около двух футов длины (об этом минерале писал Форстер, — Г. Ц.). Бугристый малахит, очень красивый, весит, может быть, больше одного квинтала (100 кг, — Г. Ц.). Жилы берилла (с Урала и Даурии), смешанные немного с желтым и бесцветным топазом, . . . воистину массивны. Зеолиты всех видов; группа турмалинов с хорошо сохранившимися пирамидами; русские камни (или из Лабрадора) огромной величины и др. Хорошо, что перевозку Вы берете на себя, ибо, признаюсь Вам откровенно, мои возможности не позволяют взять на себя издержки». ⁴³

Не все ладилось с передачей имущества, и Голицын торопит Ленца. Вот отрывок из его письма от 8 августа 1802 г.: «Особые обстоятельства принуждают меня настаивать на скором ответе. Я должен покинуть дом, который занимаю здесь в настоящее время. Если Вы принимаете мою коллекцию, то я ее оставляю в доме, который я покидаю, до тех пор, пока Вы ее не заберете. Я повторяю, милостивый государь, моя коллекция неудобна для частного лица, живущего не в большом доме; более всего она подойдет для музея». ⁴⁴ Через месяц, 9 сентября, Д. А. Голицын напишет Ленцу: «Г. Циммерман принял все меры, чтобы без задержки упаковать минералы и отправить Вам. . . Я присоединю к этой партии особый ящик с книгами. Я очень рад, что Вы прислали мне каталог того, чем Вы обладаете; я увидел, что Вам недостает много существенного, и я постарался частично заполнить этот пробел тем, что я Вам вышлю. Вы получите среди прочего полные комплекты *Анналов химии Крелля* и *Beiträge Клапрота*». ⁴⁵

Но Ленцу и этого было «мало». Он просит Голицына прислать его портрет, который украсил бы Минералогический музей в Йене, где центральное место должна будет занимать голицынская коллекция. 29 октября Голицын ответил: «Г. фон Циммерман только что сказал мне, что все минералы упакованы и что они сегодня же будут

Brunswick, le 29. 10bre 1802.

J'ai reçu, Monsieur, la Lettre du 18 de ce mois
dont vous m'avez honoré.
M. de Zimmermann vient de me dire que les Mi-
neraux sont tous emballés, et qu'ils vont être
envoyés aujourd'hui encore chez l'Expéditeur, qui,
à ce que Zimmermann se fadera pas à les faire
partir pour Iéna.

Quant à mon portrait, Monsieur, je vous proteste
que j'aurais été très flatté de la savoir placée dans
le Muséum; mais en vérité je n'en ai point, et je
ne connais aucun Peintre passable actuellement ici.
M. de Zimmermann est dans le même cas.

J'ai l'honneur d'être avec l'estime la plus vraie
et une considération très distinguée,
Monsieur,
Vostre très humble et très
obéissant, Servant,
P. de Galitzin.

Письмо Д. А. Голицына к И. Ленцу от 29 октября 1802 г.

Автограф.

у экспедитора, который, я надеюсь, не замедлит их отправить в Йену. Что же касается моего портрета, милостивый государь, то я уверяю Вас, что мне было бы очень приятно знать, что он помещен в музей; но, право, у меня его нет, и я не знаю здесь ни одного сносного художника». ⁴⁶ Можно только строить догадки о причинах столь скорбного для биографа обстоятельства!

В декабре 1802 г. голицынский груз весом 1850 кг был доставлен в Йену, где его коллекция заняла видное место в Минералогическом музее, который находился на втором этаже старого герцогского замка. За неделю до смерти, 8 марта 1803 г., Голицын писал Ленцу, и это была, вероятно, последняя в его жизни рукопись: «Я полагаю, милостивый государь, что в настоящее время все минералы моей коллекции распакованы и находятся у Вас. Прошу Вас побеспокоиться разместить их теперь согласно системе

Гаюи и не мучиться, стараясь сохранить порядок, в котором они были раньше. Я уже имел честь Вам говорить, что у меня не было досуга этот порядок изменить, но тем не менее я в последнее время ощущал крайнюю необходимость в этом. И поскольку моя коллекция содержит почти все, что известно о минералах, предлагаемая мною система существенно облагородит ее, придаст более ясности. Я прошу Вас также не забыть о моей просьбе относительно маленького кусочка самородного железа Палласа,⁴⁷ который очутился в коллекции. Он не принадлежит мне, и я его упаковал по рассеянности с другими минералами. Это, конечно, мелочь, но мне надоедают с его возвращением». ⁴⁸ И в этом, и в ряде предыдущих писем сквозила понятная забота о сохранности и целостности собрания минералов, о том, чтобы оно было полезно людям.

Гете подолгу жил и работал в соседней с Веймаром Йене, где наиболее плодотворно проявлялись его естествоведческие наклонности. Будучи страстным собирателем минералов, он, конечно, был наслышан о голицынской коллекции. Присутствуя по долгу службы при распаковке ящиков из Брауншвейга, Гете не мог не изумиться щедрому дару русского ученого. В «Годовых итогах» поэт запишет за 1802 г.: «Знаменитый кабинет минералов князя Голицына, . . . доставленный в Йену и разложенный по желаемому им порядку, . . . придал и без того богатому Музею новый блеск». Несколько превратно расценивая мотивы, заставившие Д. А. Голицына расстаться с своими минералами, Гете отметил в 1803 г., уже после смерти дарителя, когда его избрали преемником Голицына на посту президента Минералогического общества: «Голицын. . . постарался быть признательным за честь преподаваемого ему президентства принесением в дар основанному Ленцем Минералогическому обществу своего богатого кабинета». ⁴⁹ Увы, тайный легационный советник фон Гете не смог постичь высоких помыслов русского естествоиспытателя!

Вопреки предположению ряда исследователей, нами установлено, что Гете и Голицын лично не были знакомы. Однако Амалия Голицына была представлена писателю, когда та в сопровождении своих мюнстерских друзей в 1785 г. посетила Веймар. Гете в свою очередь в 1793 г. во время путешествия по Нижнему Рейну был гостем княгини в Мюнстере. Они переписывались. Гете настолько расположил ее к себе, что она передала ему на длительное

«любование» коллекцию античных камней, собранную ее мужем. Коллекция была возвращена в 1797 г., правда, не без напоминаний.

Голицына почтили и официальной благодарностью. Герцог Карл Август подписал составленный Гете документ, в котором есть такие строки: «Это учреждение (Минералогическое общество, — Г. Ц.), начавшее с малого и достигшее прочного существования, исключительно Вам, милостивый государь, обязано тем уважением и блеском, которые его теперь отличают среди других подобных учреждений. Вы не только благоволили принять на себя бремя должности президента, чтобы помогать Обществу Вашими знаниями, но Вы проявили излишек доброты, даря великолепную коллекцию, вдвойне интересную как по ценности и редкости экземпляров, так и по искусству знатока, который их собрал».⁵⁰

Вернемся к письму Д. А. Голицына от 8 марта 1803 г.: «Мой последний „Сборник минералогических наименований“ был признан в Петербурге столь полезным для науки, что Вольное экономическое общество этого города послало мне Золотую медаль и другую Серебряную в знак своего одобрения».⁵¹ Голицын ошибался. На торжественном собрании, состоявшемся 29 ноября 1802 г. в годовщину основания ВЭО, Д. А. Голицын был награжден серебряной медалью.⁵² Увидел ли он эту медаль своими глазами, неизвестно.

Дмитрий Алексеевич Голицын скончался 4/16 марта 1803 г. от горловой чахотки в Брауншвейге и похоронен там же 9/21 марта на кладбище при церкви св. Николая. Могила не сохранилась, так как церковь была полностью разрушена во время минувшей войны.⁵³

17/29 апреля 1803 г. непрременный секретарь Петербургской Академии наук Н. И. Фусс сообщил коллегам о смерти Д. А. Голицына и сказал, в частности: «Академия потеряла в его лице деятельного и весьма усердного члена, который был ей полезен постоянной корреспонденцией и который до последней минуты своей жизни чтит тесные узы, связывающие его с нашей Академией со дня его избрания почетным членом 13 октября 1778 г. . . . Среди его последних и наиболее важных работ „Минералогический словарь, или Сборник наименований в алфавитном порядке, принятых в минералогии“, . . . который вышел двумя изданиями менее чем за два года».⁵⁴ Краткие некрологи появились в некоторых научных журналах.

Во время посещения Йены автор навел справки о судьбе минералогической коллекции Голицына. Она постепенно растворилась в экспозициях Йенского минералогического музея. В 90-х годах XIX в. Минералогическое общество распалось, и после 1908 г., когда снесли герцогский замок, для коллекции не нашлось хозяина; 35 000 образцов минералов и по сей день покоятся в одном из складских помещений Йенского университета.

Автор счел бы свою задачу выполненной, если бы эта книга способствовала тому, чтобы память о Д. А. Голицыне не замшела окончательно в архивных документах и его труднодоступных научных трудах.

¹ Ученик и сотрудник Эпинуса по Ростокскому университету Вилке в 1757 г. переехал в Швецию и был назначен профессором физики тамошней Академии наук. Он известен своими исследованиями в области электричества, но главным образом тем, что ввел понятие об удельной теплотемкости и разработал методы ее измерения (1782 г.).

² Архив Шведской Академии наук, KVA, Protokoll, 17. 5. 1788; MS Wilcke J. C. Brev till Gallitzin.

³ Там же, MS Wilcke J. C. Brev från D. Gallitzin, 12. 2. 1789.

⁴ Там же, Brev från D. Gallitzin, 1. 2. 1792; Lindroth S. Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens Historia 1739—1818. Stockholm, 1967, s. 174.

⁵ О том, что Д. А. Голицын являлся членом общества Леопольдины, автору сообщили по телефону из Галле (свидетельство № 989).

⁶ Архив Лондонского королевского общества (без шифра), л. 1, 2 (ксерокопия).

⁷ С 1771 по 1792 г. Тук был капелланом англиканской церкви в Кронштадте и Петербурге, где подружился с Фальконе. Тук много сделал для англо-русского культурного сближения. В 1785—1787 гг. он поместил в лондонском «Gentleman's Magazine» серию очерков о путешествии по Украине и Крыму. По возвращении на родину Тук опубликовал несколько историко-географических этюдов о России (*Cross A. The 1780 s: Russia under western eyes. Norwich, 1981, p. 12, 13*).

⁸ Голицын Д. А. О очищении зараженного воздуха: Выписка из сочинения де Морво. — Труды ВЭО, 1802, ч. 54, с. 132—144.

⁹ В 1904—1908 гг. замок был снесен и на его месте построены новые университетские корпуса, составившие обширный архитектурный ансамбль в центре Йены.

¹⁰ Franke H. Die Entwicklung der Mineralogie an der Universität Jena im Zeitraum von 1782 bis 1832. — Wiss. Ztschr. Friedrich—Schiller Univ., Math.-Nat. R., 1976, N 2, S. 159—163.

¹¹ UAJ BM, № 336, л. 1.

¹² Там же, № 502, л. 1.

¹³ Там же, № 517, л. 1.

¹⁴ Там же, № 354, л. 1, 1 об.

¹⁵ Там же, № 568, л. 2.

¹⁶ Pansner J. H. L. Dictionnaire Mineralogique français-allemand contenant un Catalogue des noms français et allemand des minéraux. Jena, 1802, p. 69.

¹⁷ Larousse P. Grand Dictionnaire universel de XIX-e siècle. T. 8. Paris, 1865, p. 967.

- ¹⁸ Технический французско-русско-немецко-английский словарь. Т. 1. СПб., 1881, с. 521.
- ¹⁹ УАЖ ВМ, № 557, л. 1.
- ²⁰ *Gallitzin D.* Recueil de noms par ordre alphabétique appropriés en Minéralogie aux terres et pierres, aux métaux et demi métaux et au bitume... Brunsvik, 1801, p. 320; Nouvelle edition. Brunsvik, 1802, p. 316 (далее: *Recueil*, 1802).
- ²¹ *Recueil*, 1802, p. I.
- ²² ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 73, л. 126.
- ²³ *Севергин В. М.* Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребляемых слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия. Т. 1. СПб., 1807 (далее: *Севергин*).
- ²⁴ *Тихомиров В. В.* Геология в России первой половины XIX в. Ч. 2. М., 1963, с. 266.
- ²⁵ Иоганн Шауб — касельский фармацевт и химик.
- ²⁶ *Севергин*, с. 50.
- ²⁷ *Recueil*, 1802, p. 5.
- ²⁸ *Севергин*, с. 117.
- ²⁹ *Recueil*, 1802, p. 117.
- ³⁰ *Севергин*, с. V.
- ³¹ *Sewerguin B.* Observations sur quelques spats fluors de Nertchin-sky. — *Nova Acta*, 1793/1798, 11, p. 382.
- ³² ЛО ААН, оп. 3. № 72. л. 224 об.
- ³³ Фридрих Грен — немецкий физик, издатель журнала.
- ³⁴ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 73, л. 55.
- ³⁵ Протоколы, IV, с. 871.
- ³⁶ Там же, с. 931.
- ³⁷ Подробнее см.: *Лаздин А. В., Протасов В. Р.* Электричество в жизни рыб. М., 1977, с. 86.
- ³⁸ *Раскин*, 1981, с. 61.
- ³⁹ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 73, л. 128.
- ⁴⁰ Осип Петрович Козодавлев — советник при президенте Академии наук; Кондонди — чиновник Академической канцелярии.
- ⁴¹ ЛО ААН, ф. 1, оп. 3, № 73, л. 127.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ УАЖ ВМ, № 858, л. 1, 2 (письмо написано под диктовку или же переписано аккуратным почерком; подпись Голицына).
- ⁴⁴ Там же, № 864, л. 1.
- ⁴⁵ Там же, № 873, л. 3.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Палласово железо — метеорит массой около 650 кг, найденный в 1749 г. и повторно Палласом в 1771 г. на правом берегу реки Убей, притока Енисея. В 1777 г. основная масса метеорита была доставлена в Петербургскую Академию наук. Небольшие его куски разными путями попали в лаборатории зарубежных ученых. В 1794 г. немецкий физик Эрнст Хладни выдвинул гипотезу о космическом происхождении метеоритов.
- ⁴⁸ УАЖ ВМ, № 923, л. 1, 2.
- ⁴⁹ *Goethe.* Poetische Werke: Autobiographischen Schriften. В, № 887, л. 1. 16. Berlin, 1981, S. 99, 100.
- ⁵⁰ *Дурылин С.*, с. 100.
- ⁵¹ УАЖ ВМ, № 923, л. 2.
- ⁵² Новое продолжение Трудов ВЭО, ч. 55, 1803, с. 364.
- ⁵³ Справка от 20 июня 1980 г. Городского архива Брауншвейга.
- ⁵⁴ Протоколы, IV, с. 1073.

Основные даты жизни и деятельности Д. А. Голицына

- 1734 15/26 мая — в Петербурге (в сельце Спасское Московского уезда?) родился Дмитрий Алексеевич Голицын.
- 1740—1750 — обучение в Кадетском корпусе; служба в Коллегии иностранных дел.
- 1760 — направлен на дипломатическую работу в российское посольство в Париж.
- 1763 6 ноября — назначен посланником в камер-юнкерском звании при Версальском дворе.
- 1767 10 января — избран почетным членом Петербургской Академии художеств;
- декабрь — отозван из Франции.
- 1768 14 августа — вступил в брак с Амалией фон Шметтау в Ахене;
- октябрь — возвращение на родину, непродолжительное пребывание в России.
- 1769 — тайный советник и камергер; назначен посланником в Голландию, переезд в Гаагу;
- 7 декабря — родилась дочь Марианна.
- 1770 22 декабря — родился сын Дмитрий.
- 1760—1771 — письма по крестьянскому вопросу А. М. Голицыну.
- 1775—1777 — начало научно-исследовательской деятельности.
- 1777 15 октября — избран членом-директором Голландского общества наук.
- 1778 3 апреля — избран иностранным членом Брюссельской Академии наук и изящной словесности;
- 13 октября — избран почетным членом Петербургской Академии наук.
- 1780 — разрыв с женой.
- 1782 — отозван с поста посланника в Гааге;
- 24 ноября — награжден орденом св. Анны I степени; назначен посланником в Турин.
- 1783 — отказ ехать в Турин, отставка.
- 1788 17 мая — избран иностранным членом Шведской Академии наук.
- 1793 16 января — избран иностранным членом Берлинской Академии наук.
- 1795 — переезд в г. Брауншвейг; издание трудов по минералогии;
- 20 октября — избран членом «Леопольдины».
- 1798 19 апреля — избран иностранным членом Лондонского королевского общества;
- избран членом ВЭО.
- 1799 13 мая — избран почетным членом Минералогического общества в Йене.
- 1799 21 июля — избран президентом Минералогического общества.
- 1801—1802 — издание Минералогического словаря.
- 1802 29 ноября — награжден Серебряной медалью ВЭО.
- 1803 4/16 марта — скончался в Брауншвейге.
- 9/21 марта — похоронен там же.

Принятые сокращения

- АВПР — Архив внешней политики России.
БАН — Библиотека Академии наук СССР.
ВИЕТ — «Вопросы истории естествознания и техники».
ВЭО — Вольное экономическое общество в Петербурге.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
ОР — Отдел рукописей.
Протоколы — Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. I—IV. СПб., 1897—1911.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
РА — «Русский архив».
РС — «Русская старина».
Сборник РИО — Сборник Русского исторического общества.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
Acta — Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.
ААВ — Архив Брюссельской Академии наук.
АНМВ — Архив Голландского общества наук в Харлеме.
АПС — Американское философское общество.
ВРЛ — Библиотека Лейденского государственного университета.
KVA Protokoll — Протоколы Шведской Академии наук.
MS W̄lcke J. C. — Архив Шведской Академии наук, фонд Вильке.
Nova Acta — Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.
UAJ ВМ — Архив Йенского университета, фонд Минералогического общества.

Указатель имен

- Аббей Беарде де, Abbeye В. (ум. 1771) 63
Август (63 до н. э.—14 н. э.) 46
Агрикола Георгий (1494—1555) 153
Адамс Джон (1735—1826) 47, 48
Адамс Джон Куинси, Adams J. Q. (1767—1848) 52
Александр I (1777—1825) 86, 102, 126
Александрова В. И. 6
Алексей Петрович (1690—1718) 10
Алламан Жан (1713—1787) 113, 129, 150
Алферов А. Д. (р. 1862) 50
Альбина Л. Л. 7, 51
Аникин А. В. 73
Анна Васильевна 8
Анна Ивановна (1693—1740) 13, 14, 16
Араго Франсуа (1786—1853) 94, 127,
Ашар (Ахард) Франц (1753—1821) 100, 106, 117, 120, 124
Баженов В. И. (1737—1799) 37
Бак И. С. 57, 67, 73, 74
Бакунин П. В. (1725—1782) 45
Бантыш-Каменский Д. Н. (1788—1850) 52
Бантыш-Каменский Н. Н. (1737—1814) 50
Барневельд Вилем ван (1747—1826) 86
Бяратинский И. С. (1740—1811) 91
Базр Шарль (1751—1825) 23
Безбородко А. А. (1747—1799) 47
Бейль Пьер (1647—1706) 77
Бейль Пьер (1647—1706) 77
Беккариа Джамбаттиста (1716—1781) 80
Белов М. И. 52
Бергман Торберн (1735—1784) 124, 141
Бернарден де Сен-Пьер Жак (1737—1814) 22
Бертолле Клод (1748—1822) 129
Бертран Жан, Bertran J. (1737—1779) 62, 74
Бестужев-Рюмин М. П. (1688—1760) 16
Бетехтин А. Г. (1897—1962) 134
Бецкой И. И. (1704—1795) 33, 58
Блюментрост Л. Л. (1692—1755) 78
Бобровский П. С. (1832—1905) 49
Боваль Банаж де (1656—1710) 77
Болховитинов Е. А., митрополит Евгений (1767—1837) 75, 154
Болховитинов Н. Н. 44, 45, 52
Борн Игнац, Vogt I. (1742—1791) 118, 119, 123, 137—140, 152
Брауншвейгский Карл (1735—1806) 157
Бретейль Луи (1733—1807) 18, 19
Бройн И. Г. де 7
Бругманс Антониус (1732—1789) 81
Брюкман Урбан (1728—1812) 160
Булгак И. В. 8
Бунге Мортен (1764—1815) 155, 156
Бунге Свен (1731—1801) 155
Бургаве Герман, Voerhaave Н. (1668—1738), 58, 73, 78, 88, 121
Буше Франсуа (1703—1770) 26
Бэкман К. 7

- Бэкон Фрэнсис (1561—1626) 81, 126
 Бэнкс Джозеф (1743—1820) 87, 165
 Бюлер Ф. А. (1821—1896) 51
 Бюффон Жорж, Buffon G. (1707—1788) 26, 54, 122, 123, 135, 137, 143—151, 154, 161
- Вайи Шарль де (1730—1798) 37, 51
 Валии Эудженио (1762—1816) 110
 Валь Фолькер 7
 Вальх Иоганн (1725—1778) 159
 Ванлоо Луи (1707—1771) 26
 Ванлоо Карл (1705—1765) 26, 79
 Василий I Дмитриевич (1371—1425) 8
 Василий III Иванович (1479—1533) 8
 Вашингтон Джордж (1732—1799) 43, 47
 Величковский Д. 148
 Венгеров С. А. (1855—1920) 89, 126
 Вернадский В. И. (1863—1945) 152, 153
 Вернадский Г. В. (1887—1973) 51
 Вернер Абрам (Абрахам), Werniger A. (1750—1817) 132—134, 137, 159, 164
 Веструмб Иоганн (1751—1819) 118
 Виланд Кристоф (1733—1813) 157
 Виленкин Б. Я. 51
 Вильгельм V Оранский (1748—1806) 42, 43, 45
 Вильке Иоганн, Wilcke J. (1732—1796) 80, 155, 156, 173
 Вильсон Бенджамин (1721—1788) 106
 Виттенбург Е. П. 7
 Воклен Луи, Vauquelin L. (1741—1805) 119, 120, 123, 161, 164
 Воллан Софи (1716—1784) 40
 Вольта Алессандро (1745—1827) 80, 86, 87, 165, 166
 Вольтер Мари, Voltaire M. (1694—1778) 22, 25, 29, 35—38, 51, 56, 63, 64, 70, 74, 112
 Вольф Франц (1747—1804) 80
- Воронцов М. И. (1714—1767) 16
 Высоцкий Б. П. 152
 Вьен Жозеф (1716—1809) 34
- Габлиц К. И., Gablitzl K. (1752—1821) 73, 74
 Гагарин М. П. (ум. 1717) 12
 Гагарин С. В. (1713—1782) 14, 65
 Гальвани Луиджи (1737—1798) 110, 111
 Гамильтон Вильям (1730—1803) 144
 Гаррис Джеймс (1746—1820) 43
 Гарцман А. 7
 Гаубиус Иеронимус, Gaubius H.D. (1705—1780) 89, 113
 Гаусс Карл (1777—1855) 167, 168
 Гаюи (Аюи) Рене, Haüy R. (1743—1822) 133, 141, 152, 160, 163, 164, 171
 Гедда Петер (1737—1814) 155
 Гедимин, князь (ум. 1348) 8
 Гельвеций Клод (1715—1771) 27, 54, 68—70, 74
 Геннади Г. Н. (1826—1880) 75, 154
 Гердер Иоганн (1744—1803) 157
 Герцен А. И. (1812—1870) 8, 42, 52, 121
 Гете Иоганн, Goethe J. (1749—1832) 5, 52, 139, 152, 157, 159, 160, 171, 172, 175
 Геттон Джеймс (1726—1797) 139
 Глинка Ф. Н. (1786—1880) 66
 Гмелин Иоганн (1709—1755) 22, 71
 Гмелин Самуил (1743—1774), 73
 Годовиков А. А. 134
 Голица М. И. (ум. 1554) 8
 Голицын А. А. (1632—1694) 9, 12
 Голицын А. А., брат (1733—1793) 9, 12, 15
 Голицын А. Б. (р. 1680) 9
 Голицын А. И., отец (1707—1739) 9, 11—13
 Голицын А. М. (1718—1783) 71, 72
 Голицын А. М. (1723—1807) 6, 9, 13, 16—18, 27, 28, 31, 34—37, 44, 47, 57, 62, 63, 69, 73
 Голицын А. П. (1824—1875) 42
 Голицын Б. А. (1641—1713) 9, 12
 Голицын Б. Б. (1862—1916) 128
 Голицын В. В. (1643—1714) 16, 22

- Голицын Д. Д. (Смит А.), сын (1770—1840) 9, 40—43, 52
 Голицын Д. М., верховник (1665—1737) 16
 Голицын Д. М. (1721—1793) 15, 16, 36
 Голицын И. А., дед (1658—1729) 9, 10, 12, 13
 Голицын И. А., брат (1729—1767) 12, 15
 Голицын И. В. 6
 Голицын М. М. старшой (1675—1730) 9, 50
 Голицын М. М. меньшей (1684—1764) 50
 Голицын М. М., историк 49
 Голицын Н. Н. (1836—1893) 8, 49
 Голицын П. А. (1660—1722) 16
 Голицын П. А., брат (1731—1810) 9, 12, 15, 19, 48, 52, 115
 Голицын П. А., католик 42
 Голицын С. Д. (1696—1738) 16, 91
 Голицын Ф. А., брат (1732—1782) 9, 12, 15
 Голицына А. Н. 157
 Голицына А. П. (Прозоровская), бабка (1665—1729) 9, 10, 11
 Голицына А. С. (фон Шметтау), жена (1748—1806) 39—42, 171
 Голицына Д. В. (Гагарина), мать (1708—1774) 12, 13
 Голицына М. Д., дочь (1769—1824) 40
 Головина Е. А. (Голицына), сестра (р. 1735) 12
 Гольбах Поль (1723—1789) 27
 Гордеев Ф. Г. (1744—1810) 37
 Горяинов П. Ф. (1796—1865) 132, 134, 152
 Госс Петер 69
 Гравезанд Якоб (1688—1742) 78, 121
 Грандюль А. 7
 Грѣз Жан (1725—1805) 26
 Грен Фридрих (1760—1798) 166, 174
 Гримм Мельхиор (1723—1807) 23, 26, 32, 51, 64
 Грузинский А. Е. (р. 1858) 50
 Гумбольдт Александр (1769—1859) 122, 132
 Густав III (1746—1792) 156
 Гюйгенс Христиан (1629—1695) 78
 Д'Аламбер Жан (1717—1738) 21, 24—28, 30, 32, 38, 54
 Дантан Пьер (1750—1780) 92, 100
 Дашкова Е. Р. (1744—1810) 89, 110, 115, 116
 Дейман Ян (1743—1808) 88
 Дейна Фрэнсис (1743—1811) 47, 52
 Декарт Рене (1596—1650) 77
 Делабр Жан (1749—1822) 126, 155
 Делиль Жозеф (1688—1768) 23
 Делиль де ла Кройер Луи (1690—1741) 23
 Делюк Жан, Deluc J. (1727—1817) 144—151, 154
 Демаре Никола (1725—1815) 109, 144
 Демидов П. А. (1710—1786) 41
 Деффан Мари (1697—1780) 25, 28
 Джеджула К. Е. 129
 Джефферсон Томас (1743—1826) 43
 Джонс Х. 105
 Джуа Микеле (1889—1966) 87, 126, 129
 Ливиш Прокон (1698—1765) 94, 127
 Дидро Дени, Diderot D. (1713—1784) 21, 25—27, 30, 32—34, 40, 41, 51, 54, 64, 74, 112
 Долгова С. Р. 7, 51
 Доломье Деодат, Dolomieu D. (1750—1801) 113, 124, 129, 144
 Домашнев С. Г. (1743—1795) 95, 97
 Дорѣ Клод (1734—1780) 22
 Дорфман Я. Г. (1898—1974) 126, 129
 Дубровский П. П. (1754—1816) 21
 Дурылин С. Н. (1877—1954) 5, 174
 Дэви Гемфри (1778—1829) 119
 Дюкло Шарль (1704—1772) 54
 Дюпон де Немур Пьер (1739—1817) 54
 Дюринг Евгений (1833—1921) 55
 Дюфе Шарль (1698—1739) 80
 Елагин И. П. (1725—1794) 38
 Екатерина I (1684—1727) 10
 Екатерина II (1729—1796) 19, 20,

24, 29, 32, 35, 38, 39, 40, 44, 45, 47,
51, 57, 58, 64, 69, 70, 74, 112, 147
Елизавета Петровна (1709—1762)
13, 15, 20, 58

Жиро-Сулави (1752—1813) 144
Жоффрен Мари (1699—1777)
24, 25, 28, 35, 54, 64
Жюссиё Бернар (1699—1777) 155

Захаров Я. Д. (1765—1836) 116
Зикинген Карл (1707—1787) 118,
124
Зубов А. Ф. (1683—после 1750) 9,
49

Иберти 110, 111
Ивакин А. А. 152
Иван IV Грозный (1530—1584) 8
Иван V (1666—1696) 10, 49
Ильин М. А. 49
Ингенхоус Джон (1730—1799)
110, 128

Йорк Джон 43

Кавалло Тибериус (1749—1842)
100

Каверзнев А. А. 147
Каганович А. Л. (1918—1976) 51
Кайяр 109
Каменский Г. 153
Кампер Петер (Пьер), Самрег Р.
(1722—1789) 89, 121, 122, 132,
135, 150

Канаев И. И. 149, 152, 154
Кантемир А. Д. (1708—1744) 28
Каравак Луи (ум. 1754) 22
Каразин В. Н. (1773—1842) 101,
102, 128

Карамзин Н. М. (1766—1826) 20,
26, 50, 59, 74
Каржавин Ф. В. (1745—1812)
38, 51

Карл Август (1757—1828) 157,
159, 172

Кастильон Джан (1708—1791)
107, 108, 128

Кедрин П. 148

Кенё Франсуа (1694—1774) 27,
53—55, 59, 67

Кералио Луи (1731—1793) 71, 72,
92

Кирван Ричард (1733—1802) 141
Клапрот Мартин (1743—1817)

118, 119, 120, 123, 124, 137, 140,
160, 161, 162, 169

Климент XIII (1693—1769) 28, 68
Ключевский В. О. (1841—1911)
50

Кнакштедт Ф. 7

Кобенцль Карл (1712—1770) 34
Козлов В. П. 50

Козодавлев О. П. (1754—1819)
167, 174

Колло Мари (1748—1821) 34
Кольчев С. А. (1746—1805) 116

Комелова Г. Н. 49
Кондоиди Н. И. 167, 174

Копелевич Ю. Х. 7, 50, 126
Коробочко А. И. 50

Крафт Л. Ю. (1743—1814) 95,
100, 116, 117

Краценштейн Х. Г. (1723—1795)
100

Крашенинников С. П. (1711—
1755) 142

Кребильон Клод (1707—1777) 25
Крель Лоренц, Grell L. (1744—
1816) 119, 125, 140, 152, 153,
157, 160, 161, 169

Кристиан VII (1766—1808) 60
Крозá Пьер (1696—1740) 34

Кронштедт Аксель (1722—1765)
141

Кросс Энтони, Cross A. 7, 173
Кроуфорд Эдер (1749—1795) 120

Крузенштерн И. Ф. (1770—1846)
130

Кук Джеймс 1728—1779) 121
Кулибин И. П. (1735—1818) 105,
128

Кулон Шарль (1736—1806) 83
Куракин А. Б. (1752—1808) 24, 43

Куракин Ф. А. 50, 52
Кэррол Джон (1735—1815) 42

Кэтбертсон Джон (1743—1806) 84
Кювье Жорж (1769—1832) 121,
152

Кючарианц Д. А. 37, 51

Лавуазье Антуан (1743—1794)
26, 87, 88, 114, 115—118, 129

Лагарп Жан (1739—1803) 22
Лаздин А. В. 174

Лаланд Жозеф (1732—1807) 26
Ламбер де (1647—1733) 24

Ламотт Антуан (1672—1731) 25
Лаплас Пьер (1749—1827) 26

Леблон Жан (ум. 1719) 22

- Левицкий Д. Г. (1735—1822) 17
 Лейбниц Готфрид (1646—1716) 77
 Ленин В. И. (1870—1924) 62, 74
 Лендорф Эрнст (1727—1811) 34
 Ленц Иоганн (1745—1832) 159—162, 168—171
 Лепехин И. И. (1740—1807) 73, 116
 Лепинас Жюли (1732—1776) 25
 Лепот Гортензия (1723—1788) 27
 Ливингстон Роберт (1746—1813) 48
 Линней Карл (1707—1778) 122
 Лионне Петер (1707—1789) 132, 152
 Лисянский Ю. Ф. (1773—1837) 130
 Лихтенберг Георг, Lichtenberg G. (1744—1799) 80, 98, 126, 157
 Ловиц Т. Е. (1757—1804) 116, 120, 125
 Ломоносов М. В. (1711—1765) 22, 56, 78, 80, 95, 100, 121, 126, 129, 147
 Лосенко А. П. (1737—1773) 37
 Льюэци М. 129
 Люблинская А. Д. 51
 Людовик XIV (1638—1715) 21
 Людовик XV (1710—1774) 17—19, 28, 30, 53, 91
 Людовик XVI (1754—1793) 55
 Льюлофс Иоханнес (1711—1768) 89, 109

М
 Мабли Габриель (1709—1785) 27
 Магеллан Жоао (1722—1790) 59, 90, 92, 113, 114
 Магницкий М. Л. (1778—1844) 38
 Макашин С. 21, 50
 Максвелл Джеймс (1831—1879) 80
 Манн Теодор (1735—1809) 104, 105, 108
 Маргграф Андреас (1709—1782) 120
 Мариве Этьен (1728—1794) 149
 Мариньи Абель (1727—1781) 33
 Мария Терезия (1717—1782) 103
 Марк Аврелий (121—180) 36, 37, 51
 Маркс Карл (1818—1883) 26, 50, 73, 130
 Мармонтель Антуан (1723—1799) 25, 27, 53
 Марум Мартин ван, Marum M. (1750—1837) 83—88, 90, 103, 109—111, 114—117, 121, 126, 129, 131, 156
 Матвеев А. А. (1666—1728) 20, 43
 Матвеев А. М. (1704—1739) 10, 11
 Меншиков А. Д. (1673—1729) 14, 22
 Менье Жан (1754—1793) 114, 129
 Мерси Аржанто Флоримон (1727—1794) 108
 Мерсье де ла Ривьер Поль (1720—1793) 54, 64, 67, 74
 Месмер Франц (1734—1815) 82
 Метери Жан (1743—1817) 147
 Миддлтон У. Э. К. 153
 Миллер Г. Ф., Müller G. F. (1705—1783) 8, 9, 22, 49, 77
 Мирабо Виктор (1715—1789) 27, 54, 67
 Мирабо Оноре (1749—1791) 27
 Миролюбова Г. А. 7
 Михаил Федорович (1596—1645) 11
 Мнишек Михал (1748—1806) 62, 74
 Моисеенко Ф. П. (1754—1781) 140, 153
 Монкретьен Антуан (1575—1621) 53
 Монтескье Шарль (1689—1755) 25, 28, 50, 64, 77
 Морво Гиттон де (1737—1816) 173
 Морков А. И. (1747—1827) 48
 Московченко Н. Я. 7
 Муловский Г. И. (1757—1789) 122
 Мушенбрек Петер ван (1692—1761) 78, 121
 Мусин-Пушкин А. А. (1760—1805) 89, 125, 130, 157, 161, 166
 Мюллер Ференц (Франц) (1740—1825) 119, 124

Н
 Наполеон I (1769—1821) 74
 Натье Жан мл. (1685—1766) 26
 Нидхэм Жан (Джон) (1713—1781) 27, 102
 Николаи А. Л. (1737—1820) 163, 165, 167

- Николай I (1796—1855) 38
 Новиков Н. И. (1744—1818) 8
 Нолле Жан (1700—1770) 80, 91
 Ньёпор Шарль (1746—1827) 149
 Ньюланд Петер (1764—1794) 88
 Ньютон Исаак (1643—1727) 167
- Ольберс** Генрих (1758—1840) 168
Ольдекоп И. Ф. 97
Орешкин В. В. 73, 74
Остерман И. А. (1725—1811) 44, 47, 91
- Павел I** (1754—1801) 24, 30, 46, 112, 127, 161, 168
Палисси Бернар (1499—1589) 141, 153
Палиссо Шарль (1730—1814) 71
Паллас П. С., Pallas P. S. (1741—1811) 22, 73, 131, 138, 147, 150, 152, 171, 174
Панин Н. И. (1718—1783) 33, 44, 45, 64
Панин П. И. (1721—1789) 21, 64
Панкук Шарль (1736—1798) 69
Панснер Лоренц, Pansner L. (1777—1851) 159, 162, 174
Пармантье Огюст (1737—1813) 151
Патрикей 8
Пейреск Никола (1580—1637) 132, 152
Пекарский П. П. (1827—1872) 49, 70
Петр I (1672—1725) 10—12, 16, 20, 22, 23, 33—35, 42, 72, 77, 78
Петр II (1715—1730) 13
Петр III (1728—1762) 18, 29
Печерин В. С. (1807—1885) 42
Пеэп Л. Е. 6
Пигаль Жан (1714—1785) 37
Пинто Исаак 146, 153
Планта Мартин 157
Плиний Старший (23—79) 36, 37, 50
Поленов А. Я. (1738—1816) 63
Помпадур Жанна (1721—1764) 53, 54
Потемкин Г. А. (1739—1791) 73
Прасковья Федоровна (1664—1723) 49
Пристли Джозеф (1733—1804) 90, 113
Прозоровский С. В. (ум. 1660) 10
Протасов В. П. 174
- Пушкин** А. С. (1799—1837) 51, 74, 153
Пфафф Христиан (1773—1852) 87
Пыпин А. Н. (1833—1904) 51, 72, 74
Пэп Ж. Л. де 7
- Рааб** Э., Raab E. 119, 123, 138, 152
Райнов Т. И. (1888—1958) 89, 126, 148, 154
Раскин Н. М. 128—130, 153, 174
Раст X. 143, 153
Рачинский А. В. (ум. 1876) 57, 73, 74
Рембрандт Харменс (1606—1669) 34
Рио Мануэль дель (1765—1849) 124
Рихман Г. В. (1711—1753) 78, 91, 95, 128
Ровинский Д. А. (1824—1895) 52
Роджерс П. 105
Розье Франсуа, Rozier F. (1734—1793) 147
Рома Жак де (1713—1776) 99
Ромэ Делиль Жан (1736—1790) 133
Румфорд (Томпсон) Бенджамин (1753—1814) 90
Румянцев Н. П. (1754—1826) 19, 41, 67
Румянцев П. А. (1725—1796) 19, 71
Румянцев С. П. (1755—1838) 41
Рупрехт Антон (Антал) (1750—1810) 118, 119, 124
Руссо Жан Жак (1712—1778) 25, 27
- Саварези** Андреа (1762—1810) 118, 124
Савельева Е. А. 7
Саж Бальтазар ле, Sage B. le (1740—1824) 147—150, 154
Салтыков В. Ф. (ум. 1730) 49
Салтыков С. В. (р. 1726) 19
Санчес Антонио, Sanches A. N. (1699—1783) 57—59, 73, 89, 90, 113, 126
Свинден Ян ван, Swinden J. N. (1746—1823) 46, 48, 81—83, 89, 94, 96, 101—103, 107, 108, 113, 114, 126, 128, 142, 145, 146, 149

- Севергин В. М., Sewerguine В. (1765—1826) 116, 143, 153, 164, 165, 174
- Семевский В. И. (1848—1916) 50, 57, 73
- Сен-Симон Луи, Saint-Simon L. (1675—1755) 22, 50
- Сиго де ла Фон Жозеф (1717—1799) 91
- Сидоровский И. 148
- Симмер Роберт (1707—1763) 79
- Сироткин В. Г. 74
- Слюсарский А. Г. 128
- Смит Адам (1723—1790) 54
- Соловьев С. М. (1820—1879) 13, 19, 49, 50, 52, 71, 74, 75
- Соловьев Ю. И. 129
- Сорель А. 111
- Соссюр Орас (1740—1799) 150
- Софья Алексеевна (1657—1704) 16, 22
- Спалланцани Ладзаро, Spallanzani L. (1729—1799) 82, 144, 145, 153
- Старов И. Е. (1745—1808) 37, 51
- Старцев А. И. 52
- Струэнсе Иохан (1737—1772) 60
- Сумароков А. П. (1718—1777) 67
- Тансен Клодин де (1681—1749) 24
- Татаринов Ю. Б. 128
- Тейлер Петер, Teyler P. (1702—1778) 84, 109
- Телеки Доминик (1773—1798) 159
- Теплов Г. Н. (1717—1779) 64
- Тихомиров В. В. 174
- Тома Антуан (1732—1785) 23
- Тонди Маттео (1762—1835) 118, 124
- Троншен Теодор (1709—1781) 37
- Трооствейк Адриан (1752—1837) 88
- Туган-Барановский М. И. (1865—1919) 74
- Тук Вильям (1744—1820) 157, 173
- Турго Жак (1727—1781) 54—56, 67
- Ушакова Н. Н. 129
- Фогель Хендрик (1706—1790) 92, 100
- Фальконе Этьен, Falconet E. (1716—1791) 26, 27, 33, 34, 36, 37, 39, 51, 64, 173
- Федоров Н. 148
- Фейнберг И. Л. 51
- Фейтама С. 34
- Фербер И. Я., Ferber J. J. (1743—1790) 139, 140, 153
- Филидор Франсуа (1726—1795) 26
- Фонвизин Д. И. (1744—1792) 21, 50
- Фонтана Джованни 49
- Фонтана Феличе (1730—1805) 114
- Фонтенель Бернар (1657—1757) 25
- Форстер Георг, Forster G. (1754—1794) 111, 121, 129, 130, 132, 135, 136, 152, 169
- Форстер Иоганн (1729—1798) 121, 157
- Фрагонар Жан (1712—1786) 26
- Франке Хорст, Franke H. 7, 173
- Франклин Бенджамин (Венниамин), Franklin B. (1706—1790) 78, 84, 85, 88, 90—94, 97, 98, 126, 127
- Фремери Николас де (1770—1844) 88
- Фридрих II (1712—1786) 34, 39
- Фуркруа Антуан (1755—1809) 115
- Фусс Н. И. (1755—1826) 102, 172
- Фюрстенберг Франц (1729—1810) 41
- Хемстерхёйс Франс (1721—1791) 41, 42, 113, 132
- Хенли Вильям (ум. 1779) 105, 128
- Хладни Эрнст (1756—1827) 174
- Хогер 118
- Холмогоров В. 49
- Холмогоров Г. 49
- Хотинский Н. К. (ум. 1811) 15, 18, 31
- Хоум Родерик, Home R. 52, 82, 126, 127
- Хюбнер Лоренц (1735—1807) 126
- Цверава Г. К. 127
- Циммерман Эберхард, Zimmermann E. (1743—1815) 125, 144, 150, 153, 160, 161, 163, 167, 169

- Чернов Ф.** 15
Чернышев П. Г. (1712—1773) 18, 19, 24
Шапп д'Отерош Жан (1722—1769) 70—72
Шарден Жан (1699—1779) 26
Шаскольская М. П. 153
Шауб Иоганн, Schaub J. (1770—1819) 164, 174
Шафрановский И. И. 133, 152, 153
Шедель Г. И. (1680—1752) 49
Шееле Карл (1742—1786) 141
Шельтема Якоб 126
Шерер А. Н. (1771—1824) 152
Шиллер Фридрих (1759—1805) 6, 157
Шильдер Н. К. (1842—1902) 51
Шметтау Самуэль фон (ум. 1751) 39
Шталь Георг (1659—1734) 87
Штаремберг Георг (1724—1807) 104
Штейглелер Георг (1738—1819) 126
Штелин П. Я. 46
Штелин Я. Я. (1709—1785) 46
Шуазель Этьен (1719—1785) 18, 19
Шубин Ф. И. (1740—1805) 37
Шувалов И. И. (1727—1797) 38, 59, 69
Шумахер И. Д. (1690—1761) 23
Шумигорский Е. 127
Щедрин С. Ф. (1745—1804) 37
Щедров И. 50
Щербатов М. М. (1733—1790) 67
Эйлер Иоганн (1734—1800) 95, 97, 110, 116, 118, 119, 125, 127
Эйлер Леонард (1707—1783) 80, 95, 99, 127, 167
Элуар Фауст (1755—1832) 124
Энгельс Фридрих (1820—1895) 26, 55, 73, 121, 130
Эпинус Франц, Aepinus F. U. T. (1724—1802) 45, 52, 80, 81, 95, 126, 173
Эрстед Ханс (1777—1851) 103
Юм Дэвид (1711—1776) 28, 51, 54, 61, 74
Юрий Патрикеевич, князь 8
Юсупов Н. Б. (1750—1831) 48, 51
Якоби Фридрих (1743—1819) 42
Яншин А. Л. 139, 152
Darnton R. 74
Dibner B. 126
Doppert E. 74
Dvojchenko-Markoff E. 127
Erdey Gruz T. 129
Forestier L. 50
Fraunberger F. 127
Goetz D. 126
Haan J. A. B. de 126
Hamers-van Duynen S. W. 126, 127, 129
Laudan R. 152
Lemcke H. 49, 51
Madariaga I. de 52
Mailly E. 128
Mohrenschildt D. S. 50
Snelders H. A. I. 126
Sudhof S. 51
Trencsenyi Waldapfel I. 129
Willemse D. 73

О г л а в л е н и е

От автора	5
Глава первая	
На службе России	8
Глава вторая	
Экономист и историк	53
Глава третья	
Естествоиспытатель	76
Глава четвертая	
Зрелость ученого	131
Глава пятая	
Президент Минералогического общества	155
Основные даты жизни и деятельности Д. А. Голицына	175
Принятые сокращения	176
Указатель имен	177

Г. К. Цвєрава

**Дмитрий Алексеевич
ГОЛИЦЫН**

75 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ